

ISSN 0234-8128

Минги Кай Элбурс

- ШАУАЛАНЫ ХАСАНГА – 85–ЖЫЛ.
- БЕПАЙЛАНЫ МУТАЛИП. Назмула.
- «ДИН КИТАБЫМ»
- БАККУЛАНЫ ВЛАДИМИРНИ СУРАТЛАРЫНДАН.

6. 2022

НАРТ СЌЗТЕ

* * *

Къыйынлыны къаргъышы жетер,
Насыплыны алгъышы жетер.

* * *

Къыйыр къазыгъын алгъанны
Саулай къыйылыр чалманы.

* * *

Къылыкъгъа кёре – ылыкъ.

* * *

Къылыкъны билген ылыкъны да билир...

* * *

Къылыч къынын кесмез.

* * *

Къымсыз сатыу болмаз,
Тынсыз батыр болмаз.

* * *

Къымылдаса, тишинг тюшер,
Къымылдасанг, ишинг бишер.

* * *

Къымылдап турсанг,
Аш болур – къабарса.
Къанкъылдап турсанг,
Баш ауруу табарса.

* * *

Къыптысындан бал тамады,
Къаптысы да аламатды.

* * *

Къыркъ киши – бир жанына,
Къыйыкъ киши – бир жанына.

* * *

Къыстау ишден – аш тамата,
Къыз сабийден – жаш тамата.

Малкъар жазуучуланы суратлау-адабият, жамауат-саясат журналы

1958 жылдан бери чыгъады.

№ 6 (226) ноябрь – декабрь 2022 ж.

Учредители

ГКУ «КБР-МЕДИА»

Баш редактор
Додуланы А. Т.

Редколлегия:

Бешпайланы Муталип

Бёзюланы Руслан

Берберланы Бурхан

Гадийланы Ибрагим

Ёзденланы Альберт

Ёлмезланы Мурадин

Джуртубайланы Махти

Зумакъулланы Танзиля

Мызыланы Къаншаубий

Мусукаланы Сакинат

Османланы Хыйса

Созайланы Ахмат

Табакъсойланы Мухтар

Шауаланы Хасан

**ЭЛЬБРУС
МИНГИ-ТАУ**

НАЛЬЧИК – 2022

ШАУАЛАНЫ ХАСАННЫ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫГЫ

Шимал Кавказда малкъар халкъ аз санлы миллет эсе да, аны ниет ырысхысын къанатландырып, атын айтдыргъан поэтлери бла жазыучулары кепдюле. Мечюланы Кязимден бла Къулийланы Къайсындан башлап, Зумакъулланы Танзилягъа дери. Отарланы Керимден башлап, Бабаланы Ибрахимге, Табакъсоуланы Мухтаргъа дери. Ол жаны бла кесини атын махтау бла айтдыргъан, халкъны литературасыны от жагъасын жандыргъанладан бири Шауаланы Исмайылны жашы Хасанды.

Хасан эл школда устазлыкъ эте да келгенди. Ана тилибизде басмаланган газетибизге фахму кючюн салгъан белгили журналистди. Бусагъатлада «Минги-Тау» журналны редакторларындан бириди. 1960 жыллада аны «Кюйген тап», «Ач эшикни, менме» деген китаплары басмалангандыла. Ким биледи, ол эки китап бла чекленип къалса эди Хасан, аты тири, фахмалу журналистча айтылып къалыр эди. Алай табиьгъат берген фахмусуну кючю уллуду – адамны къанатлы этип, алгъа, тауланы бийикликлерине, кекню кенглигине учундургъан бир затды. Шауаланы Хасан да, къанатларын терк керип, бир бири ызларындан «Жерни кезлери», «Бйыкъны ахыр кюню», «Бир жашауну минг бети», «Ит жыйын», «Асият», «Тузакъ», «Огъары-Чат» деген повестьлерин бла романларын жазып басмалайды.

* * *

Хасанны фахмусуна багъа биче, аны Шимал Кавказда кишиге ушатмагъан энчилигин сагъынмаса къ, кесаматыбыз учхара болур эди. Онбеш-жыйырма жылны ичинде суратлау чыгъармалагъа кез къарам тюрленгенди. Алгъын махталып тургъан ыспассыз болгъанды, сөгюлгенле, литератураны тарыхына къошулмагъанла уа махталырдан къалмайдыла. Ол къыралны саясаты, идеологиясы тюрленнгени бла байламлыды. Совет саясатны айтханындан чыгъалмагъанла бюгюнледе, ашыгъып, къараны акъгъа, акъны къарагъа алышындырадыла. Болсада аллай чыгъармаланы емюрлери къысхады. Шауаланы Хасанга бет алышындырыуну азабы жетмегенди. Нек дегенде ол къырал саясатха кезбауланып жазмагъанды. Аны чыгъармаларыны асламы халкъ сынагъан къыйынлыкълагъа, аны башы бла этген бушуулу тарыхха жоралангандыла. Сёз ючюн, «Бйыкъны ахыр кюню», «Кюбюрде табылгъан повесть», «Тузакъ», «Ит жыйын», «Дуния жаханими» дегенча

чыгъармаларын окъугъан Шауа улуну жазгъанлары заманны саркъыуундан, аны саясат тюрлениулеринден да азатдыла дерикди.

Эсгерте келгенибизча, окъугъанда, ишлегенде да, Шауаланы Хасан атын махтау бла айтдыргъанды. Алай ол жазыучуду. Жазыучуну иши уа, сыйлы эсе да, бек къыйынды. Усталыкъ бла жютюлюк, ыспас, намыс да жазыучугъа бир кюнде келип къалмайдыла. Ана сютю бла, табиигъатны кючю бла берилмеген фахмуну киши зор бла алалмайды. Ол закийлик урлукъча, чирчикча бир затды. Жазыучу аны, къаран къалдырмаз ючюн, кече-кюн да ёсдюрюрге борчлуду. Ишлеп, излеп, ийне бла къую къазаргъа эринмей, терекни ёсдюргенлей ёсдюрюп. Табиигъат бергенни ёчюлтмей айнытхан – адамлыкъны шартыды.

Шауаланы Хасанны литературада жюрюшю, атламы ал кезиуледе да тири эсе да, жаш жазыучу, кеси кесине бюсюреп, тапхан, белгилеген ызында тохтап къалмагъанды. Хасанны усталыгъы, фахмусу чыгъармадан чыгъармагъа, китапдан китапха ёсюп, жангырып баргъанды. Бусагъатлада уа ол сёз устасы болгъанды. Бюгюнледе малкъар проза, жашауну жангы илишанларына бет буруп, уллу сынаулу литературалагъа къошулгъанды деп ёхтемлене эсек, аны ол даражагъа жетиюнде Шауаланы Хасанны къыйыны уллуду.

Чыгъарманы, ол роман, повесть эсе да, эстетика юйретиу къыйматы аны къуурагъа онг берген, тизгинин жыйдыргъан баш магъанасы бла ёнчеленеди. Бусагъатлада малкъар прозаны айныуу неде кёрюнеди деген соруугъа жууап излегеннге – аны къуурашдыргъан, анга аякъ тиретген баш магъанасын жашау болумну кёп илишанлы, терен да этерге итинмекликдеди деге тийишлиди. Ол итинмекликде Шауаланы Хасанны «Жерни кёзлери» деген повести, литературабызда белгили жерни алып, суратлау даражаны тынгылы шарты болгъанды.

«Масхут туугъан журту ючюн, жангыз жашы Мутайны келлик жарыкъ жашауу ючюн ёлюрге барады. От ичине кирип барады. Къоркъмайды ол ёлюмден», – деп жазады автор «Жерни кёзлери» деген повестинде, жигитни этген батырлыгъы бла ачыкъ ёхтемленип. Умуту кишиликини, махтауну умуту болгъанын Шауаланы Хасан жашырмайды, аны юсюнден кеси да, жигитлери да ачыкъ айтадыла. «Жигитсе сен! Кавказ тауларыча, ёхтем жүрекклисе. Жолдаш, тамата лейтенант, къоркъма, сау боллукъса. Бизге ёлюрге эрттеди. Алыкъа душман бла кёп сермеширге тюшерикди». Бу сёзлени повестьде врач жаралы Масхутха айтады. Шауаланы Хасан жигитлерин къыйын, жангы къоркъуулу болумлагъа тюшюрюп сынаиды, адамны чынтты инсанлыгъы неда хомухлугъу шарт кёрюнюрча.

Шауаланы Хасанны повести басмаланган жылла малкъар проза, излеуню жолуна тюшюп, жетишимли бола, деулюк да сынай айныгъан жылла эдиле. Хасанны повестине тийишли багъа бичер ючюн, сёз бла жазылгъан повестьлени, романланы асламы окъуучуланы ыразы эталмагъанын эсге тюшюрюрге тийишлиди. Аны айтханыбыз – чыгъармала фольклорну төрелерин эниклегенлери бла, аладан азатланалмай, жигитлерин, класс сезимге, саясатха кёре, эки къауумгъа бёлюп суратлагъанлары бла байламлыды. Ол демеклик – жазыучула чыгъармаларында деулюкге бла семиртиуге неда масхаралаугъа баш магъана бергендиле. Акъ бла къара суратлау мадарланы араларында чек асыры кенг эди.

Шауаланы Хасан аллай суратлау мардадан азатланыуда тынгылы атламла этген жазыучуладан бири болгъанды. Аны «Жерни кёзлери» деген чыгъармасы, 1960 жылланы ахырында басмаланып, биз белгилеген фикир бла тынгылы келишеди. Повестьде сёз Ата журт урушну кезиуюнде Масхут бла Юсюп тюшген болумланы юслеринден барады. Алай автор, семиртиуге алданып, жашау кертиликни бузмайды, жигитле, хорлай эселе да билек кюч бла, булгъашып-жагъалашып хорламайдыла. Ол угъай, жазыучуну бир-бир жигитлери борбай къарыусулукъ окъуна сынайдыла: «Офицер, Юсюпге жан аурута, барып, ёрге тургъузду. Юсюпню тобукълары къалтырадыла, кёзлери къарангы этдиле», – деп жазады автор.

Шауаланы Хасан, повестинде деулюк демекликни унутуп къоймай эсе да («къаялача тынгылайдыла жашла»), жигитлерини къылыкъ, адежлик къолайларын ачыкъларгъа итинеди. Ала кючлю эселе, – жүрек отлары, ниетлери бла кючлюдоле, деген оюмну ачыкълайды.

«Жерни кёзлери» эллилени жашауларына, урунууларына жораланганды. Алай озгъан кюнле бла урушдан сора кюнлени байламлыкъларын, жигитлени къылыкъларын, ишлерин ангылатыуда урушну къыйынлыгъын эсгериу Хасаннга жашау кертиликни кёргюзтюрге болушады.

Башха жаны бла алып къарагъанда уа, повестьни къурау тутуругъу – мамыр жылланы адамлары, аланы ишлери, дуниядан ангылаулары, юйюр жашауларыды. Жигитлерин къауумлагъа юлешген, аланы ич дунияларын белгилеген чойреликленни сылтауларын, тамырларын эски адет-төреледе излей эсе да, инсанлыкъны уллу къыйматын, ол неден да магъаналы болгъанын жазыучу энчи чертирге унутмайды. Инсанлыгъ'а жамауатны, элли алларында адамны жууашлылыгъын сезе билгени бла ёнчеленеди. Урунуугъа кёз къарамы бла, тюзлюк сермешледе жерин таба билгени бла.

Жашау дегенинг кѣп макъамлы, кѣп бетлиди. Аны къайсы бетин сайлайды, тарыхны къууанчынамы огъесе бушууунамы эс бурады жазыгучу – ол аны кѣз къарамына, ачыкъларгъа итинген фикирине бойсунады. Алай жазыгучу жашауну агъын, къарасын да бирикдирсе окъуна, неда бир бучхагъын сайлап чекленсе да, баш борчу жигитлерини къылыкъларын, ич дунияларын толу ачыкъларгъады. Чыгъарманы юйретиу неда, эсгертип, эс тапдырыу магъанасы окъугъан жамауатны сагъышландырырча.

Суратлау чыгъарма жашауну ызындан бармайды, жашауду аны ызындан баргъан. Нек дегенде, айтханыбызча, чыгъарма юйретирге бла осал къылыкъла бла кюреш бардырыр ючюн деп жазылады. Шауаланы Хасанны суратлау дуниясыны махтаулу илишанларындан бири аны бла байламлыды.

1960 жылладан башлап, бюгюнлеге дери малкъар проза миллет тарыхыбызны кѣп тюрлю ауушларын суратлагъанды, жарсыулу, бушуулу ауушларына артыгъыракъ эс буруп. Ол жаны бла кѣчгюнчюлюкню темасы энчи болгъаны да кертиди. Анга чыгъарма жораламагъан жазыгучуну атын айтхан окъуна къыйынды. Алай аны сылтауу недеди – озгъан бушууну жангыдан эсгертиргеми, огъесе къыйын кюнледе адамлыкъ сакъланганмыды, огъурлулукъ малтанмай къалгъанмыды деген соруумуду жазыгучулары сагъышландыргъан?

Ол тюрлю оюмду Шауаланы Хасанны чыгъармаларыны сюжет жиплерин айнытхан, жигитлерини да бетден-бетге сюеген. Миллетге кѣчгюнчюлюкню къыйынлыгъын къырал саясаты эм аны мыртазакълары сынатханларын Хасан бир чыгъармасында да унутмайды. Алай кѣчгюнчюлюкню жылларында адамла инсанлыкъларын сакълаялмагъанлары, малкѣзлюкге бла жалынчакълыкъгъа хорлатып, ахлулукъну, тау адетни, тѣрелени унутханлары жарсырчады. Тѣппеланы Алимни «Пиринчи сютлей акълыгъы», Шауаланы Хасанны «Бйыкъны ахыр кюню», «Кюбюрде табылгъан повесть», «Тузакъ» деген чыгъармаларында къырал саясат берген къыйынлыкъгъа адамла кеслери да къыйынлыкъ къошханлары тынгылы суратланады.

Ол жаны бла «Бйыкъны ахыр кюню» деген повестьни энчи айтырчады. Автор чыгъармасына эки заманны сыйындыргъанды – 1930 жылланы бла урушдан сора онжыллыкъны. Анга кѣре, жигитлери да (Тахир, Харун, Сафар, Мариям) жашау къыйынлыкълада сыналадыла. Ач-жалангач жыллада адамгъа кертиликни неда тюзлюкню сайлаудан къыйын сайлау не хазна болур эди. Кѣплени терсине тюртген, кѣплени да адамлыкъ борчларына бютюнда сакъ этген жылла эдиле ала.

Харунну жашаууну, къадарыны юсю бла жаланда башында ырахатлыкъ, токълукъ излегенни жарсыгулу жазасын ийнанулу, тынгылы да кёргюзтгенди жазыгучу.

Ырахатлыкъмы, артыкъ къабар гыржынмы, огъесе намысымы, жамауатмы, къоншуларынгы хурметлерими? Заманны бу эки сорууна жууап излеп, Харун кёп кыйналмагъан эди: къарындашыны ёксюз сабийлерин, ажашдырып, юсюнден атаргъа къоншуларындан уялмайды. Арбазында парийин халал этип, къарындашыны сабийлерин харам этген Харун.

«Ыйыкъны ахыр кюню» деген повестьни жигитлери юйюр болумла бла байламлы суратланадыла. Алай заманны кыйматлы сорууларына жууап излерге, адамны тарых, жамауат аллында жууаплылыкъын ачыкъларгъа авторгъа ол шарт чырмаулукъ этмейди. Ёксюз сабийлени, къарындашын гыржыннга алышып, антына ёлген Харун. Ата журтха, туугъан жерине жетгенде, инсанлыкъын сакъляялмазлыкъы кертиди. Ол жамауатны адамы туююлдю. Жазыгучу да анга, айып салып, учузлукъ сынатханды. Харун ыспассыздан ёледи. Ол жаланда авторну айыбы туююлдю – заманны, жамауатны айыбы эди.

Кертиди, кёчгюнчюлюкню кыйынлыкъы халкъны апчыханды, ашсыз къалдырып, жалангач этип. Жан кыйынлыкъ адепни, тёрени да унутдурады. Ахлулукъму, огъесе кеси жанымы деп, сайлау салынган заманда асламысында инсанлыкъ акъсамай къалмайды. Кёчгюнчюлюкде да биз адамлыкъыбызгъа чып тюшюрмегенбиз, тилибизни, динибизни да сакълап, бир бирге билеклик этгенбиз дерге бюгюнлюкде биз ёчбюз. Алдау, кёзбау сёздю ол. Кёчгюнчюлюкде ахлулукъ, къоншулукъ да унутулгъаны уа кертиди. Кёчгюнчюлюк адамланы ич жарсыгуларын, жүрек гурушхаларын бютюн бек ашландырып, тап, ичлеринде тутарыкъ, жамауатдан жашырлыкъ чурумларын да тышына чыгъартдыргъанды.

Шауаланы Хасанны «Кюбюрге табылгъан повесть» деген чыгъармасы жашау кертиликге табынган повестьледен бириди. Аны баш жигити Пилжан инжилгенин, жүрек кыйынлыкъын, ахлуларына, къоншуларына билдиргени бла чекленмей, жазыу этип, къагъытха тюшюргенди. Алай аны ич кюйюню, бушуулукъ къадарыны сылтауу недеди деп кесаматлагъанда, кёп тюрлю шартланы айтыргъа боллукъду. Эринден ёнгелепми инжиледи неда къайынларындан, огъесе сылтауу къайын анасы бла саусузлугъумуду? Аллай шартла кимни да кыйнаргъа аз туююлдюле. Болсада барысын да озгъан, ашландыргъан, энчи белги салгъан кёчгюнчюлюкню ачыууду. Уллуланы, сабийлени от жагъаларындан айырып, ажашдырып, бушуулукъ сынатхан. Ол жаны бла кесаматлагъанда, Хасанны

«Тузакъ» деген повести халкъ тарыхны бушуулу бетин тынгылы суратлагъан чыгъармаладанды.

Кёчгюнчюлюкню палахындан малкъар халкъны акъылбалыкъ болмагъан сабийлери ачыгъандыла – ата-аналарындан артха къалып, ажашып, ол угъай, ундурукълада, бешикледе унутулгъан къагъанакъла окъуна болгъандыла, Орта Азияда да ахлуларын табалмай, гыржын бурху амалтын ёлюп кетген сабийле.

Хасанны повестинде окъуучу ол тюрлю къыйынлыкъ жунчутхан эки эгешчикни – Зубайда бла Лизаны – къадарлары бла танышады.

Повестъни сюжет жибини башланууу былайды: Зубайда, хар замандача, уянып, отоудан тышына чыгъады – не арбазда, не тийреде адам къымылдап кёрмейди, жаланда итлери сынсып-улуп, къызчыкъны аллына келип, тарыкъгъаннга ушайды; тауукъла, къойла, бузоула, ийнекле – барысы да ашсыз, мудах, шургулу. Зубайда, къычырып, анасын, къоншусун излейди – киши жууап этмейди. Къызчыкъ, ызына къайтып, эгешчиги Лизаны уятады: экиси да, жашау къужур тюрленип къалгъанын ангылаялмай, ангыларгъа, билирге уа термилип, ёрге-энишге чабадыла, алай шум-шумалакъ болуп къалгъан элде адам къымылдап кёрмейдиле.

Эгечле, не этерлерин билмей, тузакъгъа тюшгенча, къымылдаялмай къаладыла. Ол халда кёкде булутла, жерде терекле, эшиклери-терезелери бош къалгъан юйле, хунала – барысы да, уюп, хауа жорюмегенча, тунчугъуп къалгъанча боладыла.

Повестъге «Тузакъ» деп да андан аталгъанды. Халкъ кеси, аны туугъан жери, агъачы-ташы тузакъгъа тюшюп, солууу, жашауу сыйырылгъанды деген магъанады ол. «Тузакъ» деген сёзню белгиге айландырып, саясат, мюлк-ырысхы, эркинлик-тенглик жаны бла миллетге артыкълыкъ этилгенин кёргюзтеди Шауаланы Хасан.

Повесть къыраллыкъгъа, аны саясатына, идеологиясына да айып салгъан чыгъармады. Сабийле, ёсе келген жаш тёлю къыраллыкъны байрагъын эниш этдирмезлик кючдю. Анга кёре, сабийлени къадарларын сыйыргъан саясат, къыраллыкъ, эртте-кеч болса да, онгарыкъ туююдю деген ниетни ачыкълайды Шауаланы Хасан.

Повесть белгилени магъаналарын тутхан сыфатла бла, жаз тил бла жазылгъанды. Сёз ючюн, «Тузакъ» деген белги (символ) къырал ёз халкъларын тузакълыкъда тутханды деп, аны саясатын, идеологиясын, ол юйретген аскерчилени да терслейди.

Зубай бла Лиза, бош къалгъан элде ёрге-энишге чабып, адамла излей, кеслерини ачы къычырыкъларындан башха, таууш эшитмейдиле. Алай сабийлени къычырыкълары битеу

да ата-аналаны кычырыкларыча эшитиледи. Станцияда вагонга минерни аллында эки кызычыкны аналарыны сыйыт этип жилигъаны да ёз магъанасындан кенгди – Ата журтлары сыйырылгъан адамланы жилиялары эди ол.

Шауа улуну повестьлеринде кёчгюнчюлюкню юсюнден ачык айтылмай эсе да, ол инсанлагъа сынатхан артыкчылыкны жазычу унутмайды. Аны белгилегенибиз – тамата тёлую ызындан ёсгенле совет саясатны кыйын жылларында айныгъандыла демеклик бла байламлыды. Миллет адетле бла тереле бырнак этилип, социалист адет-кылык деген жалгъан сёз саясат бет алгъан жыллада. Комсомол, кырал идеология да аз санлы халкъланы ёсе келген тёлуюне миллет тамырындан айырыргъа итингенлери кыйсы бирибизге да белгиледи. Бютюнда туугъан жерлери сыйырылып, буюгъуп-кьоркьуп жашагъан тёлуюе кырал саясатны тежеуден терк татый эди. Миллет тамырындан айырылгъан адам а топурагъындан айырылгъан тереклей болуп къалады.

Шауаланы Хасанны «Асият» деген повести социалист жашауну кыйынлыгына жораланган чыгъармады.

Тиширыу жумушакчылыкны бла халкъда жюрюй келген ахлулукъ терелени саясатха сыйындыралмагъан инсанны юсюнден хапарлайды ол. Былай къарагъанда, Асиятны айтхан сёзлери, этген ишлери да тюздюле. Бютюнда заманга кёре ёнчелесенг. Болсада адамлык дегенинг таза ниетлиликди, кенг ангыламды, жашаугъа тынгылы эм сабыр кёз къарамды. Заман, саясат ауузунга салгъан сёзлеге таяны тынчды, адамлыкны сакъларча тюз сайлау этген а кыйынды. Асиятны эси уа такъырды, мардалыды. Къарындашы урушдан къачып келгенин билгенинде, ол аны жояргъа, тутдурургъа хазырды.

Кертиди, адам, Ата журтну аллында борчун толтурмай, албугъартса, ол ата-анагъа да хычыуун кёрюнмейди. Кыйсы эгечни апчытмай бла ачытмай къояр аллай айыплы иш. Асиятны да къарындашына чамланыуу тюздю. Болсада эгечни жюреги эрий, инжиле билирге керекди. Ата журт неден да сыйлыды. Алай ахлулукъну тынч, сагъышсыз малтагъан адам башхалагъа да игилик этерик туююлдо. Артда, Орта Азияда, Асият туугъан анасына да кыйынлык сынатырдан артха турмагъанды. Айхайда, былайда таулу тиширыугъа жюрек къатылык, къадырлык кыйдан чыкыгъанды, аны тамырландыргъан сылтау неди деп сорургъа тийишлиди.

Инсанны ич дуниясын, сезимин заман тохташдырады. Хасанны жигитини эсин айныгъан заман а кюйсюз эди. Адамланы бир бирге юсюрген, бири биринден кьоркьуп, сагъайтып жашарча этген. Сталинчиликни кзулу-къазакълары, бегеуоллери ким не айтады да, кимни жоябыз деп жашагъан заман эди.

Ол заман, айтханыбызча, адамланы, ёз миллетлеринден, тёрелеринден, ана тиллеринден, динлеринден да юркютюп, жалгъан дауну, саясат гурушхалыкъны къарауашлары этгенди. Угъай, биз былайда сталинчи бузукълукъла адамланы барысын да бюгюп къойгъан эди деп айтмайбыз. Алай, ол къыйын заманнга кеслерин жарашдырып, жан тынчлыкъ сакъларгъа кюрешгенле неда жүреклерин, ич дунияларын сталинчи саясат мардагъа сыйыргып жашагъанла асыры кёп болгъандыла. Асият, ол такъырлыкъгъа ийнанып, анга хорлатханладанды. Инсан жүрегинде къоншулукъгъа бла ахлулукъгъа халкъда жүрюген иги тёрелеге суймеклигин закон мардагъа табыныу бла бирикдирмесе, ол законну, тёрелени да онгдурмайды. Асиятны ёз жарлылыгъы, башхалагъа кёргюзтген хурметсизлиги да аны бла байламлыды, Сталинчи заман хурметсиз эди, адамланы жүреклерине ачы урлугъун атып, тири ёсдюргенди. Шауа улуну повести ол затланы юсюнден сагъыш этдиреди.

Фахмулу жазычуну жангы чыгъармасы, литература ёсгенин белгилеп, жашауубузгъа алай киреди. Окъуучула, аны олсагъат эслеп, кеслерини кесамат сёзлерин айтып да къоймайдыла. Иш анда туююлдо. Сураглау чыгъармагъа анга кёре багъа бичилмейди, ол окъуучуну ыразы этип да бармайды. Нек дегенде эстетика сезим, излем кёп тюрлю болады. Алай ёмюрледен бери тюрленмей келген ёлчемле, жорукъла бюгюнлеге дери тас болмай, онгмай тургъанлары да кертиди. Ол ёлчемле жазычуну кёз къарамыны энчилиги, жютюлюгю бла байламлыдыла. Окъуучуну сагъышландыргъан, эрликни, тазалыкъны сакъларгъа юйретип, эс тапдыргъан жютюлюк бла. Адамны сагъышландырмагъан чыгъарма, айхай, бир инсанны да жүрегинде ыз къалдырмайды.

Биз бу сёзлени, Хасанны «Ит жыйын», «Дуния жаханими», «Жылла», «Бир жашауну минг бети» деген чыгъармаларын эсерип, андан айтабыз.

Жашауну толу, терен кёргюзтюрге базыныу, ол жаны бла жетишимли атлам эте билмеклик Хасанны усталыгъын кёргюзтген шартды. Жангы романына «Бир жашауну минг бети» деп да андан атагъанды. Роман жаланда авторну чыгъармачылыкъ жолунда аууш туююлдо, ол малкъар прозагъа тынгылы къошумчулукъду.

«Бир жашауну минг бети» малкъар халкъны тарыхын, жашауну, кюрешин, Октябрь революцияны ал жылларын дан башлап, бюгюнню кюнлерине дери кёргюзтеди. Аны социальна сезимини айныу жоллары тау элдеде тынчлыкъ бла орналмагъанын, граждан уруш, колхоз къурулуш, Улуу Ата журт уруш – совет халкъланы тарыхыны ол къыйын ыфчыклары, алагъа кёре уа, жигитлени къадарлары, къыйынлыкъла

ры, Хасанны чыгъармасында жер табып, аны энчилигин белгилейдиле. Болсада жазыучу тарых, жамауат чюйреликлени бютюн къыйын этген неда ала бла байламлы къозгъалгъан инсан чюйреликлени да унутмайды. Барысын да бирден, жарты жолда юзмей, романны жүрек урууун да селейтмей, тынгылы ачыкълагъанды Хасан. Жигитни къылыкъ-ылыгъын, сезим къолайын да, тарых, жамауат, юйюр жашауну да бетин, энчилигин кёргюзтюуге итинмеклик – усталыкъны, уллу жууаппылыкъны, хунерни шартыды, ол хунерни тынгылы иерлеген жазыучулукъ жолундады деп, ачыкъ айтыргъа боллукъду.

XX ёмюрде малкъар халкъ кёп тюрлю тарых ауушланы сынагъанды. Алай хар аууш миллетге къыйынлыкъ, жарсыу келтирген бушуу эди: инсан уруш, саясат тежеулукъ этген 1920–1930 жылла, Уллу Ата журт уруш, кёчгюнчюлюк дегенча. Кёчгюнчюлюкден сора миллетни аягъы юсюне салыргъа, тозурагъан мюлк, ниет ырысхысын айнытыргъа итинмеклик да тынч туююл эди. Ол тарых ауушланы хар бири, жамауатны къауумлагъа бёлюп, къоншуну къоншугъа, ахлуну ахлугъа къажау сюегенди.

Малкъар халкъны ол тарых ауушларыны юсюнден ана литературабызны тарыхы да къуралгъанды. 1930 жылладан башлап, бюгюнлеге дери. Залийханланы Жанакъайытны, Этезланы Омарны, Шауаланы Миналданны, Гуртуланы Бертни романлары, сёз ючюн, 1960–1970 жылладан сора биз башында сагъынган тарых ауушлагъа кёз къарам тюрленнгени бла байламлы суратлау оюм да тюрленнгенди. Шимал Кавказны сёз искусстволарында, класс чюйреликле азайып, жашау кемчиликлени, инсан къылыкълада шарайыпланы ачыкълау тохташханды. Аны бла бирге, инсан урушну, колхоз къурулушну жылларында адамла, учхара саясатха табынып, аны къулу-къазагъы болургъа итинип, дуняда бек сыйлы ырысхыны – адамлыкъны бла ахлулукъну – ыспассыз этгенлери литературабызда бийик суратлау даражада ачыкъланадыла. Ол жаны бла Тёппеланы Алимни, Гадийланы Ибрахимни, Шауаланы Хасанны чыгъармаларын энчи айтырчады, артыкъда Хасанны «Ит жыйын», «Дуня жаханями» деген романларын.

«Дуня жаханями» малкъар халкъны жашауун, 1932 жылдан башлап, урушдан сора онжыллыкъгъа дери суратлайды. Ол кёп тюрлю соруулагъа эс бургъан, кёп жигитлени къылыкъларын ачыкълагъан чыгъармады. Аланы атларын сагъына, Абдулкеримни, Атабийни, Батырбийни, Къаспотну, Шарипаны эм башхаланы къадарлары миллетни къадары бла байламлы тынгылы суратланады дерге тийишлиди. Жигитлени бир къауумлары, «жаханим дуняны» отунда кюйюп, гунч болуп кетгендиле. Башхалары, кёп тюрлю «жаханим» отларында

күйюп, болсада, ёлмей, бюгюлмей, бел къатдырып, миллетине, къыралгъа да кертичилей къалгъандыла. Романны аллай жигитлери (сёз ючюн, Атабий), халкъны къадарына сыйынып, аны тёзюмлююгюн бла ниет тазалыгъын белгилейдиле. Чыгъарманы сюжет жибин жигитлени къыйын къадарлары къурайдыла дерге да боллукъду. Алай романны сюжет жиби, инсан къадарла бла чекленмей, кёп тюрлю чюйреликле бла да белгиленеди. Сёз ючюн, къырал даражада чюйреликле, инсан чюйреликле, тышындан келген чюйреликле, юйор жашауда чюйреликле дегенча. Барысы да, биригип, жигитлени ич дуняларын, ниет къолайларын тынгылы ачыкъларгъа Шауа улугъа онг бергендиле.

Болсада, сайлау этерге тюшгенде, инсанланы араларында чюйреликни айтыргъа тийишлиди. Къырал саясатха алданып, адамлыкъдан бла ахлulukъдан да аны бек сыйлагъанла малкъар халкъны төрелерин, адетлерин ёз тынчлыкъларына алышхандыла. Былайда къырал саясатны сууукълугъундады терслик дерге боллукъду окъуучу. Жан сакълар муратда, къабыргъларын идеологиягъа жарашдырыргъа керек эди. Алай, айта келгенибизча, хар инсанны эки сайлауу болады – тюзлюк бла терслик, жалынчакълыкъ. Шауа улуну романыны жигитлери Батырбийни, Удовну да бар эдиле сайлаулары. Болсада Батырбий, юлгюге айтханда, ёмюрледен бери тохташып, сыйлыгъа саналгъан миллет ниет ырысхыларындан эсе, кюйсюзлюкню сайлайды. Жалгъан дау айтып, къоншуларын, ахлуларын жояргъа заман онг бергенде, ол онг бла толусунлай хайырланады.

Былайда къырал саясат терс эди, адамны, ырбыннга тыйып, азатлыгъына къоркъуулукъ салгъанды деп, Батырбийчаланы акъларгъа жарамазлыгъы белгиледи. Кертиди, къырал саясат къаты эди, сууукъ. Болсада, инсанны ич ишлеми къаран туююл эсе, саясат сууукълугъу аны, чий чыбыкълай, аллында ийилтмез эди.

Алай бла Хасанны «Дуня жажаними» деген романы заманны «жаханниминде» кюйгенлени, аны отун ышыргъанланы (Батырбийчала, Удовчаланы) бла «жаханним отунда» кишиликлерин тас этмегенлени юслеринден сагъыш этдирген чыгъармады.

* * *

Шауаланы Хасан сёз искусствобузну кёп тюрлю жанрларыны низамларын толу ангылагъан, аланы айнытхан да этген жазыгучуларыбызданды. Газет статьяла, очеркле, хапарла, повестьле, романла, эсгериуле – была барысы да аны чыгъармачылыкъ ишинде тынгылы белгиленгендиле. Хар бир жанрны энчилик сырын, хатын, сёз излемин да Шауа улу жанрны да-

ражасы излегенча тохташдыргъанды. Юлгюге айтханда, повесть, роман да хапарлау, кёргюзтюу, сурат къурау амаллагъа бойсуннган жанрладыла. Алада хапарлау басымлы, сабыр болургъа керек эсе, Хасан эпика урукъну ол излемин кем этмейди. «Мылы туманнга тумаланнган ауур желчик Атабийни къошундан узакъ болмай ёсген чертлеуюк тереклени бутакъларын аз-маз къымылдатады», – деп башлайды жазыучу «Дуния жакхаными» деген романын.

Жашауну хар илишанына бла шартына, къолда жюрюген сауутлагъа, адырлагъа окъуна заман кесини белгисин, энчилик тамгъасын салады. Шауа улу эпика жанрны ол жоругъун, излемин да унутмайды. «Дюгерхан анасыны къатына барды да, сабы къачан эсе да отда кюйюп, иги да чубур болгъан къара чолпу бла къайнай тургъан къазанны булгъады», – деп, Хасан андан жазады.

Эпика жанрны тил байлыгъын, жигитлени сёлешуу энчиликлерин бирикдириуде усталыкъ миллетни литературасы жетишимли болгъанын кёргюзтген шартды. Шауаланы Хасанны фахмусу да ол ыз бла айныйды. Фахмуну аллай илишаны аны башха жанр чыгъармаларында да ачыкъланнганды. Сёз ючюн, белгиленнген тарых шартлагъа таяннган чыгъармалары, сюймекликке жораланнган повести (юлгюге, «Ингир ахшы болсун, сюймеклик»), «Жылла» деген эсгериу китабы эм башхалары.

Халкъны белгили адамларына жоралагъан «Жылла» деген китабы, эсгериуле, очеркле, тарых шартлагъа кёре къуралгъан чыгъармала хапарлагъан повестьледен бла романладан башха жазыу хатха бойсунадыла. Болсада Шауа улуну алада да сёз, ачыкълау амалланы сайлауу суратлау эстетиканы даражасындадыла.

ТОЛГЪУРЛАНЫ Зейтун

**Шауаланы Хасанны юсюнден айтылгъан оюмла,
сора анга келген къагъытладан**

* * *

Дорогой Хасан, третьего октября 1978 года секретариат СП РСФСР принял тебя в члены союза писателей СССР.

Сердечно поздравляю! Обнимаю!

*Къайсын Кулиев,
Москва*

* * *

Недавно я прочел еще одно произведение известного балкарского прозаика Хасана Шаваева «Письмо, пришедшее из ада». Этот рассказ тоже свидетельствует о том, что автор не выдумывает образы своих героев, а берет их из жизни, которую знает хорошо.

Хасан Шаваев никогда не ограничивается изображением факта, даже если он сам по себе интересен, а доводит его до уровня художественного воплощения. Этим отличается всякий настоящий писатель от ремесленников.

10/VII 1968 г.

*Борис Кагермазов,
Народный поэт КБР*

* * *

Шауаланы Хасаннга, жюрегими бек татлы тенгине, узакъ ёмюрлю болурун суйгеними билдирирге тилиме эркинлик береме. «Кёп жаша, жаным!» – деп, алгъыш этеме.

28/VIII 1982 ж.

Къудайланы Маштай

* * *

Ассалам-алейкум, Хасан-жан!

Письмонгу алдым, «Коммунизмге жол» газетни мени назмуларым басмаланган номерин да. Бек къууандырдынг, жаным. Юйюрюнгден, тенглерингден, жашауунгдан къууан хар заманда.

Орус тилде чыкыгъан «Ыйыкъны ахыр кюню» деген китабынгы окъудум. Анда юч повестъни да кесинги жашау жолунгдан жазгъанынга ишексизме. Ол китапны бусагъатда юй бийчем окъуй турады. Бек тырман этеди: «Бу къыйын китапны манга окъургъа берип, нек жиятдынг?» – деп.

Хасан-жан, «Бйыкъны ахыр кюню» деген повестинги узбек тилге кёчюрюр акъылдама, ыразы эсенг, терк билдир манга.

1990,

*Султан Акбари,
Узбекистанны халкъ поэти.
Ташкент, ул. Композиторов, 6.*

* * *

Багъалы Хасан!

Керти жазыучу, керти адам болгъанынги билдире, Къарачайдан уллу салам. Саулукъ, эсенлик, ырахатлыкъ, жюрек тынчлыкъ. Битеу ахшы муратларынг толсунла. Кёлюнг хама да чууакълай турсун, багъалы Хасан!

Лайпанланы Зарият

* * *

Здравствуйте, Хасан Исмаилович!

Посылаю Вам две новые песни на стихи Кайсына Кулиева, по тематике они всем очень понравились. Думаю, что понравятся и Вам.

Кстати, я Вам очень благодарна за сборник песен Омара Отарова. Спасибо за хлопоты.

Хотелось бы знать, что нового в вашей творческой деятельности? Желаю успехов!

Карачаевск, 12/IV 1988 г.

*Фатимат Токова,
композитор*

* * *

Жашауда не жаны бла да къыйыныракъ тюшеди: сабий ёсдюрген, юй жумушла да кёп заманынги аладыла.

Биринчи жазгъан затларымы жазыучу Шауаланы Хасаннга элтиучю эдим. Сау болсун, бек ыразыма анга. Ол жазгъан затымы, айтхан сёзюмю сансыз этип кёймай, кёлюмю сындырмай, жазыу ишге кёллендиргенлей тургъанды.

13/VII 2002 ж.

*Занибекланы Зухра,
Малкъар тиширыуланы арасында
биринчи драматург*

* * *

Биз, Огъары Малкъарны 8-жыллыкъ школуну окъуучулары, Сизни туугъан кюнюгюз бла алгъышлайбыз! Бизни ариу,

таза ниетли алгышыбызгъа бек суйген устазыбыз, Баллийланы Роза Баразовна да кьошулады. Миллетибизни аллында, чууакъ кёкню тубюнде, Айча, Кюнча жашай, жаз бу суратда гюллеча чагъа, кёп жылланы ичинде адабиятыбызгъа кьулдукъ эте жашагъыз!

Огъары Малкъар, 15/XI 1990 ж.

* * *

Багъалы редакция!

Биз, «Коммунизмге жол» газетни окъуучулары, Шауаланы Хасанны быйыл июль айда газетибизде басмаланган «Кюбюрде табылгъан повесть» деген чыгъармасыны юзюгюн окъугъан эдик. Аны бек жаратханбыз. Амалы болгъаны чакълы, повестьни кьалгъан кесеклери бла да шагъырей этеригизни тилейбиз.

Кичибалыкъ, 27/IX 1988 ж.

*Текеланы Зухра,
Жаппулары Фатимат,
Ёзденланы Ибрахим*

* * *

Дорогой друг-дос Хасан!

Горячий привет Вам из Киргизии!

Большое Вам спасибо-рахмат, что Вы перевели и напечатали мой очерк «Парни из легенды». Я получил два экземпляра газеты. Ещё раз большое спасибо, дорогой друг Хасан-дос!

*Самат Шакир,
Народный писатель Татарстана*

* * *

Дорогой Хасан!

Высылаю тебе перевод повести «Последний день недели», в одном экземпляре. Получилось 161 стр.

«Глаза земли» я уже тоже перевел. Осталось отпечатать на машинке. Это я сделаю после возвращения из командировки. 25 апреля еду в Свердловск и Тюмень. Значит, где-то в мае тебе вышлю вторую повесть. Она, я думаю, будет стр. 200. Таким образом, до 20 листов не хватает страниц 80.

Желаю тебе всего хорошего. Обнимаю.

Москва, 2/IV 1986 г.

Володя Дагуров

* * *

Хасан, салам алейкум!

Нечиксе, жанчыгъым?! Зокаланы Зейтун бла мен а, сиз ашыргъанлы, мындабыз, Москваны къатында курортда. Не айтаса, бу тийреде быллай ариу жерле бардыла деп, бирда турмай эдим.

Табийгъатны суратлап айтыргъа менде фахму къайда. Бир заманда келсенг, кёрюрсе.

Ай, сен мында болсанг эди!

Эсен кёрюшейик!

Москва, 12/VII 1982 г.

Отарланы Исмайыл

* * *

Салам алейкум, Хасан!

Получил твоё письмо. Я очень рад, что ты сдал кандидатский минимум по философии и по иностранному языку. Ты молодец! Сообщаю, я готов быть твоим научным руководителем.

Баку, 2/IX 1966 г.

*Бабаев Нуредин Гасанович,
доктор философских наук,
профессор*

* * *

Уважаемый Хасан!

Желаю успехов в творчестве и крепкого здоровья. И чтоб мы, когда-то встретились опять, вспомнили «Литгазету»!

Рига, 30/IX 1972

Айварис Калве

* * *

Дорогой Хасан!

Всё помнится, всё хранится в душе – твоя земля, твои друзья, наша поездка.

Счастья и успехов тебе в Новом году!

Киев, 29/XI 1972

*Анатолий Хорунжий,
Народный писатель Украины*

* * *

Дорогой Хасан, салам алейкум!

Я не успел перевести свой очерк о Кайсыне Кулиеве на русский язык. Меня «случайно» отправили на с/х работы. Ке-чирип, кёчюрюп кёюгъуз. Вы же хорошо знаете наш язык.

Маштай Кудает сейчас находится на жайлоо, я не смог с ним встретиться.

*Саид Урмамбетов,
Народный поэт Киргизии*

* * *

Уважаемый Хасан Исмаилович!
Приветствую Вас! Я закончил переводить рассказы киргизских писателей, жду Ваши подстрочные переводы.

Киев, 18/XII 1999 г.

Степанюк Борислав Павлович

* * *

Багъалы Хасан-жан!
Сени письмонгу алып, болмагъанча къууандым. Мени юсюмден статья жазып, малкъар газетде басмалагъанынгы уа бир затха да тенг эталмайма. Жазыучуларыбызны кёбюсюне кёргюзтгенме аны, махтанып. Сау бол, къарындашым. Уллу Аллах санга узакъ ёмюр, тауусулмазлыкъ игиликле берсин! Юйюрюнге, тенглеринге менден салам айт.

Жазыу иште не жангылыгъынг барды? Онг болса, манга бир-эки китабынгы жибер. Ёз тилиме кёчюрюр муратым барды. Мен, къаракъалпакъ уланы, малкъар тилде не тюрлю чыгъарманы да къыйналмай кёчюрлюгюмю ангылагъанма.

Манга, кёп болмай, «Къаракъалпакъ халкъ жазычусу» деген ат бергенлерин да къууанып билдиреме.

Нухзе, 1999 ж.

Аденбий Тажимуратор

* * *

Дорогой Хасан Исмаилович!
Обращаюсь к Вам с большой просьбой.
Подошлите мне, пожалуйста, в редакцию журнала «Дружба народов» одну-две книги своих – можно на родном языке – с автографами для нашего подшефного Нурека: «Интернациональной дружинской библиотеке на Нурекском ГЭС им. Л. И. Брежнева от автора...» и т.д.

О нашей уникальной коллекции книг с автографами в Нуреке, которая насчитывает сейчас уже более 13 800 томов, Вы, видимо, слышаны. О ней много пишут и говорят, даже кинофильм снят. По мнению специалистов ЮНЕСКО, она не имеет себе равных в мире. Есть в ней и книги большинства литераторов Кабардино-Балкарии...

Итак, дело за Вами! Очень жду! Заранее благодарен Вам!
Всего Вам самого-самого доброго!

Москва, 16/III 1983 г. *Искренне Ваш, Сергей Баруздин.*

* * *

Дорогой Хасан!

Сердечно поздравляем тебя – замечательного писателя балкарского народа, друга коллегу, человека большого мужества и большой судьбы с 60-летием! Желаем здоровья, мира и благополучия, много новых высококачественных книг!

Назрань, 1998 г.

*Саид Чахкиев,
народный писатель Чечни
и Ингушетии*

* * *

Ассалам алейкум, Хасан Исмаилович!

Тынч-эсен болурсуз барыгъыз да, Аллах айтса?! Юй бийче-
нги Розаны саулугъу къалайды?

Бапыналаны Камалны, мен къарындашыма санагъан адам-
ны, юйюрюнден да толу хапар билирге сюеме.

Хасан Исмаилович, бу жол сизни туугъан жеригизде бол-
гъан кюнлерими ёмюрде да унутурукъ туююлме, битеу юйюрюм
бла бирге дуния зауукълугъун тапдыкъ. Биз сизни юсюгюзден,
Кавказны ариулугъуну юсюнден да мында айтхан керти хапа-
рыбызны битеу Къыргъызстан эшитген сунама.

Бюгюнлюкде, сизге, Кавказгъа, тансыкъдан башха, жарсыу
жокъду. Биз таныгъанлагъа, Огъары Малкъарда, Чегем чуч-
хурлада, Басхан ауузунда, Нальчикде, бизге жарыкъ тюбеген
уллу къонакъбайлыкъ этген адамлагъа, Бапыналаны Камалгъа
бла Назифагъа уа, энчи салам айтырса!

«Ыйыкъны ахыр кюнюн» малкъар тилде окъугъанма де-
сем, ийнанырыкъмыса?! «Жашлыкъны» бла «Аналаны» да
тауча жырлайма.

Экинчи тюбешиуюбюз Къыргъызстанда боллугъуна ишек-
сизме.

Фрунзе, 14/I 1987 ж.

*Убайдулла Амираев,
медицина илмуланы доктору*

* * *

Салам алейкум, Хасан Исмаилович!

Во-первых, я хочу от души поздравить Вас с Новым годом и
пожелать Вам и Вашей семье здоровья, счастья и благополучия!
Пусть этот год принесёт Вашей семье счастье и здоровье!

Во-вторых, я выражаю Вам искреннюю признательность за
внимание к моей рецензии, которую Вы любезно поместили в

своей газете. Дорогой Хасан Исмаилович, как Вам известно, в Нальчике вышла монография профессора И. Х. Ахматова, которая лингвистами, занимающимися синтаксисом, встречена с большим интересом. Эта работа первая в тюркологии, где синтаксис рассматривается с семантической точки зрения. И мне очень приятно, что работа Ахматова является пионерской, о чём свидетельствуют отклики ведущих советских лингвистов. Например, журнал «Вопросы языкознания» заказал рецензию на эту работу. Очень хорошую рецензию на эту работу написал Член-корреспондент АН СССР Б. А. Серебренников. Рецензия в ближайшее время будет опубликована в вышеназванном журнале. А мне хотелось бы, чтоб и в республике были какие-то отклики. Исходя из этих соображений, я написал рецензию, которую посылаю Вам в надежде, что Вы не откажете мне помочь с публикацией данной рецензии. Все же очень приятно, что такую хорошую пионерскую работу написал наш земляк И. Х. Ахматов. Конечно, на мой взгляд, такое знаменательное событие должно быть отмечено в печати.

Дорогой Хасан Исмаилович, убедительно прошу Вас поместить мою рецензию в газете «Коммунизмге жол».

Я заранее прошу прощения, что она написана на русском языке, что, конечно, затрудняет Вашу работу. Все дело в том, что терминология карачаево-балкарского языка ещё не развита и поэтому я не мог написать на балкарском, и к тому же очень затрудняюсь в выражении своих мыслей на балкарском языке. Поэтому я ещё раз прошу прощения.

До свидания, до скорой встречи!

Москва, 1983 г.

С уважением,

Алий Чеченов,

доктор филологических наук

Глубокоуважаемый Хасан Исмаилович, здравствуйте!

Нынешним летом судьба свела нас с Вами в Чункурчаке (помните миниатюрную долину в горах неподалеку от Фрунзе?). То было весьма короткое по времени, но, по-моему, душевное по глубине общение. Я, как все мои товарищи – коллеги, был рад Вам. Но это и понятно: встреча оказалась эта, во-первых, с писателем, во-вторых, писателем-балкарцем. Помните, и Ваш покорнейший слуга оказался причастным в какой-то мере к цеху пишущих.

Мы за час с небольшим успели с Вами и поговорить, и вспоминать, и поразмышлять о жизни, о планах на будущее. Говорили мы о книгах. И, между прочим, о моем романе, в котором есть несколько страниц (конечно же, чудовищно мало!) о балкарцах, с которыми у нас, иссык-кульчан (и не только!) были братские отношения. Помните, Вы рассказывали о своей

киргизской биографии, а я рассказывал о наших ананьевских, семеновских (Иссык-Кульский район) балкарцах, наших соседях-друзьях. В заключение Вы изъявили желание перевести и опубликовать в Вашей газете главу-другую из моего романа. Мы договаривались о присылке мною в Нальчик книги.

Предложение для меня было лестным и хотел было сразу же выслать бандероль, но, к сожалению, под рукой не оказалось ни одного экземпляра. Сапожник без сапог – Вам такая ситуация, конечно же, не в диковинку. Вчера «добыл» и теперь же высылаю Вам.

Коротко о книге. Она имела положительные отклики в «Литературной газете». А также в местной печати. Сейчас ее намереваются выдвинуть на соискание премии Ленинского комсомола республики (высылаю заодно и экземпляр университетской газеты «Путь к знанию», где об этом сказано).

Если она придется Вам по душе, и Вы пожелаете поработать над переводом, я бы, как автор, предложил Вам для этого главы «Конурбай» и «Баракан», где я попытался показать панораму горного края с его обитателями. Здесь, в главе «Баракан», кстати, говорится и о балкарцах (стр. 144–148, стр. 170). Эти главы особенно пришлись по душе, как мне известно, читателям и критикам. По сути разделить эти главы механически трудно.

Я надеюсь, что эти главы могут заинтересовать и балкарского читателя, особенно балкарца-«киргиза». Как бы я хотел, чтобы кто-то из них нашел в книге свое, чтобы вспомнить свое детство с радостью, а может быть, и с понятной человеческой грустью. Надеюсь, что кто-то из мужчин вдруг вспомнит эпизод с Узеиром и его земляками – ведь все это было в самом деле, портрет Узеира я постарался дать как нельзя точнее (детская память, как известно, вещь надежная), вот только его фамилию запамятовал. Эпизод этот произошел на второй, кажется, год после приезда на место нового обитания (произошло это в окрестностях с. Ананьево, тогда Сазановка). Вот фамилии некоторых «наших» балкарцев: Рахаевы, Аппаевы, Шаваевы, Атгоевы и др.

Если Вам не трудно, может быть, Вы устроите маленький отрывок с балкарцами и в Вашу русскую газету – ведь не секрет, что многие советские турки на русском читают больше (или лучше), чем на родном.

Высылаемый экземпляр выглядит настолько плохо, что дарить ее Вам совестно – пусть она послужит рабочим экземпляром.

С сердечным приветом Фрунзе, 15.10.1983 г.

Ваш Исраил Ибрагимов.

БАЙТУУГЪАНЛАНЫ Исмаил жарашдыргъанды.

Шауланы Хасан бла Сафарбий Хахов

Черек районда жазычула бла тубеишу

Шауланы Хасан окъуучула бла

«Минги-Тай» журналны аты бла конкурсда

Солдан онгнга: Эртни Элдышев, Анатолий Парпара, Шауаланы Хасан, Хасан Тхазеплов

«Минги-Тауну» редколлегиясы

Къыргъызлы жазыучу Айдарбек Сармамбетов Шауланы Хасанны саугъалайды

*Солдан онгнга: Шауланы Хасан, Хочуланы Ауалия,
Шауланы Магомет, Шауланы Магомет*

ШАУАЛАНЫ Хасан

УМУТХА ЁЛЮМ ЖОКЪ

I

Бусагъатда элибиз сынагъан кыйынлыкъны кѣпле иги ангыламагъан сунама. Мен кесим окъуна. Залимгерийлагъа урушдан бири бири ызындан эки къара къагъыт келгенлеринде, тиширыуланы сарнагъанларына къарап тургъанма, кѣзлеримден жаш чыгъармай. Ыннам Жансарай а къалай уста жилий эди. Сукъландым анга.

Акъ къаяны туурасында орналгъан элибиз кече-кюн да шош-лукъну дуниясында жашагъанды да, энди уа урушда ѳлгенлени жилиуларына юйренип къалгъан сунама.

Ол бюгюн ѳлгенлени бирини жашы, Амаш, бизни классда окъуйду. Экинчиси уа аны атасыны къарындашыды. Мен, конькиле бла учуп, Амашны хар заманда хорлап тургъанма. Кесим да – тохтамай махтанып. Ол а: «Мени атам Гитлерни боюнун буугъанды. Билемисе аны?!» – деп, атасы бла махтанып.

Энди Амашны хорларыкъ туююлме, хорлатхан этерикме. Шабазгъа уа ал берлик туююлме. Аны махтаныр адамы жокъду. Атасы Самат урушха да бармагъанды. Акъсакъды да, андан.

– Конькилеринг да кесинге ушаш мытырладыла, – деген эдим ахыр эришулерибизден биринде Шабазгъа. Билсин мен андан жигит болгъанымы.

– Махтанчакъ! – деди ол манга, тар мангылайына къоннган къарчыкъланы эки къолу бла кезиу сылай. – Насийхат, сенден махтанчакъны кѣрмегенме.

– Къытылгъанынга жилирыгъынг келип жаншайса. Эсингдемиди, бешинчи классда, аякъ топ ойнап, сизни биз къытханыбыз?

– Ол кюн сен тишли кедаларынг бла мени аягъыма уруп, жерге жыкыгъанынг да эсимдеди.

– Менми ургъан эдим?

– Сора ким ургъан эди да?!

– Хорланнганыгъызгъа сылтау излейсе.

– Менми излейме сылтау?

– Хау, сен излейсе.

– Жаз башы келсин да, топ ойнап, ким хорларыгъын кѣрюрсе.

– Махтанма.

– Мен сен болмагъанма махтаныргъа.

Шабазны жилирыгъы келди. Онг къолу бла кѣзлерин уугъанлай турду, азчыкъ тепгенинлей, конькилери аны алайдан энишге аз учура.

– Сен кызтекесе, – дедим мен, – кыз кибик, кесинги жилиргъа нек хазырлайса? Сындыбатха айтыркъма, мени бла эришгенинде, хорлатып, жиялгъанынги. Ол татлы тенгимди.

– Сен алай этсенг, мен этерикни да кёрюрге, – деди Шабаз, чой сакъалчыгы кьалтырай. – Сындыбат мени эгечимди. «Насийхат аман кьызды, аны бла шуёх болма», – дерикме. Сора кёрюрге, ким кимни хорларыгъын.

– Сен тилчи болуп хорлама да, конькиле бла учуп хорла. Чана бла учуп хорла.

– Хар не бла да хорларыкъма мен сени.

– Махтанып хорларыгъынги билеме.

– Къара мынга! Менмема махтанчакъ?!

– Да кимди да сора?

Шабаз андан сора бир сёз айтмады, мен айтханнга да тынгыламады.

Биз алайдан узакъ болмай жашайбыз. Бир заманда аппамы арбаздан орамгъа чыкыгъанын эследим. Ол кёргюнчю, таша жол бла юйге ташайыргъа керекме – конькиле бла учханымы жаратмайды. Атам Тахир урушха кетгинчи келтирген эди конькилени манга саугъагъа. Аны ючюн атамы аппамдан тырман эшитгени да эсимдеди. Атам урушда тасхагъа лыжала бла учуп баргъаныны юсюнден газетде жазгъанларын аппагъа кычырып окъугъанымда, жиялумкълары акъ сакъалын жибитген эдиле.

Ол хапар да бой салдырмагъанды, баям, аппагъа, конькиле бла, лыжала бла учаргъа юйреннгени хатасы болмагъанын тийреде тишируула да, аппаны тенглерида да айтсала да. «Тейри, Шаулухну жашы Тахир эки-юч тенги бла лыжала бла учуп барып, артха фашист командирни сермеп келгенлери ийнанмазча сейир ишди», – деселе, бек махтанып сылайды берчли кьоллары бла сакъалын. Сылагъаны сайын, къара кёрпе бёркю ёргеден-ёрге кётюрюле баргъанын кесим кёзюм бла кёргенме.

Ол хапарны айтханымда, Сындыбат хазна ийнанмагъан эди. Манга да бек ачыу тийди ол иш.

– Да Москваны газети ётюрюк хапар айтханды деп, кишиден эшитгенмисе? – деп, мен да Сындыбатха бек ёпкеледим.

Андан сора ол да, мен да «сен махтанчакъ», «сен ётюрюкчю...» деген сёзлени ары бла бери жюздюрдюк.

II

Элде юйюнде тынч олтуруп тургъан адам жокъду, къарт да, жаш да аякъ юслериндедиле. Аппам аз тигелейди юйге – жашауу колхозну малчы кьошундады. Анам Абидат да жай айлада нартюх, картох

бахчаладан чыкъмайды. Ыннам Жансарай да иш кёллююгю бла кёплеге юлгюдю.

Бу кыш болмаса, не бек сууукъда да гён чарыкъла киймегенме. Аппам бла кышха тебирегенимлей, ыннам кыоймай кийдирди атамы гён чарыкъларын. Ичлерин жумушакъ сары саламдан толтурду да, кийгенимлей, аякъларыма тамам болуп кьалдыла.

Юйде менден сора сабий жокъду, аппам, ыннам да юсюме ёлгенлей жашайдыла. Урушхан, тырман этген адет жокъду, аппам конькиле бла учханымы жаратмагъанлыкъ этгени болмаса.

* * *

Жай солуууму аппам болгъан кышда ашырырымы тийишли кёргенлерине ыразы болмадым. Къалай хычыуунду жайлыкъгъа барып, тау тёпелеге, тау сууланы узакъ жолгъа атланган жерлерине жууукъдан кыарагъан. Кечегиде уа – жерни бек жууукъда жарытхан жулдузлагъа бла айгъа кыарагъан. Аппамы биргесине болгъаным а – бютюнда кыуанч. Алай элде анама болушургъа, аны кыатында болургъа сюеме. Кышда уа – аны эт, муну эт. Ийнек сауаргъа юйрен, аш этерге юйрен! Барын да мен этерик эсем, кыалгъанла уа? Угъай, аппамы жанына тиймесин, бу жолдан сора, анамы кыоюп, кышха барлыкъ туююлме.

Кеси акылымыда не ары, не бери дерге кюрешдим эсем да, аппаны ат боюнуна кыонуп бардым фермагъа. Ма санга, Шабаз да – анда. Мени баргъанымы жаратмады. Биз алайгъа жетгинчи тышында сюелип тургъан Шабаз, узакъдан таныса керек кимле келгенлерин, кышха ташайды.

Аны атасы Самат онг аягъындан залим акъсакъды. Таякыгъа таянмагъанлыкыгъа, атлагъаны сайын, онг тобугъу жерге жетеди дерсе. Самат элде бек жигит жашладан бирлерине саналгъанды. Аны Кыашха деп аты болгъанды. Ол чаришде башха атлагъа алай эришгенди, чариш башлангынчы окыуна, тепсегенин тыялмай, бек алгъа тохтаргъа итингенди. Самат да, анга махтанып, кесин бирсиледен кёпге онглу сунганды. Ол атына «махтанчакъ» деп окыуна ататханды. «Махтанчакъ» деген сёзюмю Шабаз чыртда жаратмагъаны да аны ючюн болгъанды.

Озгъан ёмюрню отузунчу жылларында Басхан ГЭС-ни хайырланыргъа берген кюн аны кыуанчына Заюково элни баш жанында кенг талада чариш болгъанды. Анга кыараргъа, эриширге Кыабарты-Малкыарны битеу эллеринден кёп адам келгенди. Гёжефледе Шыкыдан келген жигитге – Шамилге – жетген болмагъанды. Чаришде Саматны сылтаусуз хорларыгъы белгили болгъанын ангылагъан бир жаш, Республиканы башчысы Калмыков Беталны адамы,

аны ызындан жетип, халкъ къарап тургъанлай, атдан атханды. Бир бири ызларындан алгъа жан атып баргъан атла малтап ётгендиле Саматны. Кёпле ол къайгъылы болдула, кими андан, кими мындан кычырдыла: «Саматны ёлтюрдюле!» – деп.

Аны атдан жыкыгъан биринчи болду. Калмыков Бетал, хорлау къоллу болгъан жашдан эсе, кёпге къууанчлы эди.

Саматха врачла не кёп бакъдыла эселе да, ёмюрден ахыргъа акъ-сакъ болуп къалды. Бусагъатда колхоз ферманы таматасы олду – Шабазны атасы.

III

Бу жол Шабазны юсюнден кёбюрек айтыргъа тюшюп турады. Жанына тиймесин, сёгерге тийишли кылыклары уа аз туюлдуле. Махтанчакылыгы жанымы алады мени уа. Эриш къапчыкъ. Къызлагъа болушур жеринде да кесин алгъа уругъа кюрешеди. Керекми эди тюнене анга атасына алай айтыргъа?

– Насийхат, кызым, эринмей бар да, суу боюнунда бузоулары бери ыстауатха сюрюп кел, – деген сагъатында, атасыны ауузуна ургъандан башха туююл эди анга этген жууабы: – Аны не иши барды бузоула бла? Ала меникиледиле, – деп, кеси чанчылып кетгенди суу боюнуна.

Тюнене ингирде къолан ийнекни тюбюне чёгюп, аямай сауа тургъанымлай, ачыу этеме деп, ийнекге таякъ жетдирип, чочутуп, челек бла бир сютюмю тёкдюргенди. Ферма тамата уа: «Санга ийнек сауаргъа алыкъа эрттеди, кызым, ол зат бла кюрешме» – деп, жүрегими халек кыйнагъанды.

Жашла, къызла, сиз не айтасыз бу ишге? Аппама тарыгъыргъа уа базынмайма. Ол тил этген сунарыкъды. Кёрюп болмайды тил этген адамны бла махтанчакъны. Кеси уа Къарачайда, Малкъарда да халкъ жигитлени юслеринден хапар айтады, юйюрюню адамларын тынгылатып. Алагъа этилген жырланы уа къалай залим жырлайды! Мен ол жырладан бирчигин да кёлюмден айталлыкъ туююлме. Бешинчи классда окъуучу заманымда (бусагъатда жетинчи классдама) аппам, жырлап угъай, шош, хапар айтханча жаздыргъан эди «Ачезни жырын» бла «Зауурбекни жырын». Жырлагъан заманында чыртда жазаллыкъ туююл эдим – жазууну терк эталмайма.

*Къазанланы Алийди
Къырым семенлени чабыр кьерге юйретген,
Кесини къарт анасын
Къырым семенлеге сюйретген.*

*Къырым семенлери
Азнауур къабакълагъа келдиле,
Ала анда Азнауургъа
Ханса, бийсе демедиле...*

«Ачез» узун жырды. Бир жол аны сёзлерин кеси кесиме мурулдай тургъанымы аппам эшитип къалса боламыды. Ол манга не урушхан, не тырман этмеучюдю. Бек ариу айтып ангылатады терлигиме. Алай хар сёзюн эшитгеним сайын, къуртха Шамшиятны сыфаты кёзюме кёрюнюп къалады. Огъурсуз адамды деп киши да айтмайды анга, кимден не эшитеме, эшитгеними керекли адамгъа къалай жетдиреме деп айланады. Эр киши оноугъа да бек сюеди къошулургъа. Аппам окъуна аны къатында кёп кёрюнюрюгюбюзню суюмеучюдю – биз да сёзчю болуп къаллыкъ сунады.

Бир-бир халкъ жырланы тиширью жырласа, аны магъанасы иги эшитиледи, эр киши жырлагъан сагъатдан эсе, деучюдю ол. «Ачезни жырын» айтырыгъымы уа суюмеди. «Нек?» – деп, мен да сормадым. «Зауурбекни жырыны» юсюнден а жукъ айтмады. Аллах берген фахмум болушуп, алтынчы классны тауусханыбызда, школну жырчы къаууму да эжиу этип, ата-анала жыйылыуунда аны жырлагъанымда, анам асыры къуаннгандан жилягъан эди, аппам а, олтургъан жеринден кётюрюлюп, жырчыла болгъан жерге ёрлеп, мени къоюнуна къысып, ушпа этген эди.

Ол ишге къуанмай къалай къалгъын? Махтанган а этмедим.

*Кече жукълап тургъанлай,
Бир аман тюш кёргенме,
Малчы къошха къызылбекле
Келликлерин билгенме...*

Биз – аппам бла мен – къошха келген кюнюбюзде Самат кьой сойдургъан эди, нёгерлерине айтып. Атам сау келсин, фермада ол жумушну этгенле да – тиширьюла, аппам бла тенгши эр кишиледи. Кертиди, Самат, аягъы акъсагъанлыкъгъа, фермада кёп ауур ишни кишиге жетдирмейди.

Шабаз – къошну онг мюйюшюнде, мен – сол мюйюшюнде, Шабаз атасыны жамычысыны юсюне, мен а бир къолан кийизни юсюне олтуруп, таматала узатхан аркъа сюеклени кереклерин беребиз. Аппам бла Самат чайкъагъан айранны таза къайнагъан заманына тюбегендиле да, андан тартып, хапарларын эригиусюз къыздырадыла. Бир заманда аппам:

– Насийхат, къызым, бир кёз ачдыр, – деди, – айт «Зауурбекни жырын».

Олсагъатда менде болгъан халны сормагъыз. Къызылбекле, Зауурбекни къошуна келип, харам акъылларын анга билдирирге суймей, «мамыр» сёлешгенлери къулагъыма эшитилип тохтаса боламыды. Олсагъатда аппамы тилегин окъуна унутдум. Шабаз тышына чыкъгъанын кёрдюм. «Харам къан, зар къанчыкъ», – деб а айтдым кеси акъылымда. Ол сёзлени Шабаз кеси эшитсе уа бек сюерик эдим.

– Къызым, биз эжиу этерге хазырбыз, – деди аппа.

– Аппа, уялгъан этеме.

– Уялма, къызым.

– Уялгъан этеме, аппа.

– Къызым, сенича ариу жырламайма ансы, къыйнарыкъ туююл эдим.

Аппам бла Самат бир бирге къарап ышардыла. Ол а мени бю-
тюнда амалсыз этди. Жырда бу тизгинле эсиме тюшдюле:

*...Бир бирлерине къарашып,
Ышардыла, кюлдюле.
Ол итле алайда
Тасхабызны билдиле.
Секирип туруп, ол кече
Жан-жаныма къарадым,
Темир таякъ тюшдю къолума.
Халкъ болушсун Зауурбекни жолуна!*

Аппамы ыразы этерге керекме...

* * *

Эки кюнню ичинде Шабазны аузундан бир сёз эшитмедим. Къошха келгениме сокъурандым. Ол – ферма башчыны жашы – мени нек жауларгъа керекди? Мени да барды атам, аппам да. Аны уа жокъду аппасы. Мени атам урушда Гитлерге къан къусдурады, Шабазны атасы уа, атдан жыгъылып, акъсакъ болгъанды. Уруш башланганда сындырса эди ол аягъын, Шабаз уялмай айтырыкъ эди, атам урушда болгъанды акъсакъ деп.

Самат, мен жырны айтып бошагъанымлай:

– Ариу Насийхатчыкъ, мен сени аузынгдан ариу ауаз эшитгенме бир заманда да, – деген эди.

Шабаз ол сёзлени эшитирегин суйдюм. Ол жокъ эди къошда. Алай эшикге чыкъгъан жерде ит тегенени баш тёбен айландырып, аны юсюне олтуруп, жырлагъаныма тынгылагъанын билдим.

– Насийхат, фахмусу болгъан адамгъа танг энчи жарыкъ бере-
ди, – деди Шабаз, къарамын жерге бошлап, – хайт де, – деди, манга эшитдирип.

– Оллох, оллох! Жетген кишичик!

Ёпкеледи Шабаз. Бузоула таба кетди, баш төбен болгъанлай. Къадалып кюрешдим, къайтмады артха.

Тауларыбызгъа ай тийгенде, битеу дуния жап-жарыкъ болуп къалгъанын мында, Саматны къошунда, биринчи кере кёрген эдим. Бу сейирликни Шабазгъа кёргюзтюрге суйдюм. Ол жагъынлы уа кимден да алгъа сугъулгъанды жамычы тюбюне. Кимге айтайым таулада хычыуунлукъну? Аппагъамы? Ол, мен билип, кеси кесин таныгъанлы таудан тигелемегенди. Къыш да, жай да жашауу малла блады. Кюлюр манга, таула башында ай жарыгъын кёргюзтсем.

Кёкде айгъа, жулдузлагъа ёмюрлюк излеген аппам ала дуниядан думп болуп къаллыкъмы суна болур? Бир жол ол ыннагъа: «Кёкню, жерни да бирча жарытхан айгъа, жулдузлагъа ушайса сен», – дегенин кесим эшитгенме. Ыннаны алай эркелетгенин бир заманда да кёрмегенме, ол жол болмаса. Битеу жашауум а ала блады. Жангыз туудукъларыма. Мени атамдан башха сабийлери аланы да болмагъанды. Ол кюн аппа ыннагъа аллай бир жюрек ыразылыгъын не ючюн берди? Урушдан жангыз жашындан – мени атамдан – кепден бери хапар болмай, ол къыйынлыкъны кётюралмай, жашыны атын кеси акъылында шыбырдай жашагъан аппагъа ыннам: «Тахирни атасы, бюгюн жашдан къагъыт келгенди, къууанчлы хапар айтады», – деген эди, аппа, къошдан келип, тюз босагъадан атлагъанынлай.

Ыннаммы аты Жансарайды, аппаммы – Шаулук. Баям, «Къуба-дийланы жырларындан» хапары болгъан адам атагъанды аппагъа ол атны. Бий Шаулукну атын аппам ол жырны айтхан сагъатында эшитгенме.

Ыннаммы окъууу артыкъ терен тыйюл эсе да, окъуй-жаза биледи. Эртте, къырал тюрленнгинчи заманлада, элни медиресесине жюрюп, билим алыргъа кюрешгенди. Атасы Чаука хажы къызы окъуулу болурун суйгенди. Ол Кёндеден Энейланы Алий бла бирге ишлегенди медиреседе. Къуран окъуп башласа, анга таула, суула да тынгылайдыла деп болгъандыла. Жансарай кибик жокъду медиреседе, элде окъуна. Аны ёсдюрген атагъа-анагъа уллу ыспас этгенди халкъ.

Аппа уа бек узакъды окъудан. Къагъытха къарап, андан адам ауазланы башхалагъа эшитдиргенлеге ийнанмай окъуна тургъанды эртте заманлада.

– Ма тынгыла, – деди ынна, жашындан келген къагъытны къоюнундан чыгъара.

Тас болур деп сукъгъанды аны къоюнуна. Атамы хатыны ариулугъуна школда устазла, сохтала да сукъланыучу эдик. Ол орус тилден бла литературадан окъутханды тамата классланы. Нальчикден уллу билим алып къайтхан адам эди атам.

«Багъалы атам, анам. Хапарымы терк-терк билдиралмай, сизни жарсытхананымы ангылайма. Жарсыусуз болугъуз. Сиз саулукъда мен бир затдан да кыйналмам, Аллах айтса. Ай жарыгъында, танг жарыгъында да кереме сыфатыгъызны. Аллаи кезиуде бек чууакъ болады уруш кьаралтхан кегюм.

Манга кьайгъы этмегиз. Барыуубуз алгъады. Душман тозурагъанды, башы кьайгъылы болуп, ёлюмден кьачып кьутулургъа кюрешеди. Ёлюмден а кьачып киши да кьутулалмагъанды. Кьоншу-тийреге салам айтыгъыз. Биз хорлам бла кьайтырыгъыбызгъа ийнанып кьалыгъыз.

Бу тизгинлени сизге жазгъан Тахир».

Атам письмосунда не мени, не анамы сагъынмады. Аны ол ишин жаратмай, залим ёпкеледим. Бизге жиберген письмоларындан бирлеринде: «Абидат, сен жарытхан кюнюм бар заманда мутхуз болмаз», – деп жаза эди. Бюгюн а нек этди бизни былай мудах?

Атамдан тарыкъдым анама.

– Кьызчыкъ, атанг бек асыл адамды, миллет адет-тёреlege сакъ, – деди анам. – Аппадан, ыннадан уялмай, сен айтхан затны эталлыкъ туююл эди. Юйюне сау-эсен келген кюн айтырса кёлкьалдынгы. Таулуну намысы таулану бийикликлери бла эришеди, ариу кьыз.

Ол эсгериулерим Шабазгъа кёлкьалдымы седиретдиле. Ай жарыгъы бла кьазанлашсынла игилени, халалланы жашаулары, бир адам да сынамасын кьыйынлыкъ.

Ол сёзлени акъылымда айтып, аппам жатхан муржаргъа ташайдым. Аппамы уллу кьара тону тюбюне тешек, юсюме жууургъан да болуучуду.

«Жукъла, ариу балам. Тынч жукъла», – деген сёзлени эшитдим бир заманда. Ала аппамы сёзлери эдиле.

* * *

– Насийхат, хар сёзюнг тынгысыз этеди мени. Арт кезиуде уа бир сейирлик сёзлеге юйреннгенсе: «Оллох-оллох! Не залим адамса!» – деп айтаса. Мен кьаллай адам болгъанымы санга сормайма, келепен, – деди Шабаз кеси кесине.

Менден терслик: сегизинчи классха жыйылдыкъ биринчи сентябрьде. Таматабыз, алгебраны устазы Зоя Борисовна:

– Классха тамата да айырлыкъбыз бюгюн, – деди. – Кимни тийишли кересиз ол кьуллукъгъа?

Секирип ёрге турдум да:

– Насийхатны! – дедим.

– Кьайсы Насийхатны?

Класда эки Насийхат барды. Бири биринчи класдан бери мени бла бир партада олтургъан Насийхат. Окъуугъа кёл салгъан, школда хар тюрлю ишге къармашхан, жырларгъа, тепсерге да фахмусу жетишген. Айтдым:

- Алиева Насийхатны сайлайма ол ишге.
- Къалгъанла не айтасыз?

Баям, устаз мен айтханнга артыкъ ыразы болмады. Класс журналны ачып, эки кёзюн ары тиреп турду бир кесекни. Анда не зат излегенин а билмедик.

Зоя Борисовнаны школда намысы жюрюйдю. Сельсоветге депутат да этгендиле. Тизгинли, ариу къыз. Маликни къарындашы Махти анга лакъырда эте айланады деген хапарла да жюрюйдюле мында. Махти да устазды. Физкультурадан дерс береди.

– Бусагъатда къызла юй жумушдан къутулмайдыла. Жашладан бирлерин айырым эдик? – деди Зоя Борисовна. – Мен айтханнга къарамагъыз, сайлау сиздеди.

– Зоя Борисовна, сайлау бизде эсе, Алиева Насийхатда тохтайкъ. Ол бек тийишлиди бу къуллукъгъа, – дедим.

Насийхат а Маликни тийишли кёрдю. Устазны бети жарыды.

– Ол сайлауугъузгъа угъай демейме. Ким бла да жарашулу пионерди.

Маликни окъууу орталыкъды. Назмучукъла жазаргъа, класс жыйылыулада сёлеширге суйген, гынтысы эл школгъа сыйынмагъан, алаша бойлу, къалын къара къашларын бир туйсе, бирда аяма адам халине келтирирге. Къалын къара чачын да кюн сайын жуууп, андан сора не эсе да бир зат сюртюп, жылтыратып айланады.

– Биз Шабаз айтханнга ыразыбыз, – дедиле къызла, бири бири ызларындан ёрге туруп.

– Мени угъайым жокъду, – деди Зоя Борисовна. Сора тауча: – Жаныгъыз суйгенлей, – деп, бизни да кюлдюрдю, кеси да кюлдю.

* * *

Шабаз, бузоула отлай айланган жерде суу жагъада олтуруп, таякъчыгъыны къыйырын суугъа сугъа да чыгъара, кеси кеси бла кёп ушакъ этди алайда. Бузоучукъланы чабышыулары уа саулай жайлыкъгъа къууат бердиле.

«Насийхат, мени бла бир партада олтургъанлыкъгъа, Малик бла шуёхлукъ жюрютюрге сюеди. Къалай тёзгюн анга? Билеме, ол назмула жазгъаны ючюн сюеди аны. Кимге керекдиле къара шайны къыйматын тутмагъан назмула? Аны «Классыбизни бек ариу къызына» деген назмусун окъугъан заманында богъурдакъ тауушуна не айтдыгъыз? Неда хар назму тизгинин айтханы сайын, ит чибин къап-

хан бузоу кибик, ёрге-ёрге секирип. Билеме, ол назмуну Насийхат Алиевагъа жазгъанын. Ол назмуну окъуп бошагъанында, Насийхат чырпа башын аны аркъасына тирегенине уа не айтасыз?

Несин айтаса, Насийхат чырпабаш, узун бойлу, бек субай къызды. Ауузчугъу уа эмчек жокълагъан сабийни ауузчугъуна ушайды, эринчиклери да – къып-къызылчыкъла, добарчыкъла. Чачы, къашы – къап-къара, кёзлери уа – кёксюлдум. Жашау къыйынды, хайт де деп, тенглерине кёл этдирген сунарс, Насийхатны кёзлерине иги эс буруп къарасанг.

Былайда, суу жагъада олтуруп, аны къайры жол алгъанын билмей да сынайма къыйынлыкъ. Бузоуланы чабышханлары да кётюрмейди кёлюмю.

Биринчи сентябрьде Насийхат Малик бла бирге олтурлугъуна ишексиз болуп тохтагъаныма уа не айтасыз? Къызны «оллох, оллохлары» мени кесимден изгилтин этерге кюрешедиле. «Бирда-бирда, бар, олтур Малик бла. Къашларын тгойюп, кёзюнге бир кере къараса, кимни къызы болгъанынгы унутурса. Бар, олтур аны бла, ол залим поэт бла. Кесими ёлтюрлюкмю сунаса? Угъай, къызчыкъ!»

IV

Шабазны жашаусуз этип тургъан сентябрь ай жетди. Зоя Борисовна хар бирибизни кезиу-кезиу къучакълады. Урушдан кеси билген хапарладан да айтды устаз. Сталинград къолгъа этилгенин билдирди. «Сталинни сёзюдю, идеясыды душманны хар жерде да кереклерин берген!» - деген сагъатында уа барыбыз да, ёрге туруп, къарс урдукъ. Шабаз бек мудахды. Жукъ сорургъа болмайма диммодан. Ол сёзюмю эшитсе уа, ёмюрден ахыргъа жау боллукъбуз. Къонгуроу къагъылгъандан сора, Малик къатыбызгъа келип махтанды, манга да дунияны ариуун айтып.

– Не керекди бу къынгырбучукъгъа? – деди Шабаз, Малик бизни къатыбыздан кетип, партасына олтургъандан сора.

Шабаз ол сёзлени мен эшитмезлигиме сюйгенин ангылагъанма, терк окъуна мени таба къарагъанындан. Сюймегенден айтады ансы, Маликни бутларыны къынгырлыкъларын элемегенме.

Кезиулю дерсге Зоя Борисовна келди. Ол окъуу жылны башланнганы бла байламлы айтханлай турду хапарын. Дерсге келмеген эки къызны бла бир жашны жокълады.

– Уруш бек огъурсуз сёзю, – деди устаз. – Аны оту къабыннган жерде ёллом, жияу кюн сайын, сагъат сайын жүреклерибизни кюйдюредиле. Бизни къыралны хорлар кюч жокъду дунияда. Сталинни партиясы къурчдан ишленнгенди. Алай къурчха да керекди нёгер, аны кесича кючлю, тёзюмлю, тизгинли. Совет солдатла, офицерле

адам улу ёмюрде сынамагъан къанлы урушда да хорламларын дунягъа туура этерикдиле. Урушдан сакъат болуп къайтхан таулу солдат: «Сталинни жерге къаратырыкъ тюйюлдю аны аскери», – дегенин къулагъым бла эшитгенме. Аскерибизни кючюн иги билген адам эди ол, устаз жилияды, эки къолу бла бетин жапды, жилиягъанын бизге кёргюзтмез ючюн. Къалай ариучукъладыла аны къоллары.

Зоя Борисовна, эс жыйып, кёзлерин къолан къол жаулукъчугъу бла сюртюп, солууун теренден ала, айтды:

– Тюнене директорубуз Магомет Ахматович, бизни жыйып: «Хар устаз, хар окъуучу Къызыл аскерге кюн сайын болушханлай туругъа кереклисин унутургъа эркин тюйюлдю, – дегенди. – Башха зат къолубуздан келмесе да, элден жюн чындайла, жюн кёлекле, жюн къол къапла жыйып, фронтха ашырыргъа керекбиз. Билеме, ол уллу ишди. Фронтну юсюнден хапар болгъан заманда уллу-гитче да хорламны юсюнде кёргюзтюрге керекди кишилигин...» Олсагъатда Зоя Борисовнада болгъан хал - къыз Гитлерни сау аскерин дунядан жокъ этген адамгъа ушады.

– Аскерде офицер айтханнга солдат сылтау излеген адет жокъду: айтылды – этилди. Хар ким жыйгъан жылы кийимлерин школгъа келтирирге керекди сылтаусуз.

– Мен келтирлик тюйюлме, – деди Малик.

– Ол айтханынг? – деди устаз.

– Мен, эл тубюне жайылып, чындайла, кёлекле жыйып айланьргъа суймейме. Мени фронтда адамым жокъду. Сора кимлеге эсе да бирлеге нек жыяргъа керекме кёлек, кёнчек да?

– Къарагъыз анга?! – къызла бир бирлерине ал бермей къычырышдыла.

– Урушдагъыла сени, мени ючюн, Совет Союзну битеу адамлары ючюн къан тегедиле! – деди устаз, жүрексиннгенин сабыр эталмай. – Сени жыл санындагъы жашла урушда этген жигитликлеринден хапарынг жокъмуду?!

– Кече кёкде жулдуз кюйген кибик кюйдюрдюнг, Малик, – деди Лиуаза, партада аны бла бирге олтургъан къыз. – Сен айтхан сёзле жүрегибизге чанчылдыла. Мени атам жанын къырал ючюн, сени кибик итле ючюн бергенди. Ёлом хорлады атамы, къара кийди ынам, къара кийди анам... – бек жүрексинип жилияды Лиуаза.

Классда къызла барыбыз да жилиядыкъ. Устаз да. Шабазны жилиягъанын кёргенимде уа, башын къоюнума къысдым. Аны халаллыгъын ангылап этдим алай. Экибиз олтургъан партаны жер тепдирген сундум олсагъатда.

– Маликни бизни классдан къыстаргъа керекбиз! – деди Шабаз, жилиягъанла бир кесек шош болгъандан сора.

– Школдан кетсин! – деди Зухура. – Мен кюн сайын аны кёрюп тураллыкъ туююлме.

– Ол школдан кетсин дегенле къол кётюрюгюз, – деди Сафият.

– Малик адамсызлыкъ этгенди, анга тенг болмайыкъ, – деди Лиуаза.

Класс шош болду. Бир кесекден:

– Аллай ниети болгъан адамгъа тынгылап къояргъа жарарыкъ туююлдю, Лиуаза, – дедим.

– Женгиллик этмейик, – деди устаз.

– Урушда, тылда да Ата журтларын сатханла Малик кибик жашладыла, – дедим, устазны кёзюне къарап... терс эсем да билмейме, болсада Шабаз жанлы болургъа суюдюм.

* * *

Бизни классны ол кюннгю хапары ёчюлмеди кёпге дери. Школдан тышында да айтадыла Маликни бетсизлигин. Школда устазы, окъуучусу да жыйылып, бу ишни ортагъа салгъанларында уа, Малик школдан кетмесе, биз кетерикбиз дегенле болдула сёлешгенледе.

– Энди барыбызны да къозутурча бир тели сёз айтханды деп, мардадан чыкъмайыкъ, – деди Маликни тамата къарындашы Махти.

– Биз чыкъмайбыз мардадан, Маликди мардадан чыкъгъан, – дедим, классда мен айтханнга къызла, жашла да эс буруучуларын чотха алып.

– Насийхатчыкъ, устаз бла алай сёлеширге жарамайды, – деди Зоя Борисовна.

Бизни классны къызы-жашы да бир бирге къарашдыла. Ала Зоя Борисовнаны бла Махтини юслеринден жюрюген хапарла керти болгъанларын ангыладыла.

– Зоя Борисовна, сиз барыбыз да бек суйген устазсыз... Терс сёлешмегиз, – деди Шабаз.

– Ма санга, – деди Махти, – бизге акъыл юйретип башлагъандыла къолубузда окъугъан сабийле.

– Бу хапар айтылмазгъа керек эди школда, – деди директорубуз, сёзлерин ачыкъ айтыргъа суйген окъуучулагъа кезиу-кезиу къарап, жалынган хал ала. – Эссиз сёз эсли сёзден эсе, кёпге терк эшитиледи халкъгъа. Айыплы бола турабыз...

Баям, Магомед Ахматовични саулугъу доюн туююлдю: бу узун бойлу адамгъа бирда бет къан кирип кёрмегенди киши. Боюну бёркюн да къалай кётюрюлады дерсе, эринлери кёгерип, къол бармакларын да ач кючюк кемирген сунарс. Арыкълыгъы иги да бузады ансы, чырайлы адамды. Баям, урушха бармагъаны уа саулугъу болмагъаны ючюндю.

– Малик, терслигинги боюнунга ал, – деди директор.

– Хо да, ол терслигин боюнуна алгъанлай, Гитлерни хорланган хапары мычымай жетерикди бизге, – деди Шабаз.

– Магомет Ахматович, бу кёкбетлеге сёзюнгю кьоратма, – деди Махти, мангылайын жабып тургъан узун чачын эки кьолу бла да артха сылай.

Директор, аны айтханын жаратмай, кёзюне жютю кьарады. Ма-лиг а, баш тебен болуп, хар атлагъаны сайын, абына, алайдан кьачып, думп болуп кетди.

* * *

Жерни чакъгъанын биринчи кёргенча кьууандым. Бу жол кьышдан кьутулгъанымы насыпха санадым. Жаз айлада Шабаз бла фермагъа барлыкьма. Балыкь-Башы Кьарачайны, Малкьарны Ата журтуду, жаннет юлюшюдю. Жюрек кьыйынлыкьны эритген гара суула, чучхурла, тау башланы узунуна, кенгине ёнчелеген тейри кьылыч, кьанатлыланы жырлары – бары да ариулукьну, жерни чакъгъаныны, ёмюрлюк жашауну чакъгъаныны шагъатыдыла.

Фронтдан келген кьара кьагъыт журунланы жияуларындан да кери болургъа сюеме. Келмесинле энди ала элге. Хорлам хапарлы кьагъытла уа не кьадар да келсинле. Кьара кьагъытча, кьая оюлгъанча эшитилмейдиле ала. Атам Тахир Берлинден жазгъанды тюнене келген кьагъытын. Аны айтып, махтанама тенглериме. Аталары урушда ёлгенлеге уа угъай. Аланы мудахлыкьлары жерни чакъгъанын да этеди мудах. Ол кьыйынлыкьдан азат болалмазла ала – урушну аркьангы кьалтыратхан ауазындан. Тенгле арасында харамлыкь болмаса, жерни чакъгъаны сынтыл этер жюрек жараны.

... Бий атлы аппам – Шаулух, мени фермагъа ат боюнуна миндирип элтирикди.

Кьалай хычыуунду ол – жай эрттенликни жукьудан олсагъатда уянган аязы сылай, таугъа бармакьлыкь. Шабаз а салпыкьулакь эшеклерине минип кетген хапары барды. Кёп жерде мени жанлы болуп сюелгенликге, кёл ашаун а тохтатмайды. Эшитдигизми аны, тогъузунчу классны бошагъан кюнюбюзню кьууанчында манга айтханларын...

Кьошха жетгенимлей, Шабаз кьолума письмо тутдурду. «Сени сёзлерингден ауур жюк сынамадым жашауумда. Аны ангыласанг, насыплыма. Алайсыз кьарамынга кьарамым жолукьмаз. Мен кеси ачыууму хорлайлам. Намыс-сый кимге берейим? Бусагъатда кьатымда жюрегиме сабырлыкь берлик адамым жокьду...»

Тохтагъыз, «мен кеси ачыууму хорлайлам» дегени не магъаны тутады?! Шабазчыкь мени жаныгъан этеди... Кьарагъыз анга!

Бизни школда сенден ариу кызы жокъду деучю жаш манга чамланады, кел ашайды. Сени жыргалагынынг кыуанчыбызны Минги тауну тѳппесине ѳрлетди дегени уа ол кюн классыбызны байрамында?

«...Насийхатчыкъ, сени жырынга тынгылагъанлада бир шошлукъ бар эди да. Мени жюрегим а асыры тепсегенден, битеу дуния анга къарс ургъан сунар эдинг. Сора, билемисе, жаш кызыны жаратса, айтмазлыкъ сѳзлерин да айтып жибереди. Аллай кезиуледе акъылдан шашаргъа жетишеди да, анданды ол.

Школгъа бара, тохтап, сизни арбазыгъызгъа къараргъа бек сюеме. Эрттенликде элде кюн бек алгъа сизни арбазыгъызны жарытады. Къалай тизгинлиди арбазыгъыз. Жангыз бир кере тюбегенме санга, эрттенликде школгъа бара. Ананг ашыра чыкыгъанын узакъдан эследим. Базынмадым, терк атлап, санга тюберге. Ананг – игилени да игиси, ариулары да ариуу Абидат, мени эследи да: «Ашыкъма, Шабазны жетме кыой», – деди. Сизни орам гюл бахчадан толду да къалды. Мен не алгъа баралмайма, не артха къайталмайма. Махтанчакъ да туююлсе. Алай болсанг, ананг айтханлыкыгъа, мени сакъларыкъ туююл эдинг.

Не назму, не хапар жазгъанлагъа сукъланмайма. Фахмум жокъду. Бу письмону окъусанг, телиге санама мени. Кызы, жаш да болсун, игилеге сукъланган этеме. Санга сукъланып, андан жаздым бу письмону. Бу ишни этерге базыннганыма кюлме. Дуниягъа нек жаратылгъанымы ангылатханлыкыгъымды. Мени сѳзлерим жер жангыча чакыгъанын кѳз тууранга келтирсинле.

Атамы атасы Къубадий, сенича, жыргъа уста болгъанды. Мен жеталмагъанма анга. Аны кѳп хапарын эшитгенме тыш адамладан. Кеси юйюбюзде уа озгъан заманнга эс бургъан жокъду. Ыннам дуниясын эртте алышханды, атамы уа сабийлигинден окъуна жаны атла бла бирди. Аппамы таныгъан адамладан терк-терк эшитеме, кыуанчлада Къубадий айтычу жырла деп. «Жыр миллетни хар адамын ахшы жолгъа атландыргъан кючдю, – деп болгъанды аппам, – жюрек кюч. Олду адамгъа таукеллик берген, тамбласын бюгюн кѳрюрге болушхан да. Жыргъа устаны юйю – кыуанчдан толму».

Аппамы ол сѳзлери болушдула, таукел этдиле бюгюн санга письмо жазаргъа.

Айып этме, ауазына тау кийикле сагъайып тынгылагъан Насийхатчыкъ».

«Тынгылауукъ тын бузар» дейдиле. Бек сейирди бу иш, атам сау келсин, айта уа биледи, мен не айтыргъа керекме ансы? «Письмону окъумагъанма, жукъ билмейме». Атам сау келсин, ол а жерде чѳплини санатырыкъды жашха. Жашауну кыйматын ангылар заман жетгенин эсиме салгъанлыкыгъы болурму? Ой, алай хажу болгъун, Шабаз. Не адамлыкыгъынга, не сыфатынга, не тукъумунга чурум тапмаз киши.

Письмонгда бир учхара сёзге тубемедим. Маликни назмуларындан эсе, кёпге хычыуунду мында сёзлеринг. Жюрегими тынгысыз этдиле ала. Айып этме, муратынгы иги ангылаялмайма. Фахмунг а титиретди жюрегими. Устаса сёзге. Жолунг болсун! Классны кызыларына суюдюрлюксе кесинги. Не зат излейсе менден, айтхан эт. Жашау комсомолчуладан не зат излегенин билеме. Сени письмонг а мени кыайры чакыргъанын ангыламайма...

* * *

Жайлыкъда, таула этегинде бийикледен тигелеген биринчи тангнга бирге тубедик Шабаз да, мен да. Ол атасы жашагъан кыошдан, мен да аппа жашагъан кыошдан бир кезиучюкде чыгып тубедик ферманы арбазында. Аны жунчугъанын ангыладым. Мени бетиме кыараргъа базынмай, ыстауат таба атлады. Бардым ызындан. Ол тохтап, мени таба кыарамайды. Ийнек саууучу эки тиширыу бла бир жаш, кыошдан чыкыгъан жерде чалыны ёре кыазыкларына баш тёбен салынып тургъан, ариу жууулгъан челеклерин алып, ишлерин башладыла. Ол хал Шабазгъа эс тапдырды, алагъа не бла болушургъа билмей, тегереклерине айланады. Мени уа сагышым бирди – жашны кыолун тутуп: «10-чу «Г» классны окыуучусу, танг ахшы болсун!» – дерикме. Ол заманда аны кыуанчына мен да кыуанырма. Жунчурукъду. Жунчумасын, ол сейирлик сёзлени, оюмланы жазаргъа фахмусу, билими жетишген жаш жунчугъан деген затдан кенгде болургъа керекди. Тауда кыалын туманны седиретирикдиле Шабазны сёзлери.

Жаш жалан башды, эрттен аязчык кыалын чачын тарайды. Сездеме, анасыны кёзлерича, уллу кыара кёзлери мени таба жашыртгын кыарайдыла. Гёжефни кыолларыча, кыарыулу кыолларыны добар бармаклары уа кыашханы мюйюзлеринде хыртлыклары иги да биллинген ызыкъланы санайдыла. Аны биринчи кёрген кибикме, хар затын да чотха алып сюелеме, ийнек сауа тургъан кыызланы бирлери бла ушакъ этгеними да тохтатмай. Ол кыызны челеги толгъанлай, аны элтип, башы акъ марля бла жабылып тургъан бидоннга кыуарыкыма сютню. Этдим алай. Шабаз да, менден кёргенни этди да, бидонну кыатында бир бири кёзюбюзге кыарап тохтадык. Унутдукъ челеклени артха кыайтарлыгыбызны. Экибиз да кюдюк. Ол бизге кёз ачдырды.

– Эрттен ахшы болсун! – деди Шабаз.

– Игилик кёр, профессорчукъ! – дедим мен.

Ол артха терк бурулду да, челекни иесине тапдырды.

Айтмазлыкъ сёзюмю айтдым. Жаш Тау-Артына ауаргъа хазырды, айыпдан кыутулур ючюн. Угъай, ол айыплы иш этмегенди. Мен

айтханны хыликкягъа санагъанды. «Иги аууз ачханса, хайт десек, профессор да болурбуз, тейри», – десин да кьойсун. Былайда терслигими боюнума алама. Чынгыл эшигин ачарыгъын а сьоймейме. Айып адамлыгъы болгъан адамны сьоейди чынгыл эринине. Ачыкъ айтыргъа онг жокъ эсе, письмо жазайым мен да. Бу ашыгъышлы иш болмагъанын бекден-бек ангылайма, кече-кюн озгъанлары сайын. Сагъышлыды башым. Къыйынды аллай письмогъа тийишли оюм да, сёз да тапхан. Гынттыны чеги жокъ. Быллай иште ол болушмаз. Эсеп керекди былайда – аманны-ахшыны да тергей билиу. Мен сайлагъан сайлау – Шабазны этген ишине сокъурандырыгъа.

Мен къууанч жашау бла бирге келлигине излемейме сылтау. Толгъан айгъа тубетир ол, жели ычыннган гыбытха да ушатыр бирде, сьойгюн этип, тегерегинге кьаратып, болушлукъ излетир. Къартларыбызны кёзлеринде озгъан заманланы танытып, сагъышха кьалдырыр.

«Шабаз, кьошха келген кюнубюзден бери да менден юркюп айланнганынгы ангыламайма. Игиликден айырылыргъа сьое эсенг, аны сагъышы башхады. Азмыды бизге ахшы муратларыбызны юзген, сабийлени ёксюз, аналаны башсыз, ынналаны жашсыз этген урушну къыйынлыгъы? Сен письмонгда айтхан ариу да, магъаналы да сёзлеринг уруш, жашау къыйынлыгъын унутдургъандыла. Письмону юсюнден кёп сагъыш этерге тюшгенди. Ачыкъ айтмагъанлыгъынга, ангылагъанма муратынгы. Биреу – жан кьайгъылы, миреу – мал кьайгъылы. Жерни мамыр чакъгъан кюнлери келликлерине ийнанайыкъ. Атам юйге сау-эсен кьайтхан кюн саулай классыбызны той, кыр сыйынмагъан арбазыбызда кёрюрге сьоеме.

Кёлном толуп, жазыууму андан ары бардыралмайма...»

* * *

Жашау къыйынлыгъы халкъны кьаты кьолгъа алгъанды. Бизни классдан да, башхаладан да школну кьойгъанла бардыла – юйлеринде ишлер адамлары болмагъанла. Малик да бек эрттеден бери кёрюмеген эди элде – Хадаужукъ къабакъда атасыны эгечине кетип, андады деп эшите тургъанбыз. Хужа ары эрге эртте баргъанды. Малик артха кьайтып, колхозда кьойчу кьошладан биринде тохтагъанды ишлерге.

Бирда ол тобагъа кьайтырыкъды деп эсимде жокъ эди. Самат элге тигелеген кюнлеринден биринде манга письмо алып келди, ыннанг Жансарай бергенди деп. Маликни кьол ызын таныдым. Олсагъатда жюрегим бир кьужурла секирди нек эсе да. Аны бла шуёхлукъ жюрютген болмаса, омакъ, кёзбау сёз айтылмагъанды

арабызда. Муну Шабаз кѳргенден Аллах сакъласын. Алай айтханлыгыма, мени бла кимни да не иши барды?

«Насийхат, барыгъызгъа да бек тансыкъ болгъанма. Адамда акъыл болмаса, аякъгъа кыйынды. Мен а аягъым, къолум да къурушуп, эл бедилиги болдум. Барындан да бек сенден уялдым. Школда манга барындан да бек къадалгъанынг жаныма тиймегенди. Алай, эс тапдырыр орунуна, къара жерге сукъдугъуз барыгъыз да. Барыгъызны ауазыгъыз да тынгысыз этгенлей турады кечекюн да.

Элге кѳрюнюрге уялып, Хужалада жашап турдум. Анда школгъа да жюриюдум. Сегиз классдан ѳрге окъуу жокъду анда. Бу ишим бла жашауум къалай боллугъун заман кѳргюзтюр.

*Бизни ючюн жоюлгъанла,
Жиятдыгъыз сиз аналаны,
Айтырсыз саулай келгенле:
Жигитле элле ѳлгенле!*

*Ала саудула, мен а – ѳлген,
Кесиме сыйсызлыкъ берген.
Бек ыспассызлыкъ сынадым,
Бедилигиме жиядым.*

*Кечерми класс манга,
Жашла, къызла – итлгими?
Айтырма сизге тилегими,
Сау чыкъсам бюгюн тангнга...*

Игиге, аманнга да багъа бичерик сенсе, Насийхат. Айып этме. Кѳрюрге сюеме, къолум-аягъым къысхадыла».

Маликни жыры, башха жазыулары да жумушатмадыла мени. Ол ѳксюзлени жюриеклеринде къалагъан буз гыртны эритир амал къайда? Жазыкъланы жашаусузду хар кюнлери. Фермада къобуз согъуу да жокъ энди. Мында ийнек саууучу къыз Зайнаф урушда ѳлген атасыны жияуун этгенли ай болмайды. Анга хурмет уллуду ферманы адамларында, къобуз согъулмагъаны анданды. Зайнафны атасы Къаншаубий урушха кетгинчи бу фермада сюриюучо эди.

Мени акъылыма бюсюрсегиз, къобуз согъулгъаны да алдауукъ кѳл басыуду. Элни хар кюню къайгъылыды, фронтдан келлик ачы хапар эшигин-терезесин къагъарыгъын, жюриеги тарала сакъламагъан жокъду. Алгъаракъда комсомолну райкомуну тилегин толтура, колхозубузну комсомол жыйылыуунда сѳлеширге тюшдю манга. Кѳп ачы хапар эшитдим эсем да, ары баргъаныма сокъуранмадым. Амал-

сызлыкны, кечебиз-кюнбюз да кьарангы жашау болгъанын бир кесек жумушатыр ючюн, жаш кьызны, школчуну, сёзю керек эди районну, элни таматарына. Кёл басар оюмла айтыргъа кюрешдим.

Бу жашау жашау болмагъанын айтдым. Алай, жилип, кёкге кьарап, тилек этгенден магъана чыкъмазлыгъын ангыламайбыз дедим, жюрексинип, кьычыргъымдан кесим элгене.

– Жилияну, сыйытны кьояйыкъ. Ленинни, Сталинни партиясы, бизни комсомолубуз кёргюзтген жолну барайыкъ хорламгъа. Жилимагъыз, сыйыт этмегиз!

– Бизге келген кюн келсин санга да! – деп кьычырса боламыды Жолай улу Къаншаубийни кьызы Кулизар.

Аны ауазы эшитилмеген сундум жыйылгъанлагъа, бир сёз да айтмадым Кулизаргъа.

Аны атасы да, кьарындашы Сафар да жоюлгъандыла Герман бла баргъан кьазауатда. Кьызны айтханы уа бек ётдю жюрегиме. Кёзлерим жукъ кёрмей кьалдыла. Алайда Кулизаргъа жукъ айтхан болмады. Ол кьыйынлыгъын кётюралмай айтханды ыспассыз сёзлени дегенле уа болдула. «Жерге тюшюрме сёзюнью», – дерге аздан кьалдым. Насыбым тыйды.

Кулизар мени анамы кьарындашы Бахат бла бирге бошагъанды школну. Ол, кьайда, уруш башланнгынчы жыллада эди. Аны Бахатха жазгъан письмоларындан бирлерин окьугъаным эсимдеди, тёртюнчю классха жюрюген заманымда.

«Бахат, кёзлеринге кьарасам, ала сёлешген этедиле: «Биз болмаса кь, ёллоксе», – дейдиле манга. Мен а айтайым: «Мен жаланда суймеклик амалтын ёллокме, ёлсем.

Жашчыкъ, менден излеенинг ол эсе, жюрегимдегин айтдым».

Кьуралмагъанды аланы ишлери. Кулизарны кёкюрегине сыйынмагъан ахшы умутлары суйгенини жюрегинде жер тапмадыла кеслерине. «Сау кьал, бу ишни юсюнде бизни излеме», – дедиле кьызны ахшы умутлары. Энди мардасыз тюрленгенди ол – ариу сыфатын бушуу танымазча тозуратханды.

Ахшы тенгни аманлыкъгъа кёлленген заманындан Аллах сакъласын. Он жылны Кулизарны биргесине окьугъан Аминат, тенг кьызына сётгом сала, аны суйгенин терилтди да, кьолгъа этди. Мен сабийлей окьуна сезген эдим былайда терслик болгъанын. Аминат Бахатны кьолгъа этди. Кулизар эрге баргъан кюнбюнде жаланда Аминат нёгерлик этеригин айтып жашады да, ахырында кёз кьарамы, ариу ниети зарлыкъны тузагъына тюшдюле. «Ит гажай, башханы насыпсыз этген насыбынгдан кьууан, – деди Кулизар тенгине. – Жарсыудан керил болсун Бахат. Ол ачыса, мен да ачырыкъма, сен кьаражухха да излемейме аманлыкъ, эртте-кеч болса да, башындагъы ангылатырыкъды кимни ким болгъанын».

Ол оюму болгъан манга къаргъыш нек этди?! Кулизар, эр киши-ни къачына намыс этгенинг олмуду?

Бахатны бла Аминатны эгиз къызчыкълары школга жюриюдюле. Кулизар а – устазлары. Ол къызчыкъланы сыфатларында излейди Бахатны сыфатын. Танг жарыгъыны назик ышарыуна ушагъан къызчыкъла кёл басдырадыла Кулизаргъа. Кёзлери, къашлары, ауазлары ушайдыла аталарына. Къолларына къалам алгъан сагъатларында уа бармакъчыкълары – алышынмай аталарыны бармакълары. Ол бармакъла письмо жаза туруп: «Къайдаса, Бахат? Унуталмайма сени. Ай, кюн нёгеринг болсунла хар кюн сайын. Душманны санга жоралагъан огъу кесине тийсин», – дейди Кулизар.

Деменгили тауну кишилигине ушагъан субай Бахатха тенг жаш жокъ эди элде. Кеси башында болгъан оюмла бла ушакъ эте жашагъан Кулизар Айшатха бла Халиматха алгъыш этди бюгюн, Бахатны юйюне сау къайтып, къызларын къууандырырын тиледи Аллахдан. Манга этген къаргъышын кечерин да тиледи Аллахдан. «Урушха жашлары кетген аталаны, аналаны бири да жилямасын!» – деди.

V

Бир сейир хапар эшитдим бюгюн. Ийнанырыкъ эсегиз, айтайым. «Ой, кесиме игилик излемейме, адамла!» – деп, тенгизни къалкъыудан уятхан жаш Малик сёзюне табылгъанды. Урушха кетерге жол тапханды. Кёзюме къарап, жүрегинде болгъанны манга ачыкъ этерге базынмагъан жаш Гитлерни къара жерге сугъаргъа кетгенди. Теличик, махтанып, кесин алгъа урлукъду, ушкогун душманнга бурлукъду. Таукеллиги телилигин хорлады Маликни.

Къарындашы Махти да болушуп, жыл санын кёпге тюрлендирип кетгенди къазауатха, алайсыз эл бедишинден къутулалмазлыгъын ангылап. Энди мен да ангыладым Малик кишиликни юлгюсюн жүрютгенин. «Урушха болушмайма, анда мени адамым жокъду», – деп да, кишилиги болгъан айтырыкъды. Угъай-угъай, ол кишилик туююдю, телиликди. «Биреу кесин олтуруп угъай, ёрге сюелип кёргюзте эди» деген сёзледе магъана уллуду. Эслеген эсегиз, Малик мен таныгъанлы да кесин бирсиледен онглу кёргюзтюрге кюрешген жашды: окъууда, иште, назму жазууда, халкъны аллына чыгъып сёлешген заманда да, чаришге баргъанда да, анга жетген жокъ. Ала жаш жорекге къууанч берген затладыла. Ма бюгюн да кёргюзтдю юлгю. Кюн да, ай да аны ючюн чыгъадыла...

Шабаз Маликни хапарын манга айта туруп, бирда болмагъанча къууанч сагъатлы эди. Аны кишилигине бюсюрегеними ангылагъанлай а, айтханына сокъуранды.

– Телилигин хар иште да кёргюзте келген адамды. Аны бир сылтаусуз жерде тепгени кыая тепгенден башха туююлдо, – деди.

Анга – Шабазгъа – айтырыгъымы тышына чыгъармадым: «Онглу онгсузну сёкген адет жокъду. Игиле онгсузлагъа болушхан этедиле, сен а кеси жүрегинге кыуанч саласа, Маликни аманлап. Кетген эди, аманлыгъын барыбызны да аркъабызгъа къалап, къайдан чыкъды бу хупегибаш деген жаш сен туююлмюсе, Шабаз? Халкъдан уялма-санг, баргъан жолундан къайтмасын дериксе Маликге. Сабийликден чыкъгъанбыз, баям, манга кысылыргъа кюрешгенинги ангылагъ-анма. Суюмекликден толу жашланы, кызыланы кёреме. Алагъады хурметим. Мен а кесими коммунист болургъа хазырлайма. Аны бла кишиге бет этмем, намысын тюшюрмем. «Халкъым, кыралым, мен коммунисте!» – деп кыгчырыр заман келир. Немецлиени юйлерин къурутхан героюбуз Алим да коммунист эди. Урушда хар хорламны башында сюелгенле коммунистледиле. Айтдырмай кыоймай эсегиз, суюмекликни отун жандыргъанла да коммунистледиле, къалгъанла уа аладан кёргенлерин этедиле".

«Былайда жангыласа, кызчыкъ, – деди эр киши ауаз. – Коммунист болургъа термилгенинг игиди, ансыз алгъа бараллыкъ туююлсе. Эл бригаданы таматасына окъуна коммунистни излейдиле. Ол болмагъан дуния игилик кёрмезлигин даулашсыз биледиле. Тиширыуну ариуун, кыойну семизин излегенле да коммунистледиле, игилени жойдургъанла да аладыла. Кёзлери къарагъан тиширыулан-ны эрлерине тутмакылыкъ сынатып, сора юй бийчелерин кьолгъа этгенлерин а нек сагъынмайса? Кыайда да бол, намысынгы сакъла. Тенглеринге улуу кёллю болма. Тюз ниетли адамла эселе, аласыз отунг жанмаз. Керти суюмекликни кьолдан ычхындырсанг да, жанмаз отунг. Заман ёкюл болур тюзлюкге».

Бу къатышлыкъ борбайдан къаты алды. Сорууну тынгылысын излейме. Андан не хайыр, излегенинге кёзбаусуз жууап берир адам-ынг къатынгда болмаса. Жашлыкъ жаншатады, баям. Эссизликни кери эт менден, жерни уятхан, жерни чакъдыргъан, сабанлагъа баш кыусдургъан, къарылгъачлагъа уя ишлетген, халкъ махтагъан суюмекликни гюлюн чакъдыргъан заманны кючу. Ийнан сен анга, жүрегим а умутсуз туююлдо. Урушдагыларыбызны сау къайтыр-ларынады тилегим. Хар бирини аты жүрегимдеди. Аладыла мени жүрегими таулу от жагъаны оту аппамы бетин жылытханча жылытхан.

Тау суучукъ жыйылгъан кёлчюкню жагъасына келип, сагъышлы олтурама. Бирде анда аппамы суратын кёреме. Аны ёмюрюмде тыр-ман сёзюн эшитмегенме. Акъыл юйретип да кюрешмеучюдо. Аны ол халына багъа бичер акъыл къайда менде. Терс атлам этмезлигиме уа ийнанган сунама. «Акъылсызла абынадыла къайда да, – деге-

нин а эшитген эдим бир жол, мени бла ушакъ этген кезиуонде. – Къыйынлыкъны да тарыгъыусуз кетюре билген игиди, махтаулу да болады аллай адам».

– Коммунист этгенни башхала эталмайдыла, коммунист тѳзген къыйынлыкъгъа башхала тѳзаллыкъ туююдюле, – дегенди колхозну партия организациясыны секретары Шамшудин жыйылыуладан биринде. – Коммунист Ленин, Сталин ючюн жаннган отха кирликди, Ата журту ючюн жанын берликди. Колхоз иш ючюн да алай.

Шамшудинни ол сѳзлери партиягъа кире айланнган Асланны кертиси бла да отха секирирча халгъа жетдиргендиле. Бу жыйылыуда коммунистле, партияда болмагъанла да бар. Биченнге чыгъаргъа керекди элни адамы.

– Шамшудин, бюгюн былайда айтханларынгы иги ангыламадым, – деди Аслан, ѳрге – сахнагъа – кетюрюле айланмай, жамауатны аллына чыгъып.

– Не затны ангыламагъанса? – деди эл бригадирледен бирлери Хажи-Мурат. – Сени бичен чалыргъа да Шамшудинми юйретирикди?

– Эй, гыбытбаш, ауузума нек чабаса?

– Коммунистни башы бла ойнама, Аслан! – деди Шамшудин.

– Нек ойнайма мен аны башы бла, кеси ойнайды кесини башы бла. Энди уа озгъан этесе, жамаутон!

Асланны бу сѳзю кѳплени акъылларын эски жашаугъа элтди. «Гыбытбаш», «жамаутон» деген сѳзлени бийле жалчыларына айтып болгъандыла.

– Аслан, адамланы намыслары бла ойнама да, не сорлукъ эсенг да, сор, – деди Шамшудин.

– Не этесе муну сѳзюн-башын да? – деди Хажи-Мурат. – Гатча ит иесин къабады.

– Тейри, былайда къарайма да мен Хажи-Муратча, Шамшудин, сенича коммунист болалмазлыгъымы ангыладым, – деди Аслан, Кюнлюмде нартох бахчаны сакълагъан адам. – «Коммунист» деген сѳз бек ачы кѳгет деген магъананы тутханын ангыладым бюгюн. Шамшудин, мен партияны адамы болаллыкъ туююлме. Алайсызда кючден баш кечиндире айланама, отда кюйсем, къазанда къайнасам, юйюрюме сизми къарарыкъсыз?! Угъай дериксиз барыгъыз да. Шамшудин, жангылтма мени.

* * *

Аслан къыралны душманына саналды да, он жылны сыртына жюклеп, Сибирьге ашырдыла. Аны жанлы киши да болмады. Жан татлыды.

Ары да атла, бери да атла, жашлыкъны къуугъун жокълагъан заманды. Урушдан келген хар къагъыт – къуугъунчуну эмилиик аты.

Тюзлюкню излеген жокъду – уллу-гитче да аш къайгылыды, жан къайгылыды. Жарлыны киши да жокъламайды. Гитлер бизни кыралыбызны кюнчюн, башха онгларын да билмей чапмагъанды. Андан мен онглума, аны аллымда тобукъландырыргъа керекме деп, ёшон ургъанды. Бу къанлы уруш ахырына жетсе, ит мурдар кёз жашын жашыралмаз. Ол кюннге бек аз заман кълалгъанды.

Малик атды кесин отха. Мен жашаусузма. Кюнчюм, кечем бек тюрленгендиле. Къошдан тигелегеним сайын, анам айтхан сёзле кюнчюмю къарангы этедиле:

– Насийхат, кёзлеринг тереннге кетипдиле. Жюрек жаууму ашайды сени тюрленгенинг. Мен къууанырча, бир хапар да айтмайса.

– Анам, не бла къууандырайым? Бусагъатда кыралда, бизни элибизде жилиу-сыйыт – сыйыннгысыз, ажал а – жангыз бир.

– Ол айтханынг?

– Не бек къан тёгюп кюрешсенг да, не бек аякъ тиресенг да, барыр жеринг а – жаланда бир. Жашлыкъны кюн сайын къуугъун жокълагъанын эсге алмайбыз. Аны жашауну жоругъуна санап тохтагъанбыз.

Къызыны оюмлу сёзлерине сейир этди ана. Къууанмады кызыны жетгенине. Тышына кетсе, аны татыуун билмез.

– Анам, бизни классны жашлары да кетип тиберегендиле урушха.

– Эй, кыз, ол а не хапарды?

– Бек тюз хапарды, анам!

Абидатны къулакъларына сарын таууш эшитилди. Элибиз сынагъан бушуула бири бири ызларындан кёрюндюле кёзюне. От жагъада оту ёчулген сунду. Къолу-башы кълалтырай, къарады кызыны кёзюне. Тёзюмю жетерикмиди Малик кибикле жюреклерине салгъан жарагъа? Тобагъа къайтады ана, сант сёзюн артха ала, мудахлыкъ къолгъа этген жюрегин кеси жапсарыргъа кюрешеди.

Жангыз кызына ырысламай, ол къадар жилиу-сыйытны акылына келтиргенине сокъуранды ол. Тау элин кыйынлыкълардан таула сакъларыкъларына ишексиз болуп, терезени жабыуун бир жанына этип къарады таулагъа. Къууанды, аланы бюгюн биринчи кере кёрген кибик. Эртенликде дунияны тансыкълай чыкълан кюн таякълары, тау тёппелеге къол узатып, аланы къучагъына кысып, жюреклерин жылыта, элге тигеледи.

– Маликни урушха барыргъа жыл саны жетмегенди, – деди Абидат.

– Мадар къадарсыз болмайды, анам.

Абидат былайда да сагъыш этди, ол угъай эсенг, айтылгъан сёзле аны элгендирген окъуна этдиле. Ананы акылына келмезлик оюмлу сёзлени кызы къайдан биледи?

– Къызым, айтхан сѣзлеринги магъаналарын да бир ангылат манга.

– Адам мангылайына жазылганнга тюбемей къалмайды жашауда. Аны кертилигин ачыкълар ючюн, мадар керекди. Къарындашы Махти – Хадажукъ къабакъда къабартылы киеулери – халкъ таныгъан адамладанды. Айлангандыла, тюрлендиргендиле жашны жыл санын. Малик уллу санлы адамды, киши даулашырыкъ туююдю ол урушха барыр жыл санда болгъанына.

...Жолумда манга нѳгерлик этерик тенглерим бардыла. Алай Кулизарны бла Аминатны бир бирге этген усталыкълары алай кѳп ишге базындырмайдыла мени. «Окъугъанынг тамамды, кесинги комсомолну райкомунда ишлерге хазырла», – деп тохтагъандыла манга. Къыралгъа къыйынлыкъ тюшген сагъатда, Корчагинле керек болуп къаладыла. Шабаз, бу хапарны эшитсе, отдан кѳлек киерикди. Кесилигим бла айтама, райкомну къуллукъчусу манга жетмез деп, кесин ѳлгеннге санап тохтарыкъды. Суюмеклик къазаны къайнамагъанды бизге. Алай эрттеден сеземе, аны сынчылай, ынычхай айланганын. Адам айып салырча хатасы жокъду. Сейирлик шошлукъну адамыды – эригиулю жашау сюрюрге суюген. Сѳзю да – эригиулю. Айтырынкъалырын билмей, бир кере жангылгъанлыкъгъа, Маликде кишилик барды. Урушдан къайтханлай, кѳрюрсюз ол жашау жолун къалай ишлеригин. Алай аны ол жолгъу иши ѳмюрде унутулукъ туююдю. Ол не къыйынлыкъ кѳрсе да, класс кѳл кендирип къоярыкъ сунама. Сора сайла аллай адамны жашау нѳгерге...

Мен школчу болгъанымы унутуп жаншай турама. Алай Маликни башха къыз сайласа уа, къызгъанырыкъма. Ма алайды мени акъылым, къызла! Тюзлокню жолундан юркмеген жашаудан насып юлюшюн аллыкъды.

Аппам бла Самат фермада ийнек саууучу болуп къалырыгъыма ыразыдыла. Аны эшитген Шабазгъа да къанатла битгендиле. Сюрюучю болуп ишлерге айтханды. Мен сауарыкъ ийнеклеге энчи багъаргъа. Кѳгюмю чууакъ этерик манга излеген игиликлеринден бир заманда да артха турмазлыгъын ангылата башлагъанды. «Ач кѳзюнгю, менде болган жүрек таралыуну кѳр. Бир жанны къойма жолубузгъа. Кечеми, кюнюмю да этме къарангы. Айтып кишиге ангылаталлыкъ туююлма санга тутхан жүрегим. Къызгъанма насыбымы, отсуз къойма от жагъамы, ѳчюлтме чырагъымы. Хо десенг, битеу дуния манга сукъланыр. Биреуню насыплы этген а къалай къууанчды. Танг жарыгъыча жарытады ол керти суюмекликни арбазын, юйюн, битеу жашауун. «Сау къал», – демейме. Сен да айтма манга ол сѳзюю».

Кѳрдюгюз да суюмеклик огъары аягъына минип тургъанын? Баям, мени жолгъа атланганымы сезип ачханды жүрегин. Сую-

меклик айыры жолда ажашып квалмасын деп. Ол письмону жазгъан Шабаз менден жол ташлап турду фермада. Мен ийнек сауаргъа чыкъсам, ол атасы бла кеси жашагъан къошха ташайып, аш ашаргъа бир хант къангагъа жыйылсакъ, малланы ыстауатдан отлаутгъа къыстап, кесин жубатады.

Айтайым, не ишингди бу деп? «Малик назмучукъла тизерге кю-решгенликге, жазыу ишге уа сен фахмулуса», – дейим. «Бир сёзюню да тюшюрмем жерге», – дейим.

Оюнсуз, Шабаз кесини жүрегин кёкюрегиме салды. «Насийхат, эрттенликде кюн таякълары бир бирге эришип сылагъан бетинги, ариу ишленген санларынгы тейри къылычха бёлейим. Ач кёзюню, кёкню кенг жолуна учайыкъ. Анда кишини кёзю тиймезча этерме сени».

«Илишаннга алма санга айтхан сёзлерими. Огъурсузлукъ төре туююлду ариулагъа. Къатынгда сюелип тургъанымлай да излейме сени. Тас этген сунуп, амалсыз болуп, төгерегиме къарайма...» – Шабазны экинчи письмосундан алыннган сёзле.

Эки угъай, юч жүрекни тепгенлерин эшитеме. Сагъыш этип тынгылайма. Къайсы онглу болгъанын а ангылаялмайма. «Къанат кер да, уч кёкге, – дейди жүрек сёзюм. – Жулдузларынгдан юлюш эт да суйгенинге, тынчайт жүрегинги».

Къарайма бийиклеге – чексиз кёк. Андан насып юлюшлю болдукълагъа къызгъанмайма. Зарла къатылмасынла алагъа. Манга суймекликни жүрегин жырлатханлагъа, манга кеси жүреклерини тепген тауушларын эшитдирген жашлагъа насып излетме, тилеклерин толтур да къууандыр. Къара таш, къара кёл, къара шаудан. Адам аладан игилик излейди. Къучакъ керсин хар бири. Маликни чиркитмесин харамлыкъ, мурдарлыкъ. Жүрегини тазалыгъын ачхан Шабазгъа жашау жолу сынатмасын къыйынлыкъ.

* * *

Бюгюн жолум районнгады. Комсомолну райкомунда жыйылыу боллукъду. Урушха жаш тёлню болушлугъу керекди. Жерни, тауну титиретеди урушну бораны. Аны тауушу Кавказгъа эшитиледи. Аталарыны ызларындан къазауатха тебиреген жашла да кёп. Военкоматха ёшюн ургъанлада сабий ёхтемлик кесин танытады.

Комсомолну бу жолгъу жыйылыуунда да сёлешдирдиле мени. Анда Маликден ол кюнден бир ыйыкъ алгъа алгъан письмому окъудум.

«...Насийхат, тансыкълыкъ, ёхтемлик салам жибереме санга. Алгъыннгы таукеллигим жериндеди. Бу къанлы урушда сени, атам, анамы жерге къаратмам. Мени тюз ангыла, уруш отуна арсарсыз киррге, андан хорлам бла чыгъаргъа онг берген комсомолну кючююду, сени танг жарыгъы бла эришген сёзлерингдиле.

Гитлер кибик харам къанла бизни дуниядан жокъ эталмазла, кеслери уа излегенлерин табарла...

*Жарсыма, бизге – комсомолчулагъа,
Ата-анагъа, санга суюмеклигибиз,
Бил, элтир бизни жаланда алгъа.
От кючюбюз хорламны алыр къолгъа...»*

* * *

Комсомол жыйылыуда айтханым толусунлай басмаланды газетледе. Ойнагъанмы этесиз, менде болгъан ёхтемликни чеги жокъду. Бир-бирле бла сёлешмей озарыкъма бара тургъан жолумда. Райкомгъа кёчерге деген оноугъа ыразылыгъымы бермегенме алыкъа. Атама фронтха письмо жазып жибергенме, ол айтханнга кёре боллукъду иши. Аппама да айтмагъанма. Жаратмаучуду кызыгъа аллай къуллукъну. Ыннам Жансарайгъа уа кезиуонде эрге барып къууандырсам, андан уллу насып керек тнойюлдо. Туугъанлы да анам айтхан – а бир: «Атанга сор». Бу жол да комсомол къуллукъну юсюнден атам бла кенгеширигими ол дурус кёргенди.

Газетледе басмаланган сёзлерими билдиргенди ыннам аппама, анама да. Ол «Социалист Къабарты-Малкъар» газетни хар басмандан чыкыгъанын окъумай къоймайды. Алада урушдан келген хапарлагъа эс бурады бек алгъа. «Тахирими юсюнден жукъ жазылмайды мында», – дегенлей айланыр, кеси кеси бла ушакъ этип, къара-мор чикилясын кёз башына жууугъуракъ тартып, жаулукъ къанатын да узун бурунуну къыйырына тиреп. Ал ботасын да тынгысыз этгенлей турады, аны бла бирде кёзлерини мылысын сыйпай, ийнек саууп бошаса, сауут жууса да, къолларын аны бла сыйпайды. Анама юй ишни хазна жетдирмейди ыннам. Жашлай юйренген ишлерин кеси этсе, дуния зауукълугъун табады.

Ынна мен жыйылыуда айтхан сёзлени билдиргенинде, юйдегиле къууандыла, аппа да ол кюн юйде эди, къошдан тигелеп. Алай кызы атасы бла ёхтемленмегени анамы жанына тийди: «Маликми багъалы болду Насийхатха, айтхан сёзюн эл ауузундан тюшюрмеген Тахирден эсе? Урушда къан тёккен атасы бюгюн да, кызыны атын сагъынса, дуния насыбы биргесине болгъан сунады...»

Анамы кёлкъалды сёзлерине эс бурмагъан сунмагъыз. Атамдан келген письмоланы да окъургъа боллукъ эдим жыйылыуда. Жыл саны жетмеген кызыл аскерчини – Маликни сёзю керек эди ол жыйылыуда айтылыргъа. Аны кишилиги барыбызгъа да – жашха, кызыгъа да – юлгюдо. Аны ангыларла мени суйгенле. Алай Шабазды кесин кёпдюрюп айланган.

Маликден тюнене келген письмо:

«Тансыкылыгымы чеги жокъду. Атакагъа кирсем, бек алгъа сен кёрюнесе кёзюме. Ёлген хапарымы эшитсенг, суйсенг-суймесенг да, билеме жилирыгъынгы, сарнап угъай, шош сытыллыкъса. Ол-сагъатда къараргъа онгум болса, ийнакъларма, сен дуниягъа жалаңда къууанчлы жашаргъа туугъанынгы айтырма. Аны ючюн киреме къанлы сермешге.

Бусагъатда уа мени кёрсенг кюлюксе, душманны огъундан кёкде илячин элия бутагъындан букъгъанча бугъама. Кюлме, кыйынлыкъдан букъгъан эр кишиге төре болмагъанын билеме. Санга саулай къайтыргъа суюме».

Кёрмейсиз ол гаккыбашны айтханын?! Къачып айланырыкъ эсенг, ёлгенинги башынамы жан атханса урушха?! Иги юлгю кёргюзтюрюксе комсомолчулагъа. Маликге жиберген письмомда анга бир сёз да жазмадым. Къайсынны 1942 жылда июнь айда «Социалист Къабарты-Малкъар» газетде басмаланган назму тизгинлерин ашырдым жекбашха. Поэт аланы фронтдан жибергенди газетге.

*Палах жарча оюлгъанд юсюбюзге,
Уруш къара бушуу келтиргенд бизге.*

*Къайгъыда къаты туююлелле къашла,
Палахда чал болуп кълалла чачла.*

*Кечени кёзлери толулла къандан,
Къарт анамы кёзлерича къайгъыдан.*

*Палах аякъ ызланы къарча жабад,
Ёлом ызынгдан парийча айланад.*

*Алай ёлом жокъ умутха, кюлкюге, –
Бир заманда кирмезле ала жерге.*

*Алгъа къарайбыз палах туманындан,
Кюн таякъла эслендиле андан!..*

* * *

*Уруш барад. Жер титирейд.
Къыйынлыкъ кёп – жер юсюнде.
Мен уруш тюзлеринде элтеме
Жер бушууун жюрегимде.*

* * *

Шабаз жокъду къошда. Атасы Самат да билмейди къайдагъысын. Мен къошдагъылыны барындан да тынгысызма. Менден хата жетмесин. Маликни комсомол жийылыуда махтагъанымлы жашаусуду. Бусагъатда кеси акъылымда школубузну да жокъладым, классыбызны тансыкъладым. Устазыбыз Шамил Рамазановични тохтамай биргеме жюрютген сёзлерин да къайтарып-къайтарып айтдым кёлүмден: «Адам улуну жолу – тарыхны жолуду. Тарых китапны окъугъаныбыз сайын, эрттегили жашауну кёлүнде жүзобиз, жангы жашауну жангы бетин ачханча болабыз. Сорлукъ затларыбыз а – кёп, жууаб а – бир: жүрегибизни тепген, ургъан тауушу...»

Тарых тюрлениуле сагъышында да поэзияны кючюне таянабыз. Керти поэзиягъа, фахмалу поэтни сёзюне:

*Бюгече таула толдула
Шибилъдан, кёк кюкюреуден.
Тау жоллары кьоркъуулудула,
Жаным, мында эрликге юйрен!*

Шабазны жокълагъаным тюшюрдю эсиме Къайсынны ол сёзлерин да. Саматны хош кёллююкюн ангыламайма. Ол билген иш болурму бу? Тюнене кеч ыстауатда айлана тургъанын кёргенме. Бузоу орунну эшигин къаты бегите тургъанын. Артха тохташып, анга сёлешир акъыл этдим. Эс бурмады манга. Андан сора тартынмадым Шабазгъа. «Жюрегими терениндесе, сени ючюн ёлеме...» – деп тургъан жаш алайда барымы-жогъуму да билмеген-кёрмеген кибик этип къойду. Охо, биринчи сентябрьде эрининги къапдырма – сайлагъан жашым бла олтурурма партагъа. Ёхтемлигинг жан къыйынлыгъын бергенин ангыларса.

* * *

Жарсыугъамы, къууанчхамы? – билмейме, районнга чакъырдыла да, инструктор къуллукъ бердиле. Жашлагъа письмо жазгъан, аладан письмо алгъан адет да къалды. Малик ангылагъан болур мени муратымы, кесини уа терслигин. Шабаз а ёпкелепди. Сен да эт кесинги махтатырча жигитлик! Энди билеме, суймекликди кишиликни нёгери. Аны кимге да айтып ангылатыр кереклиси жокъду. Ол кесиди игиликни шагъаты, жангы юйюрню, жангы жашауну жүрек тебиую, жашлыкъны мутхуз болмазлыкъ байрагъы.

Палахны бек уллусун а бусагъатда сынаиды халкъ. Тёрт жашын да, эрин да урушха ашыргъан юйюрню от жагъасында къазан къайнамагъанын кёрдюм кесим. Кёпмю болду инсан уруш дуния-

ны кьаннга боягъанлы, не уа ол жууукъну-тенгни бир бирге жау этгенли? Кёрмеймисе Лиузагъа бюгюн-бюгече да баш кётюртмей тургъанларын. Аны атасыны атасын кызылла ёлтюргендиле. Терслиги белгисизди. Къыралны душманы болгъаны уа даулашсызды. Ол оюмну айтханла бюгюнню къуллукъчуладыла.

Ой, адамла, мен неле жаншайма. Совет властыны жауу мени да жауумду. Бюгюн ол сынай тургъан кыйынлыкъ мени жюрегими да жюгюдю. Бир киши сакъламасын мени урушдан. Мен анда этген жигитликни битеу дуня эшитир! Бюгюн кюйсюз урушну огъурсуз боранында сермешген атамы бла аны тенглерины сыфатлары кёзюме кёрюнедиле, къулагъыма эшитиледиле хар айтхан сёзлери. Бир жангыз адам тыялмаз мени урушдан. Анда атама да тюберме, болушлукъ этерме, анга керек заманымда керти билеклик этерме. «Атам, мен саулукъда фашистле сени ачитмазла!» – деп кюлдюрюрме. Къалай хычыуунду аны кюлгени. Бютюнда бир хапар айта келип, анам бла бирге кюлселе.

Маликни да кеси кьатыбызгъа жыярма. Айтырма кёлсюзлюгюн кёзюне. Урушланы юсюнден устазларыбыз айтычу китап хапарланы эсине салырма.

– Къызым, кёл ашама жашха, урушну кыйынлыкъын кётюрген тынч туююлдо кимге да, – дер атам а.

– Атам, Совет солдат батыр болургъа керекди, – дерме.

– Къызым, тели батырлыкъ хорламгъа элтмез, – дер ол а.

...Райкомну биринчи секретары Басхан ауузуну адамыды – Къазий Харунович. Ёмюрле бла эски болмагъан адамлыкъны юлгюсюдю ол дейме кимге да. Аны ёкюндюрген – бюгюн урушда тенглерины биргелерине болмагъаныды. Аны сагъынса, анасы Ханийни, аппасы Харунну да элгендиреди. Ала биледиле Къазий Харуновични урушха алмазлыкъларын, ол андан былтыр къайтханды, сакъат болуп. Болсада урушну аты элгендирген ана бла аппа кыйынлыкъны огъурсуз бораныны ичинде ажашып тохтайдыла.

Этген муратымдан таймагъанма алыкъын. Эрттенликден окъуна кирдим Къазий Харуновични кабинетине. Столуну бир мюйюшюне таяндырылып тургъан гулоч таягъын сол кюлуна алып, ауурлугъун анга жоклеп, кётюрюлдо ёрге. Ай, кюн, энишке тигелеп, кабинетни ичин бирча жарытхан сундум. Къазий Харуновични огъурлу кёзлеринден ургъан жылыу бетими жылытды. Олсагъатда татлы сагъышлагъа бёлендим да, бери нек келгеними унутдум. Тауча бийик таулуну кьатына жууукъ барып сюелдим. Туугъан журту ючюн кьанлы сермешге кирген, тенглерины ёлгенлерин кёзю бла кёрген, аланы асыраргъа онгу болмай, нёгерлери ючюн кеси жаны саулай кёрге кирген жаш, баям, мени эркелетирге хазырланган сагъатында бар кыйынлыкъларын унутду.

– Игилени да игиси, ариуланы да ариуу, Насийхат, сайлагъан шинтигинге олтур, – деди Къазий Харунович.

Мен ким да эслерча ышардым. Жокъ эди алайда ышарыргъа сылтау.

– Къалайды ишни барыуу? Райкомну адамлары ыразыдыла са-нга. Мен да къууанама, ала махтасала, чууакъ болады кълюм.

– Сау болугъуз. Алыкъа мен кезге кърюнюрча жумуш этгенме деп билмейме.

Секретарь айтхан сёзле кълюмю чууакъ этдиле.

– Къазий Харунович, бек уллу иш бла келгенме сизге, – дедим.

Ол, жукъ айтмай, кёзюме къатып къалды. Сагъышлы болду. Не айтырыгъымы тёзюмсюз сакълагъанын сездим.

– Мен урушха барыргъа сюеме, болушугъуз.

Кюлмеди секретарь. Къалын къашларын бирге жокку этип, кёзюме жютю, арсарлы къарамын бошлады. Олсагъатда манга тау оюлгъан таууш эшитилди. Элия да урду юй башланы, терезе-эшикни къалтыратып. Бир ауурлукъ басды инбашымдан. Ышарды Къазий Харунович. Жан кирди манга да.

– Насийхатчыкъ, не этериксе урушда? – деп сорду, таякъчыгъын бир къолундан экинчи къолуна ала.

– Атама тансыкъ болгъанма.

Къазий Харуновични кёлю толгъанын сездим да, жияляп жибердим. Кёзлерими жиялямукъларын сюртюп жетишалмайма... Секретарь мени атамдан жети жылгъа кичи болгъанын билеме. Ала бир бирлерин танымагъанларын да билеме. Къазий Харунович, Басханда жетижыллыкъ школну тауусхандан сора, Нальчикге кетип, анда педучилищени бошагъанды. Ызы бла институтда окъуп, иги билим алып, комсомол къуллукълада ишлеп айланганды. Басхан ауузунда окъуна алай кёп адамны танымайды.

– Насийхат Тахировна, муратынг кимни да сагъыш этдирликди, – деди секретарь.

Атымы атамы атын да бирге къошуп айтхан сагъатында хыликкя этгенин ангыладым. Жууап эталлыкъ туююлме.

– Мен ангылагъанма муратынгы. Ахшы муратха, умутха ёлюм жокъду дейдиле эслиле. Урушха атанга барыр ючюн, татлы тюш кёрюп, аны кергилигине къууанып жашагъандан башха мадар болмаз, тейри. Мен айтханла жанынга тиймесинле. Насийхат Тахировна, душман битеу кючюн бургъанды халал журтубузгъа. Жыл саны жетмегенлени окъуна урушха ашырыргъа тюшноп турады.

– Мен излеген да олду, Къазий Харунович. Газет окъуйбуз, радио-гъа тынгылайбыз, урушда кызла этген жигитликден хапарыбыз барды. Къыралыбызны эсде болмагъан палахдан жигитлик къутхарады. Ант этеме, сизни жерге къаратмам. Хар атламындан кёргозтюрбюз душманнга ким болгъаныбызны.

– Насийхат Тахировна, бу алай бош иш туююлдо. Орам хапар да туююлдо. Тынгылы, сөгюлмезлик оноуну излеген ишди. Атанга письмо жаз да, аны акъылын да бил. Аппанг бла, ананг бла да кенгеш.

– Сиз айтхан сёзле мен тутхан муратны мычымай оярыкъдыла.

– Алайсыз биз айтхан затла – мыдыхсыз, отунсуз от жагъа.

– Сизге бек ышанып эдим.

– Мен да бек ышанама санга. Бара-баргъан дуняда жашау кёр-гюзтюр жүрекленени теренинде жашагъан умутланы уянгандарын. Жанынга тиймесин, мени акъылым хорлар бар чырмауладан къутулургъа. Къуллукъда айланырыгъынга адамларынг ыразы туююл эселе, школда окъуунгу боша, андан ары ишни къалай боллугъу уа экибизни къолубуздады. Не тюрюлю буйрукъ берсенг да, толтурургъа къолумдан келликди.

– Къазий Харунович, сизни айтханларыгъыздан мен ангылагъан: бусагъатдагъы ишимден кетерге керекме. Ол а бек чюйре тюшерикди намысыма.

– Тюнене ишге алып, бюгюн андан кет деп къалай айтырма?! Ананг, аппанг бу къуллукъну бардырырынгы суюмейдиле деп эшитгенме. Сени хар атламынги, хар сёзюнгю жүрегиме сыйындырама. Аппанг Шаулухну оноуу манга атамы оноууча багъалыды. Аллай эслилени айтханлары Ленинни, Сталинни айтханларыча эшитиледи. Сен да тынгыла мен айтханнга.

VI

Къазий уллу юйюрню адамыды: атасы, анасы, юч эгечи, кесинден иги да кичи къарындашы. Комсомолну, партияны адамы. Душман огъу къара жерге жыкыгъан заманда да, Сталинни атын сагъыннганды – муратына жетмей ёле тургъаны ючюн, андан кечгинлик тилегенди. Мен да кесим эс билгенли сукълана келеме комсомол бла партияны адамларына. Нальчикде педучилищеге кирип, тышындан окъургъа тюшдю манга. Ол да – Къазийни оноуу. Онсегиз жылым толгъанлай, коммунистлени тизгинлерине тюшерге ёшюн урдум. Унамады Къазий. Атанга письмо жазып, сени муратынги айтханымда, атасы Шаулух айтхан боллукъду деп жууап жазганды манга. Акъсакъл а ол оноуну къатына да къоймайды.

– Къазий Харунович, ишимде этген оноуунг кёлонге жетмеймиди? Жашауума оноу этгенинг а неди? – дедим ол кюнледе.

Аны бла алай ачыкъ сёлешгениме уялдым. «Суюмеклик – къууанчды», – дерге ёчдю бирге ишни юсюнден ушакъ этген сагъатыбызда. Баям, Шабаз бла, Малик бла байламлыгыбызны билип сёлеше болур мени бла алай. Шабаз, урушха барыргъа жол табып, андан письмоланы бири бири ызларындан къуйдуруп тургъанын билгенни къой, окъугъан окъуна этгенди бу арт кезиуде келген письмосун.

– Мени бир шуёхуму келечиси, айлана-жүрүөй кетип, кызыны кесине кырап кыйганды, мен аллай зат этерик тыйюлме. Кызыгъа кесим ангылатырыкма муратымы, – деген эди ол кюн ол.

Бизни классны жашлары барысы да урушдадыла бусагъатда – сегиз жаш. Кызыланы уа кёбюсю – колхоз иште. Зоя бла Лейля школда башланган классланы окъутадыла, Малляш колхозну председателини кыгъытчысыды.

– Ариу Насийхатчык, Басхан ауузунда болмаса, сен атлы адамгъа бир жерде да тубемегенме, – деди Къазий, сёз башларгъа сылтау излеп, ол от жүрекли, таукел адам жунчугъанын да билдире башлаганды.

Мени бла сёлешген сагъатында сеземе ол халын. Бирде Къазий деп кыйгъаным да аны ючюндю, атасыны атын айтмай.

– Къазий, анамы анасы элбрусчуду, – дедим, – аны аты да Насийхатды, Сотталаны кызылары.

– Урушдан кыйтханлы ол жанларында кёп айланмагъанма. Ыразы эсенг, башха нёгер излемей, экибиз бирге барырбыз Элбрусха, Терс-Къолгъа да, – деди Къазий.

– Да секретарь айтханнга угъай деп кылай айтырыкма.

– Ол залим сёзюнгю уа бек жаратдым. Сенича ариу кызы бла барсам, жууукъ-тенг намысымы кётюрюле, кёпле сукъланырла манга.

– Да ким сукъланырыкды? Эллерибизде кызылагъа кёз кыратырча жаш кыалаганды. Урушну хорлам бла бошалырыгъын сакълайык.

Къазий кыарамын жерге тиреди. Айтмаз сёзюмю айтдым, баям, былайда.

– Къазий Харунович, ауузугъузгъа юйретгенсиз да... – андан ары тынгылауну мен басдым, ол а кьолтугъума кирди да, аямай кюлдю.

Ол чакъда башын башыма окъуна жетдирди. Мен, элгенип, артха турмасам, жаягъын жаягъыма окъуна жетдирлик эди.

* * *

Тюнене атамдан, Шабаздан, Маликден да алдым письмо. Кыуандырдыла, бир бирге эришип жазгъан болур эдиле ансы. Урушда уа бир жерде тыйюлдюле: атам – Украинада, Малик бла Шабаз – Россейни орта сомунда. Шабазны письмоларына бир кереден сора жууап жазмагъанма. Муратын билдирмей, думп болуп кетип, сора урушдан жазады манга письмо. Атасы да тынгылауну басханлай, биз аланы насыпларын урларык кибик. Бюгюн а аны жазгъанына не магъана бересиз? «...Урушма манга, муну аллында жазгъан

письмомда айтханларымы бюгюн да къайтарама – саламлашмай кетгеним жанынга тийгенин билеме. Анга къууаннган этеме, адам кесини керти адамына сен этгенча кёлкълалды этеди. Кечеми айча жарытхан, кюнюме аякъ бюкдюрген ариуум, кёзлеринге къарап, аладан тансыгъымы алалгъан кюнюм болмагъанды кёп жылланы ичинде.

Билеме, бусагъатда жаш-къыз да эр-къатын къайгъылы тнойюлдо деп кюллюксе манга. «Не сант этесе?» – дериксе. Уруш отуна сени ючюн киргенме, артда экибизни да жашауубуз къууанчлы болур ючюн.

Хар эссиз сёзюм жанынга тийгенин ангылайма. Кёп болмай, Лиуазадан письмо алгъанма. Бир сейирлик хапарны жүрексинип жазады: «Райкомну секретары Къазий Насийхатны кългъа эте турады. Къой да къой муну, андан сора кълз жокъмуду? Мен билгенликден, Насийхат сенден эсе, аны сайлап тохтагъанды», – деп жазады тенг кълзынг. «Шабазны мудах этсенг, кёзюнге къарамам дегенме да, кюлюп кълйгъанды», – деп жарсыйды.

Ариу Насийхат, ол керти хапар эсе, мени ёлген хапарымы мычымай эшитирсе».

Ёл ауузу – элек. Къазийни манга тюррегени уа неге ушайды – атам кибик кишини?

Атамы, хар замандача, кълсхады жазуу:

«Насийхатым, жаным-кёзюм! Сени алгъа ёлтген хар атламынга къууанама, халкълны аллына чыгълп айтхан хар сёзюнге да къууанама. Мен насыплыма!

Къазий, манга кёл этдирип, терк-терк письмо жазады. Мени тюз ангыла, акъллы, билими болгълан жаш кёрюнеди...»

Малик, хар замандача, назмулары бла махтанады.

*«Унутмайма, излейме сени
Не кълйын сагъатымда да,
Жюрегими тебиуюсе сен,
Аны ючюн барама алда.*

*Унутма жырда мен айтханны,
Бюгюн ёлюмден сау кълйтханны.
Жырды тойда тепсетирик,
Къууанчланы кёргюзтюрюк...»*

Письмола жашауум манга жангы ауур жүкню сынатыргъа хазырланнганын ачыкъллай болурла дейме. Къазийни тамбла Басхан ауузуна барлыкълбыз дегини да жүрегими башха тюрлю ишлеуюн жалчыгъанды. Сылтау табаргъла керекме. Лиуазасы, башхасы айтхан да ишеклик туудургълан болмаса, керти магълананы туура этмейдиде.

Сора секретарьны айтханын этмесем, ишимден букьуму бардырып кыыстар. Ол заманда кьууанырла манга бу кьуллукьну кыызгъан-нганла. Къазий манга ол кыйынлыкьны сынатса, терс этгенсе деп кимим сюелликди? Шабаздан, Маликденми излерме болушлукь? Аланы жашаулары да – кюн сайын душман бла сермешу!

Ашыкъмайым, энтта айтырыкъ болур жолгъа атланыр сёзюн. Иш бошалыр заманлагъа сансыз кирик этип, кёзюне кёрюнейим.

Ол кеси кёрюндю мени кёзюме. Кабинетиме кирип келди да:

– Насийхат Тахировна, тамбла сагъат сегизде тебирерикбиз былайдан. Халкъны аллында сёлеширге тюшерикди санга. Комсомол значогунг кёкюрегингде болсун, ол ариу кызыл жыйрыкъчыгъынгы да кий. Таугъа барабыз, жаулукь да кыыс...

– Мен тон алырма, сен а – жамычы.

– Сени бла тап сёлешип онг жокьду, – деди да, Къазий кюлмез жеринде кюлдю.

– Мен айтханланы жаратмадын, товарищ секретарь.

– Таугъа кыыш айлада барсакь, сен айтханны сылтаусуз этербиз. Элледе жаш тёлуден, бютюнда кыызладан излем уллуду. Аны ючюн айтдым ол сёзлени санга. Айып этме, кыызчыкъ.

– Къазий Харунович, этмейме айып, тамбла эрттенликде сагъат сегизде былайда болурма, заман буюрса.

* * *

Машинаны ал шинтигине мени олтуртханды Къазий. Машина партияны райкомуну биринчи секретарьныкъыды. Бизни машинабыз жокьду. Къазий ат бла айланады. Барабыз. Тау ауузуну табийгъат байлыгъы жүрек тамырларынгы кьозгъайды. Арба башчыбыз кенделенчи жашды, Алёш, бу тийреледе кеп айланганын билдиргенлиги болур, хапарны кыыздырады.

– Да Басхан ауузу мени да къан тамырымды, – деди Къазий, бу жерлени Алёшдан аз билмегенин ангылата.

Сора Басхан ауузуну бийлери Орусбийланы жырларыны бир къауум тизгинин кёлүнден айтды:

– ... *Хапарыбыз жюрюйдю шайтан бла, жин бла:*

Сымайылны къатыны обур Жаннетхан

Эминаны Басханга кьоймады хыйны бла, жек бла.

Бизни бу хапарыбызны эшитсе келир эди

Чепеллеуню анасы Даулетхан булут бла, кёк бла.

Кеч чыкъгъанды Гитче кьолну чолпаны,

Басханны тауларын кюсей ёлдю

Атабийни жигит туугъан Сопаны...

– Мен жырларгъа бек сюеме, – деди Алёш. – Къазий, Орусбийланы ол сен айтхан жырларын башындан аягына билеме. Ол былай башланады:

*Биз чыкъгъан эдик тар Басхандан,
Жер къарай,
Жюрюген эдик, жалгъан дуняда
Кюн санай.
Чыгъа келдик тар Басхандан, юзюлюп,
Кирген эдик Шам Тебердиге, тизилип...*

– Тейри, Алёш, залим жашса, – деди Къазий. – Иги болду сени келгенинг ансы, Насийхат эригирик эди мени кибик тынгылауук нёгер бла.

«Оллох-оллох! Асыры сабыр сёзлюге санадынг кесинги», – дедим кеси акъылымда. Да тюзюн айтхан сагъатыбызда уа, Къазийни адамлыгына багъа бичаллыкъ тюйюлбюз. Ол ишге эркин да тюйюлбюз. Бу деменгили адамды. Таякъ жюрютгенин къойгъанлы уа ёсюмуне къошулгъан этгенди. Акъсакълыгы хазна билинмейди. Бир кесек сынчыкълайды.

Тау ауузда къушну эркин учханына да эс бурдум. Ол къанатларын къакъгъан сагъатда, ала къаягъа тиерик сунуп, элгенеме. Эртте Басхан ауузунда учуп айланган айрыпланнны къанаты къаягъа тийип кюйген хапарын айтхан эди бир жол Шабазны атасы Самат. Миллетни эски хапарларын, жырларын иги биледи Самат. Жашын да иш этме, ол манга бир письмо жазгъан эди да, урушха кетгинчи, бек сукъланган эдим фахмусуна. Асырап къойгъанма письмону.

* * *

Келип тюшдюк Къазийни элине. Юйню адамлары сундум бизге тюбегенлени. Къызла да, аланы аталары, аналары да – тизгинлиле, сыфатлыла, сёзлери, ышаргъанлары – тегерекге огъурлулукъ жайгъан инсанла. Омакълыкъларына къарасанг, тойгъа хазырланган сунарса. Эки къыз чабып келип, къолтугъума кирип, тюшюрдюле машинадан.

– Къызла, атам, анам, бу Насийхатды, бирге ишлейбиз, мени онг билегимди. Анасыны анасы басханчыды, кеси кенделенчиди.

«Тишлерими ненча болгъанларын да айт», – дедим ичимден. Къадарларына ыразы адамла мени бир омакъ отоугъа кийирдиле. Атам сау келсин, бу оюнну ушатмадым. Лиуазаны Шабазгъа жазгъан письмосу эсиме тюшдю да, адыргыгъа къалдым. Арбазгъа шош атлай чыкъдым.

– Бу къызны ариулугъуна таудан шорхалары бир бирлери бла эрише саркъгъан суула тауушларын сабыр этип къарарыкъдыла, – деди Харун.

– Кет, эй киши, серленме, кызыны уялтма, – деди жыл саны келген тиширыу. Ол Къазийни анасы болса керек.

– Хар адамны, жерни, сууну, битимлени да атлары барды, – деди Харун. – Мен кьонак кызыны атын айтханлыкьгъа, нек чибинлейсе?

– Кьонакьны да кьонакь биледи. Бюгюн – кьонакь, тамбла бизни элни бек иги адамларындан бирлери боллукь эсе уа, кьайдан билесе?

– Ол а – барыбызны да насыбыбыз.

– Къызла, Насийхатны юйге кийиригиз, – деди Къазий.

Кьурманлыкь этгенди Харун бизге. Тийре-кьоншуну чакьыр-гъанды хант деген кьангагъа. Алгъышны манга бла Къазийге этедиле. Биз юйню ичиндебиз, таматала – тышында. Бир-бирле юйге келин келгенине ишексиздиле. Этген алгъышларындан ангылайма ол затны.

– Бюгюн бери нек келгенбиз? – деп сордум Къазийге ачыгьындан.

– Элибизни адамларына туберге. Жаратмагъан затынгмы барды? Тур, кетдик.

Андан сора сёз айтмадым. Алёш ашыкьдырса, бек сюерик эдим, алай, мен ангылагъандан, ол да базынмайды алай этерге. Къалай этейик, жыйылгъанла ашдан, ичгиден да юлюшлерин алып, хапарны кызыдырадыла. Былайгъа келин келген кюн этериклерин этеди тийре-кьоншу. Мен да бош шайтанлы болама ансы, не менме деген кызыны да кьарынын аурутурукь туююдюле бу от жагъа, бу ар-баз, бу адамла. Хатерсиз оюмларым жолдан чыгъарлыкьдыла. Ичги сёзюмю ачыкьларгъа уа заман берсин кюч-кьарыу, эс тапдырлыкь акьыл. Къазий, кеч мени эссизлигими.

Харунда бюгюн мен эслеген ёхтемликни айтып таусалмам анама. Аны кийиннгенине эс бурчугъуз: башында акь къалпагъы, кьара-мор къалын кьумачдан кёлеги ёре жагъасы бла сакьал тубюне тирелипди ол. Кёлекни башындан тебиреп, Харунну киндигине дери кюмюш туюмечикле бир бирлерин ашырадыла. Гелефей кёнчеги да ол кьумачдан тигилгенди. Бел баууну тилин да кюмюш айбатлайды. Бичагъын, аны кьынын ишлегеннге кёз тиймесин. Къызгьылдымгъа тартхан гён чарыкьлары, ол бетли ышымлары, аланы бауларыны тиллери да кюмюш бла жасалып. Тап ишленнген мыйыкьчыкьларына кьырау кьакьгъанын эслемесек, Къазийден жашыракь окьуна кёрюнеди. Къара кёзлерини жютюлюклерине, бурунуну, кьашларыны ариулукуларына да эс бургъанма тюз да машинадан тюшген сагъатымда. Ауузуну уллулугъун сездирмейдиле анда болгъан кишилик халла.

Къазийни анасыны атын кимге сорайым? Ушамайды, мен бери келгенли кызым деп тегерегиме айланганлай тургъан адамгъа къалай сорайым, атынг кимди деп. Кюмюш жюзюк эследим кьолунда,

бек эрттегили харекет болса керек. Жюзюкге харекет деп айтамыдыла, билмейме. Тизгинлиги аны бийче тиширыуга ушатады. Кенг арбазны, уллу жашау журтну отоуларында болган халга ким да сукъланыр. Ананы оноуу жерин тапханыны шагъатлары...

Баям, мени тынгысызлыгымы тамам ангылады Къазий, кетер къайгыгыга кирди. Алыкга кетеригим келмейди деп къалай айттайым, уялмай? Бир орта жашаулу тиширыу, биз болган отоуга кирди да:

– Нек ашыгысыз, къызым, мен Къазийни анасы Ханийни эгечиме, атым Мисирханды. Сени бюгюн бери келгенинг уллу къууанды бизге. Мында къалыб а къалырма эдинг? Алай этсенг, сау элни къууандырлыкъса. Къара манга, ёмюрде этмеген ишими этип, биргеме журютген сыргаларымдан, жюзюклеримден бирлерин да алмай чыкыганма бюгюн. Не бла къууандырайым сени?

– Къайгыгы этме, Мисирхан, аны къууандырыр затыбыз барды, – деди Ханий.

– Бизни Къазийге жетген жаш жокъду не Къарачайда, не Малкъарда, – деди Мисирхан. – Бюгюн бу ариу къызын бизге кёргюзтюрге алып келгени окъуна барды кёкню, жерни багыасы.

Аркъамы терлегени жыйрыгымы жибитди. Мен харекетми болганма, элден элге келтирип, кёргюзтюп айланырга? Анама тарыгырыкъма аямай. Эшитирсиз аны Къазийге айтырыгын. Бир такыйкъа мычырыкъ туююлме мында. Бир киши кокаланмасын манга. Ишекли уа болган эдим, тиширыула кезиу-кезиу келип, кёзюме бир тюрлю къараган сагыатларында окъуна. Мисирхан а кёзлери бла чапхан эди кёзлериме. Кёпле ашадыла кёзлери бла.

* * *

Къазийни адамлары манга берген саугаланы анам санап бoшaмай эди. Хар бирин къолуна алганы сайын: «Аллах насыбынги алмасын, къызым», – дегенлей турду.

Анамы алай ыраы болганына сёз къошмадым.

* * *

Экинчи кюн Къазийни эгечлери салып юйге келдиле. Мен ишдеме. Менсизди этген оноулары.

– Да, сау болугъуз, къызын бек ыраы этгенсиз, – деди анам, келчилени сёзлерин бёле. – Бу сиз айтхан а атасы келгинчи боллукъ иш туююлду. Бир да, эки да айтмагыз.

– Да биз бери сени ауузунга чабарга, сени мудах этерге деп келмегенбиз, – деди тамата эгеч, – уруш кюйдюрген да тамамды,

---

биз да анга кьошулмасакъ. Иги ишни болжалгъа салыр кереклиси болмаз, эгечим.

– Былайда биз айтхан, таш, къаягъа тийип, артха чартлагъан кибикди, – деди экинчи эгеч. – Къызны кеси бла сѐлешейик.

Абидат, экинчи эгечни айтханына иги бюсюремеди эсе да, сѐз а кьошмады.

...Бек къыйын ишге тирелдим ахырында. «Шо, кимсе сен?» – деген ауаз кече, кюн да биргемеди. Мен «хо» десем, анам, аякъ тиремесе да, къылыкъсыз жилярыкъды. Сора мен а аны кѐтюралмам. Андан эсе мындан терен кирмейик барыу, къалыуну юсюнде. Заман шошлукъ берсин жаныбызгъа.

«Тели болма!» – деди биягъы ауаз. «Хо» болду жууукъ-тенг. Аппам да берди ыразылыгъын... энтта жиляды анам. Къууанган сундула аны. Къызы эрге баргъан кюн жилямагъан адам боламыды?

VII.

Хар эрттен сайын ишге тебиреген сагъатыбызда Къазий манга: «Мени насыплы этдинг, дуня жарыгъы Насийхат!» – деген сѐзлени айтмай кьоймайды. Энди ол РайОНО-ну таматасыды, мен а – комсомолну райкомуну экинчи секретары.

ШИРОТА КРУГОЗОРА И ГАРМОНИЯ ЧУВСТВ

О народах судят по их поэтам.

Кайсын Кулиев

Поэтическое слово – одно из величайших достижений художественной мысли. Через сокровенные мысли и чувства избранных мастеров творческого восприятия действительности мы постигаем сокровенные мысли и чувства родного народа. Благодаря поэтическому слову мы создаем и осмысливаем внутренний мир людей. Древнегреческие мыслители, которые еще несколько тысячелетий воспели Кавказ, говорили о том, что художественное пространство не терпит пустоту и бездействие. Проецируя высказывание античных мыслителей, скажем, что для вхождения в него необходимо

проявить свои творческие способности и взойти на высокий интеллектуально-поэтический уровень – высокохудожественные стихи, баллады, поэмы, драмы в стихах, чтобы читатели оценили вклад того или иного стихотворца в духовную сокровищницу родного народа. С этого начинается литературно-критическое осмысление художественной значимости того или иного автора-новатора.

Одним из тех, кто продолжает эту классическую традицию, является современный поэт-интеллектуал новейшей балкарской литературы Муталип Бепшаев. Разносторонний талантливый поэт, переводчик и драматург, он пользуется высоким авторитетом в творческой среде республики. Сейчас балкарский поэт находится в расцвете творческих сил. У многочисленных поклонников его таланта есть уверенность в том, что он еще обрадует любителей и почитателей своей поэзии новыми поэтическими открытиями. Читая стихи балкарского поэта, мы естественным образом получаем эстетическое наслаждение и осмысливаем неповторимую красоту Приэльбрусья. Следует отметить, что первый сборник стихов молодого поэта с символическим названием «Проснувшиеся скалы» вызвал большой интерес у взыскательных читателей и требовательных критиков. Естественно, что такое событие в балкарской поэзии не прошло мимо внимания такого авторитета национальной поэзии,

как Кайсын Кулиев. В своей статье «Мета поиска» [1; 3-5] он отмечал: «В прекрасный мир родной поэзии... Муталип Беппаев принес свои образы, краски, обаяние своего голоса, обрадовав нас своеобразием сказанного им слова... На такое способен только талант, который всегда ведет к поиску и непокою. Его постоянно влечет поиск, пленяет новизна – новизна рассвета и свежераскрывшейся розы, первозданная чистота воды и невыразимая белизна снега, мудрость молчащего дерева и вечно новый голос дождя. Вот именно такие драгоценные черты мне видятся в даровании Муталипа. В каждом его стихотворении я вижу мечту поиска, а это значит, что он ни в коем случае не хочет повторять сделанного, достигнутого и открытого предшественниками и сверстниками. И это важнейший принцип жизнеспособности дарования, его подлинности. Найти свое, сказать обо всем по-своему – вот к чему стремится молодой поэт. Этим он дорог мне», – заключил великий поэт [2; 3-5].

Следуя завету Кайсына Кулиева, непререкаемого авторитета в области балкарской литературы, Муталип Беппаев еще больше стал требовать с себя. Поэтому его поэтическое творчество последующих двух десятилетий отличается новизной формы и техники стиха, яркой образностью языка, искренностью суждений и своеобразным видением мира. Особо впечатлил балкарских читателей сборник стихов «Повелители гор» [3]. Произведения талантливого автора подкупали своей честностью, жизнеутверждающим лиризмом, философией жизни. Поэт обращался к особенностям новой переломной эпохи, к анализу конкретной исторической ситуации рубежа XX–XXI веков. Движение мысли поэт продемонстрировал прежде всего подвижностью поэтической формы, отразив своей структурой первое десятилетие нового тысячелетия, изменения, которые были вызваны самим историческим процессом. Форма и содержание произведений соответствовали требованиям времени. Критики новой эпохи Муталипа Беппаева были единодушны во мнении, что он лучший представитель балкарской поэзии. И выразили уверенность в том, что влияние на национальную поэзию будет возрастать с каждым днем [4; 70].

Свидетельством дальнейшего прогресса поэтического творчества Муталипа Беппаева стал сборник стихов «Силуэты чувств» [5]. Вопреки распространенному мнению, свободное стихосложение пришло ко двору многих северокавказских литератур. Более того, поэтический авангард нашел здесь немало сторонников, для которых верлибр стал основным способом выражения своей поэтической мысли.

Оригинальность беппаевского верлибра заключалась в том, что кроме освоения инонационального опыта есть и националь-

ные истоки, лежащие не только в эпическом народном творчестве, но и в кораническом языке, усвоенном поэтом с детства. Сакральная тенденция существовала и в сфере современного языка, что и способствовало развитию национального верлибра. Верлибр в исполнении Муталипа Беппаева показал, что этот вид стихосложения в то же время индивидуален. У каждого поэта свой верлибр. Однако верлибр требует безукоризненного слуха и таланта. Несомненная заслуга беппаевского верлибра в том, что соотношение между небесным и земным, духовным и реальным давало ему возможность постичь поэзию земных конкретных вещей.

Муталип Беппаев проявил себя не только как талантливый поэт, но и как прекрасный переводчик, тонко чувствующий чужое художественное слово. Он перевел на русский язык стихи Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Керима Отарова, Исмаила Семенова, турецкого поэта Ахмета Междета, аварца Магомеда Исаева, Аскера Додуева, а на балкарский язык – известных представителей русской и зарубежной классики, а также поэтов Северного Кавказа, Татарстана, Башкортостана, Чувашии. Поэтические переводы Муталипа Беппаева пользуются большим уважением среди представителей этого вида художественного творчества. Необходимо отметить, что и стихи самого поэта также переведены на десятки языков народов мира: арабский, японский, немецкий, турецкий, украинский, кабардинский, кумыкский, аварский, казахский, чувашский, калмыцкий, алтайский и т.д. [6; 185].

Муталип Беппаев оправдал вещи слова Кайсына Кулиева и в литературной критике, художественной публицистике и мемуаристике. Об этом свидетельствует его книга «Сердцем рожденное слово», изданная в издательстве «Эльбрус» в 2012 году. Сюда вошли его очерки, рецензии, воспоминания и мемуары о великих предшественниках и современниках. Он писал свои материалы не только о писателях Кабардино-Балкарии, но и всего Советского Союза – Александре Твардовском, Михаиле Дудине, Мустае Кариме, Николозе Бараташвили, Эдуарде Багрицком, Павле Тычине и многих других. Эти очерки, эссе и воспоминания невозможно читать без душевного волнения. В них поэт и публицист выразил свои сокровенные мысли, отдал дань глубокого уважения этим поэтам и писателям.

Читая стихи, переводы, эссе, воспоминания и публицистику Муталипа Беппаева, чувствуешь широту кругозора и гармонию чувств признанного мастера. Особо хочу отметить, что он скромный и творчески мыслящий человек. Именно этими качествами отличается поэт от других: простой и доступный, серьезный и обаятельный, притягивающий к себе коллег, чи-

тателей и исследователей. Это редкое явление среди творческих людей. Видимо, Муталип хорошо усвоил нравственные уроки своего великого учителя Кайсына Кулиева. Ведь они оба из Чегемского ущелья, горцы и настоящие патриоты своего народа. Муталип всегда старался быть достойным преемником своего мудрого наставника, который говорил, что «поэт не может быть плохим человеком». И еще: «О народах судят по их поэтам». Муталип никогда не забывает эти вещи слова, которые стали для него путеводными, если хотите, звездными ориентирами.

Сейчас поэт Муталип Беппаев находится в расцвете творческих сил. Мы с ним не из одного литературного поколения, тем не менее я буду следить за его дальнейшими поэтическим ростом, за новыми откровениями его самобытного таланта. У этого горца нет зависти и недоброжелательности, он является образцом порядочности и честности, Благодаря этому Муталип от чистого сердца радуется творческим успехам своих коллег, поддерживает молодых авторов и воздаёт должное аксакалам пера и лиры. Из этих родников душевности питаются его мировоззрение и нравственное начало. На мой взгляд, именно за эти качества его и избрали руководителем писательской организации Кабардино-Балкарской республики. Вообще доброжелательное и уважительное отношение не только к писателям, но и к людям, по отзывам ближнего круга поэта, в крови. Иначе бы в своей поэзии Муталип Беппаев не поднимал общечеловеческие ценности (идеи гуманизма, вечности жизни, человеческого бытия, родной земли, отечества), которые привели его к подножию Эльбруса – балкарского Парнаса. Будем надеяться, что со временем он взойдет и на его поэтическую вершину.

Литература:

1. *Кулиев Кайсын*. Мета поиска // Муталип Беппаев. Повелители гор: Стихи. – Нальчик, 2007. – С. 3–5.
2. Там же.
3. *Беппаев Муталип*. Повелители гор: Стихи. – Нальчик.: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 180 с.
4. *Губашева Е. М.* Из наблюдений над поэтикой произведений Муталипа Баппаева // Простота души и ясность взгляда: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию со Дня рождения Муталипа Баппаева / 2-е изд. доп. – Нальчик: издательство М. и В. Котляровых, 2017. – С. 70.
5. *Беппаев Муталип*. Силуэты чувств: Стихи. – Нальчик: Издательство «Печатный двор», 2012. – 200 с.
6. Там же. – С. 185.

ХОЗИЕВ Борис

**БЕППАЙЛАНЫ Муталип,
КЪМР-ни халкъ поэти**

ЖАНЫМ, ЖАНГЫ ЖЫРЛАЙ, ЖАРЫЙ!

* * *

Балли, чакъгъанлайын тура,
Менде сейир сагъыш лахор къура:
Умутча, кѣп тюрсюн, жарыкъ,
Туугъанча, жап-жангы сура.

19. 08. 2020 ж.

* * *

Биз Эскишехирге бара-бара,
Сотурланады хар болгъан жара:
Бийик жулдуз сюрюу да, ышара,
Бизни байрам жолгъа да ашыра...

21. 12. 2010 ж.

* * *

Бурунгу акъылманла – къазгъанлары,
Асыллы оюмлукъда – азгъанлары,
Бек ахыр жоюмлукъда – жазгъанлары,
Окъуудан менде, жанда – къалгъанлары...

21. 10. 2010 ж.

* * *

Ариулукъдан, дуня жарыйды:
Кючю неге да бек къарыйды...
Биз экибиз, жана-кюебиз:
Нечик менден жанынг арийды...

БУЛБУЛ ТАНГЫ

Булбул, танг жыр айта,
Эрттен сайын къайта:
Къууанч тыпырлыкъда
Бизни да, сагъайта!..

05. 04. 2020 ж.

ЖАЛГАН НЁТЕРЛЕГЕ

Кюлгенлейин,
Келгенлейин –
Къанлы жорда
Кергенлейин...

06.04.2020 ж.

КАЛАЙДЕР

Къоймай, соруу этер,
Узакълагъа кетер:
«Жашау къалайды?» – дер,
Къурулгъанлай,
Калайдер...

ЖЕТДИ ЖЕРГЕ – ЖАХАНИМЛИК

Къалай, къалай, Ухань,
Болдунг, болдунг, уу хан?!
Жетди жерге жаханимлик,
Келди бизге жахилимлик:
Кетди да жууукълукъ,
Берди да сууукълукъ,
Ара айырылды,
Ауруу къайырылды...
Чекле жабылдыла,
Кёпле къабылдыла...
Къабышдырды ауруу бизни,
Этди жесир
Эсибизни:
Жашау жорукъ энди башха –
Къайгырыулукъ жетди башха!

07.05.2020 ж.

САКЪЛА ХАЛКЪЛЫКЪ

Сакъла бирлик, халкълыкъ –
Ахлудукъгъа сакълыкъ!
Кетсин кери,
Бизге дери
Къара кюнню къурум эни,
Къайгъы, бушуу къойсун сени.
Къалсын барлыкъ, къайгырыулукъ,
Тенглик, ахлу да – жууукълукъ,
Болмазча арада буз сууукълукъ!..

ТАТЛЫ КЫЗГА

Бек ариу, назик татлым,
Татладанды: тат, татлым!..
Ажашханчама ансыз,
Саулайын, бола жансыз...
О, булбул ёнлю таным:
Мен сенсиз – ангсыз, сансыз!..

ЖУЛДУЗЛА ДА МУШУЛДАЙ

Жукъуда, кёкде айчыкъ,
Жулдузла да, мушулдай,
Бар оюм да – терк, ачыкъ,
Жомакъдан къююлгъанлай...

Жукъугъа терек барыр,
Жукъудалла жууукъла:
Тирилик бары арыр,
Хар чакъны, тюш – къучакъла!..

31. 05. 2020 ж.

ТУУДУКЪЛА

О, туудукъла! О, туудукъла!..
Жашау эбин тап къурлукъла,
Тау ыз сакълап да турлукъла;
Озуп заман, къуууллукъла –
Тауда ханлыкъ сиз бурлукъла:
О, туудукъла! О, туудукъла!

* * *

Ёлюмлюкденми къутулдум,
Азатлыкъданмы къутурдум,
Былай къалай да жутулдум?..
Кетдим, кетдим,
Узакъ кетдим.
Таудан кенгдеди келишим:
Бийикликде – бюджет ишим...
Ашыкъ-бушукъ бу жетишим,
Жетди къалай, жийиргеним?!

02. 06. 2020 ж.

НЕЧИК СЕЙИРБИЗ БИЗ

Нечик сейирбиз биз,
Терс терилчекбиз биз:
Игиликге ыспас бермек,
Сюйген жанны сыйлай билмек;
Жюрек кермей багъалауда,
Къуру зарланыуда, дауда;
Нечик сейирбиз биз,
Кесибизни да – алдауда!..

* * *

Алтынлы кийимлери, жым-жым жарый, тереклени:
Согъалгъанча жел, чапыракълы,
къобуз тюеклени,
Тепсеуге да чакъыргъанчады бизни, барыбызны –
Бюкгенден аякъ, излей болур,
терк арырыбызны!

29. 11. 2019 ж.

* * *

Айтды къызчыкъ
Бешик жырчыкъ:
Кесчигине –
Жалан жылчыкъ!..

* * *

Эрттен ала. Терк танг ата,
Къая жухла – бийик.
Тау сыртлада, туман жата,
Майна, атлай кийик!..

* * *

Анга тюрслеп къара, къара:
Арба, кеси кетип бара...
Ат, ючаякъ,
адам кёз кёрмеген:
Тюз жомакъдан –
Жолун жан бёлмеген...

* * *

Болмай аяу,
Сюрт-сюрт бояу:
Хар бир тюрсюн
Бизге кюлсюн,
Оюн керсин,
Къууанч берсин!..

* * *

Тюзде болду да таш,
Сыйы – бийик, уллу:
Хар ким анга – къардаш.
Сёзсюздю, къуллукълу!..

АМАН ТАЛДЫКЪ

Аслам жол кыдырдыкъ,
Кышлыкъ таба бардыкъ:
Биз кёп кырдык кырыдыкъ,
Аман бек арыдыкъ...
Ишден биз жарыдыкъ,
Жулдуз чёпле жырдыкъ:
Гюл-гюл чагыш, кырдык
Кюн-кюн чалып, тындыкъ;
Ай, арыдыкъ,
Аман талдыкъ!..

* * *

Чабышыу, жаншау,
Сапарыш – жасау:
Ашыгыш, кыыстау –
Адамлыкъ, кыыстау!..

19. 05. 2010 ж.

ТЮЙЮШДЕ АДАКЪАЛА

Къаралгъандыла тюзле, таула,
Болгъанчадыла саула – шаула:
Сёгюле жашау магъанала,
Ёседен-ёсе чыгъанала...

Ёмюрле кете, артда къала
Тюйюште, къутсуз, адакъала:
Керилгенлеге ёлюр чакъда
Керекмидиле садакъала?!

САТХЫЧ САТА, АЛА АРТМАКЪ

Сатхыч сата, ала артмакъ,
Башхалары – хомух, такъмакъ:
Биз аладан да тарыкъмакъ,
Тилек бла да арытмакъ...

Алгъа – киши, артда – тиши,
Энди барыр аны иши.
Бар, бу сёзле бек эриши –
Не алагъа, халкъ бедизи!

Бири – чолакъ, бири – сокъур,
Бири – гупшур, бири – бокъур,
Бири – акъсакъ, бири – чакъмакъ,
Ала бла тауда – чакъмакъ!..

ЭСКИ ДЕФТЕРДЕН

Аны бети – алай къоркъуулу, алай уулу,
Тюз да дидин жоккуча, жилин жуммакъча,
Къаракъурт жыйынча...
Хар кимни да къабаргъа, тыхсытыргъа,
Жер къаны этерге – хаппа-хазыр!..

* * *

Нечик тазаса сен – ариу, ариу,
Бере манга жүрек къарыу, къарыу.
Болсанг къатда – келир жарыу, жарыу,
Ёлюмсюзлюк болур – жазыу, жазыу!

САБИЙ АРБА

Самирагъа

Сабий арба – толу жырдан,
Тюйюлдю кёп анга жылдан:
Къызчыкъ, къолун узатханлай,
Буйрукъ берген азат ханлай!..

Бир кёр, барып ары-бери,
Не айтчы, къоркъмай, абери;
Жырчыкъ айтсанг, ол бюсюреп,
Бетге къарар, кюлюмсюреп.

11.03.2012 ж.

* * *

Къаргъа-къузгъун,
Болгъан бузгъун...
Хор-баз, хор-баз –
Арбаз хораз!

* * *

Минг-минг жыл бар болгъан суратчыла,
Не кюч-къарыу, жашау къоратдыла –
Сыфатынгы къурарча, муратда...
Алай жансыз тюрсюн, кёп суратда –
Къуру сенден, кенгигертгенлей ара:
Жапханча кюн кёзюн къазан къара!..

НЕЧИК ЖАРЫЙДЫЛА КЁЗЛЕ

Нечик жарыйдыла кёзле,
Мууал болгъанчалла сёзле:
Баям этер къарыу къайда,
Хар ким айтырча орайда?
Жюрек жанны учуунда
Адам сезалмай ууучунда:
Мёлек, бийче кюн сыфатын
Эсде тутар, хар ким – атын...
Жаугъан хар къар хапучукъда,
Чабып баргъан, тау суучукъда –
Сени туура бетинг ачыкъ,
Жалан къалгъанча танг айчыкъ.
Ары-бери къачмаз эсинг,
Жанда барсанг, жаным, кесинг!..

КЪАТЫМДАСА

Къатымдаса –
Сантымда.
Жырымдаса –
Антымда!..

18. 10. 2022 ж.

КЕЧИКГЕНСЕ, СЮЙМЕКЛИК

Кечикгенсе, кечикгенсе, суймеклик –
Бу жол келген, бу жол келген кюймеклик!..
Бек къыйынды жюрекке ол келмеклик:
Арада анга болурму кечмеклик?!

* * *

Мени бла, жолда баргъан, аяз,
Дегенча: «Тенгим,
жукъудан аяз,
Къудуретге къара,
сююн аз-маз!..»

БУЗ БУГЪЕЙЛЕДЕ ЖЕЛ ЖЁБЕЛЕЙ

Ёлмезланы Абдул-Халимге

Кёкню жети къатысына
Чыгъаргъа тюшдю санга:
Желни быллай къатысына
Тёзерге керек санга.

Къадары къойдуму бармагъа,
Тау Тейри бузлу къадамагъа:
Эверест – кёпюр – Сыйрат
Чархладан жан сыйырад!..

Бар палах, къууанч да – биргелей,
Буз бугъейледе жел жёбелей...
Жаханым кеси – мында,
Хар этер атламынга!..

* * *

Хар чакъ сайын кюлкюнг,
Бир бек жарыкъды кюн:
Хар тау – санга илхам,
Таулу жыры – балхам!..

* * *

Къууанч – бери,
Палах – кери:
Жанынг – жырда,
Жангы Жылда!..

* * *

Палах желин,
сен, хорларгъа керил:
Ойнай-кюле,
жарыкъ чамгъа берил!

ДОН-ЖУАНМА, МЕН – ПАТЧАХ

Мен ёмюрлюкме, ёмюрлюк:
Болушду Аллах,
Жетмеди палах –
Сан болмады да кёмюрлюк!..

Адакъама, адакъа,
Хар кимге – къор-садакъа:
Къарамым да – жинк-окъа,
Шайтан-жин – менден къоркъа...

Ёхтемликме, ёхтемлик,
Ёртенликме, ёртенлик...
Кюн, уят мени хар эртен,
Терк къыстай, жукъу бетден.

Бек ариу тауукъчукъла,
Хар биринг татлы жукъла:
Кенг – сизден къая жухла,
Жетмезле тюлкю, жутла.

Мен ёмюрлюкме, ёмюрлюк:
Болушду Аллах,
Жетмеди палах –
Сан болмады да кёмюрлюк...
Дон-Жуанма, мен – Патчах!..

* * *

Суратлалла, ала суратла,
Жана тургъан муратла,
Ёсе тургъан къууатла,
Сюргюнден къалгъан картла...

ШУШАЧЫ АҚЫЛМАН

Вагифге

Сизни хар жырыгъыз игиди, аламат,
Эсни жангыртханлай, жүрек – сау-саламат.
Сизни жаныгъызда учарча турнала,
Вагиф, сизге жанын этеди аманат!

ХАЛКЪ ЖАШАТХАНЛАЙ – ТУКАЙ

Тохтамагъанлай
 Заман баргъанлай,
 Ол таркъайгъанлай...
 Таркъаймагъанлай,
 Тургъан а – Тукай!
 Туугъан тил – таулай,
 Халкъ жашнатханлай,
 Халкъ жашатханлай,,
 Алда да баргъанлай,
 Тургъан а – Тукай,
 Габулла Тукай!..

БЮРЧЕ ТОЙЧУЛАГЪА

Бюрче бийче,
 Жыйрыкъ биче:
 Кенг, жарарыкъ,
 Жырыкъ жыйрыкъ –
 Тиксин кече,
 Терк – бюгече...
 Мен, той этерча,
 Юйден кетерча;
 Эрге барама –
 Шам Малкъаргъама –
 Бий ургъуйгъама.
 Алай талгъанма,
 Бек арыгъанма.
 Мени къаргъама,
 Кете турама.
 Этерча биз,
 Той экибиз...
 Суюгениме,
 Кюйгениме,
 Жетерле алгъа,
 Къалымла алгъа –
 Келечиле,
 Бюрче бийле!..

ТЁГЕРЕКДЕ – КЮЛКЮ, ЖАРЫУ

Кери мындан – талыу-арыу:
 Тёгерекде – кюлкю, жарыу;
 Хар бирибиз – бёрю, тюлкю;
 Аслан, къаплан – болгъан кюлкю!

Кеси алгыш, назы терек –
Нечик жарыйды төгерек:
Къарты-жашы – тепсей, жырлай,
Аякъ ала, женгил журлай.

Эски жырла айта къартла,
Артха къайтып келе, нартла!
Бийик кёкге мине къалай,
Ишин билген гепсоркъалай.

Атлы уча, ата бичакъ
Илишанда, ариу гюл чакъ!..
Ал сатырда уа – чамчыла,
Биз киндиксизбиз, ачыла!..

Мындан кери – талыу-арыу;
Төгерекде – кюлкю, жарыу;
Хар бирибиз – бёрю, тюлкю;
Аслан, къаплан – болгъан кюлкю!

АТА ЖУРТУМ

Узакълада булбул жыргъа
Турдум нечик сукъланганлай!..
Алай артха, таулу журтха,
Тансыкъ болуп къайтханлай;

«Гъур-гъур!..» макъа макъамлагъа,
Туугъан элде аралгъанлай,
Къууанганлай жангы тангнга,
Мен нек шумсуз, сытылгъанлай,
Сытылгъанлай, сытылгъанлай!?

07. 08. 2019 ж.

* * *

Шо, танг аласында,
Булбул къаласында
Тургъанчама, тургъан.
Жыргъа да аралгъан –
Болгъанча сын туурасында...

26. 08. 2020 ж.

* * *

Саламлашыу,
Къучакълашыу;
Шыбырдашыу,
Жууукълашыу!..

Жууукълукъда –
Энди сууукълукъда:
Нечикди бу былай,
Къайдан чыкъды, къалай?..

БАЙРАКЪЧЫ

Занкиши Ибрагимге

Ол суратчыды, суратчы.
Бояулагъа бола жалчы,
Ишде алчыды –
байракъчы:
Ал сатырда баргъан –
жырчы!

ВАН ТОГ

Хар кюню
чеплеу башлай,
Ийиле, манга атлай,
Къолумдан
тутуп башлай,
Жаныма жанын къатлай!..

30.05.2022 ж.

* * *

Кырдык – жашил:
Сен, жаш, ийил,
Болайым къор,
Бол, кырдык ор!..

* * *

Суу сууурулду,
Къаядан тууду.
Бек къаты урду,
Ол кюнню жууду,
Тап къууурулду...

* * *

Сабий къркыгъан барабашла...
Бол терк – къатып бара, башла:
Сен къркыма-къркы аладан;
Акълбалыкълыкълыны башла!..

03. 09. 2020 ж.

АНКАРА

Мекям, орам да – дум-ала,
Сен, ышанлап, анга къара:
Таурух, жомакъча – бу кълала,
Накът-налмасча – Анкара!

21. 06. 2017 ж.

ЕККЛЕСИАСТЧА БОЛ

Акростих

Мен – тохтаусуз, жолда,
Умут – жулдуз ууда:
Таула, кълая жухла
Алдаучалла, алда.
Лагълымчады жашау –
Иги-аман да – шау.
Поэт ёрлей кълыстау –
Болур артда тик тау...
Египетде, кълыйын –
Парижлеге, сълыйын:
Пари, къладар – кесгин,
Алгълын заман келсин...
Екклесиастча бол:
Визир, патчахча ол!

21. 09. 2020 ж.

ТАУДА ХАНЛАЙ КЪАЛАЛЪАНЛАЙ!

Тълыйош, уруш,
Болгълан – буруш:
Жара – кълыйнай,
Жаза, сынай!..
Ол а, сынмай,

ХАР ЭЛ ДА – ПУШКИНЛИ

Заман келсинчи эркинли,
Албурундача, Пушкинли:
Къарагъанла бийик кёкде
Кюннге болмазча экили!..

Къайдан къалай жете бери –
Тюзлеринден кете кери,
Уллу поэт – учхунлары,
Бизге, тауда, элге дери.

Угъай, бары – мындагъыла,
Чегемледе туугъандыла.
Поэт аты аталгъанла,
Чынтты таулу жашладыла.

Хар тау элни ёз Пушкини –
Жууугъубуз мени-сени:
Малчы, ташчы, чамчы, балчы –
Ала жаны ишлерини!

Заман келсинчи эркинли,
Албурундача, Пушкинли:
Къарагъанла бийик кёкде
Кюннге болмазча экили!..

28. 09. 2020 ж.

* * *

Жарыкъ, ариу кюлсенг –
Жаным, кюнюмсе сен...
Келген сайын ашхам,
О, сунмачы шашхан.
Тюз кёргенлей, ашхым:
Турнама – ажашхан!

ТУУДУКЪЧУКЪ

Давидге

Нечик женгил атлайды бу сабий,
Къагъа-къагъа, биз сезмеген къанатларын:
Анга къарай, болабыз биз сабыр;
Айта шошчукъ, сукъланч, суйюнч чам атларын!

07. 07. 2020 ж.

ОТУННГАБЫЗ, ОТУННГА

Барабыз –
Отуннгабыз, отуннга:
Жылыу кьошарча
                                хар жаннга, тангнга;
Берирча жарыкълыкъ
                                бар таулагъа;
Кюмюшсакъл – ныгъышда –
                                къартлагъа!

БЕТХОВЕН

Нечик энчиди ол
                                башхаладан,
Бизге келгенча,
                                кюн Аллахладан:
Жерде тамашалыкъ къураялгъан –
Накът-налмас къала
                                тауушладан!

АЛЛАХ БЕТИН КЁРГЕНЧА

Аллах бетин кёргенча
Аны, эсин бёлгенча:
Ана ёрге къарагъанлай –
Сорууларын бергенча...

06. 12. 2020 ж.

* * *

Тау, дыркъы, атлауучла;
Ёмюрлюк, къурч –
                                ууучла,
Элгеним, къууучула –
Сезимлик, къуруучула!..

11. 12. 2020 ж.

* * *

Хар таш, сагъатча, къурулуп,
Къудуретге сакъ бурулуп...

АРИУЛУКЪ КЕЛСИН БЕРИ

Бояудан башха бояу тууа,
Тюз этгенча кесине дууа...
Аяу болмай,

бояу –

Боя, боя, боя –
Эскиликни оя,
Жангылыкъны къоя,
Сурат, къууат керсин,
Тюрсюн-тюрсюн

кюлсюн:

Ариулукъ
бери келсин,

Мында
кесин кёрсюн,
Тап азат ол керилсин...

* * *

Хар такъыйкъабыз – жан чыгъым!..
Жолларыбыз: кычырым, чакъырым,
Кюйюм, туйюм, бёлюм, ёлюм...

Ой, жанчыгъым –
Ой, жан чыгъым!..

Ненча жан чыгъым –
Ол сюрдюнюкде?..

Ненча жан чыгъым –
Бу бюдюнюкде?..

* * *

Бар халкълыгъынг,
Мадарлыгъынг,
Къыраллыгъынг:

Ёмюрледе –
Къалаллыгъынг!..

КЪАРАЧАЙ

Кёкде барады ай, жаухарчалай,
Бизге къор-садагъа – шам Къарачай:
Ол чегемли жаш Мурачай,
Бир бек сени махтайды Къарачай!

ЖОЛ УЗАҚЫДЫ, БЕК ТУЗАҚ

Будайланы Азретге

Жол узақды, бек узақ –
Хар атлам бола тузақ!..
Тохтаргъамы, къачаргъа –
Башхагъа жол ачаргъа?..
Жанаргъа – санга керек,
Жылынырча тегерек:
Апчыгъан болса адам,-
Сенсе, сен анга – туздам!
Сюймеклик сенден кете,
Тюймеклик санга жете:
Къачмакълыкъ керек туююл,
Халкъ ючюн къурул, туююл...
О, Поэт Будай Азрет,
Халкъ ючюн болдунг хазрет!

06. 10. 2020 ж.

БОЙНАКЪЧЫКЪ

Хар къайда халибизни
Бойнакъчыкъ эслей бизни:
Къубулта игибизни,
Терк кече телебизни...

Кётюре келюбюзню,
Юйрете телюбюзню,
Сакълай юрюрюбюзню,
Итча жюрюрюбюзню...

05. 07. 2003 ж.

ЧАЛЪЫЧЫЛЫКЪ

Эртте тургъаныбыз,
Чыкъда баргъаныбыз,
Тюшге жете-жетмез,
Бек арыгъаныбыз...
Къалыр эде, кетмез:
Жаннга тынчлыкъ бермез!..

САБИЙЛИК

Сабийлик – Чабакълы саркъыуунда,
Талчыгъан – тал терек салкъынында,
Ёмюрлюк – состар таш къалкъыуунда...

* * *

Чабакълы суучукъ,
Нексе сууукъчукъ?..
Сен, женгил чаба,
Болчу, жууукъчукъ –
Жууундуруучукъ!..

ЖАРСЫЙ КЕТДИНГ АЛАМ ЖОЛГЪА

Тау миллетни ёкюллерине

Жарсый кетдинг алам жолгъа:
Халкъынг чачыл – онгнга-солгъа,
Киминг жыяр бирлик къолгъа,
Барырча ол алдан-алгъа!..

Энди болмаз шошайлашыу,
Жууукълукъда тенг ойлашыу:
Болгъаныбыз къачыу-ачыу,
Къалгъаныбыз ачыу-чачыу!..

Бюгюн керек – халкъгъа сакълыкъ:
Къарыусузгъа къарамакълыкъ,
Жаш тёлюню сакъламакълыкъ,
Хорламлыкъгъа атламакълыкъ!

Жарсый кетдинг алам жолгъа:
Халкъынг чачыл – онгнга-солгъа,
Киминг жыяр бирлик къолгъа,
Барырча ол алдан-алгъа!..

16.06.2021 ж.

ТЮРКИЯ

Къыралладан юрке-юрке,
Жетсе таулу бери – Тюркге:
Мында уа ол – тёрде, эрке,
Бек хычыуунду жүрекге!

Анкара 20.12.2010 ж.

* * *

Хар ким – омакъ,
Таурух, жомакъ.
Аллах, салам –
Саулай Алам!

ЖЕЛ

Узакъдан жете, жел керекге:
Тенг – бизге, нёгер – хар терекге,
Ёмюрле кёклей, бирге тиге,
Ол къадар жазыу тегерекге!

ЭЛАЗЫДА БАЙРАМ

Хар сёз, хар иш – мында балхам, дарман-дары,
Элазыда: «Хазар назму ашхамлары».
Назмучулукъ ишни алчы солтанлары,
Бир аздыла жаза жазгъан ашхылары!

Къобузла, дауурбасла,
Устала, ишде башла:
Бек кёп элден келдик бери,
Нечик бийикди бу жер дебери!

Осман аскер бара, сатыр-сатыр туруп,
Къобузлада бурун заманланы кёуруп:
Къонакъла тюшгенчабыз бирден ары,
Барыбызны да – къоркъуулуча къадары!..

Турчу, тур жууукъ-къаршы
Истекляр, Осман маршы –
Сейирге къалгъанча кёк гъаршы!

Жюз-жюз жыл, заман бу къобарад,
Солтанлы аскер саф-саф барад:
Аламатды, тамаша парад!

21. 12. 2010 ж.

Ркаил ЗАЙДУЛЛА

МЕЧ ТЕНГРИ

1

Аттила прекрасно понимал, чего добивались прибывшие накануне римские послы. Они стараются протянуть время, усыпить и расслабить его своими льстивыми речами. Ухватив ладонью седеющую редкую бороду, он усмехнулся. Они думают, что я поверю их лживым словам и попаду в их хитроумную ловушку. Но Аттила всегда чувствует, когда слова и жесты римлян скрывают за собой коварство, – он воспитывался во дворце императора и провел там детство. А между тем, все очень просто: Аэций еще не собрал армию, и к нему со всех уголков Римской империи стекаются легионы. Когда Аттила вспомнил Аэция, в его синих глазах вспыхнули угрожающие огоньки. Этот римский аристократ вырос в его орде, а потому он наперед знает, о чем думают и чего хотят тюрки... А ведь Аттила относился к нему как к родному брату и верил ему. Не в коня корм!

Он медленно пошел к выходу. Стоявшие у дверей стражники почтительно расступились. Все они были сыновьями знатных биев, эльтеберов, тарханов. Рослые, украшенные золотом, вплоть до рукояток сабель, в одежде, расшитой серебряными пластинками, – рядом с ними великий царь гуннов будто стал еще ниже ростом, незаметнее, однако решительная, широкая поступь, крепкие плечи, покрытые шерстяным плащом, откиннутая назад большая голова напоминали всем, кто здесь хозяин, вызывая у окружающих чувство уважения и опасения.

Выйдя через узорчатые ворота, Аттила зашагал в степь. К нему присоединился безмолвный, как тень, Корумби. Стена, окружавшая поселение, была воздвигнута не для защиты от врагов, а ради ее собственной красоты и величия. От кого прятаться Аттиле, кого бояться, ведь он сам держит весь мир на ладони!

Степной воздух наполнил грудь. Мягкие кожаные сапоги Аттилы касались серебристых веточек полыни, и степь звенела от ее горько-сладкого запаха. Воздух был, словно натянутый лук, в звонком ясном небе сияло солнце, похожее на золотой щит, лишь вдали, на горизонте, будто грива коня, трепетало то ли марево, то ли заблудившееся облако.

Неожиданно Аттила бросился на колени и поднял лицо к небу. Сухие губы зашептали слова молитвы. Но Тенгри не подавал никакого знака, и тело Аттилы не пронзил, как прежде, свет, льющий с небес. Он тяжело поднялся, повернулся к Корумби. Аттила знал, что римские

послы привезли ему в дар много золота и серебра, византийские ткани, украшенное драгоценностями оружие, деньги. Человек – слабое существо, сиюминутное богатство застилает ему вечность. Аттила понимал и умел прощать эту человеческую слабость.

Однако римляне хотят переломить хребет коню, на котором он сидит, разрушить то, что он создавал с таким трудом. Поэтому он должен выпустить стрелу прежде, чем враг поднимет меч. Не опускай оружия, бей в цель! Не зря же предки считали это правило самым главным принципом жизни.

– Великий царь! – осторожно начал Корумби. – Я догадываюсь, какие мысли бередают твою душу. Римские послы правы: нам нужно жить в согласии. Мечом можно завоевать мир, но им нельзя управлять. Если мы будем жить в мире и дружбе, солнце твоего народа никогда не закатится.

Аттила постарался скрыть свое раздражение.

– В мире ничто не вечно, – проговорил он сквозь зубы. – Даже солнце вечером заходит. А солнце будущего года – не сегодняшнее солнце...

Корум понял, что Аттила не хочет разговаривать о римлянах, и не стал продолжать.

– Римляне хотят усадить нас на свою телегу, – Аттила подошел к воротам. – На их телегу сядешь – их песню запоешь. – От взгляда Аттилы Коруму стало не по себе. – Но зря стараются. Мы сами засунем их в наши седельные сумы.

– Воевать с нами – дело для них непосильное, – поддакнул Корум.

– Мое войско завтра же может двинуться на Рим. Но... – Аттила умолк, словно заколебавшись. – Скажи жрецам, пусть зарежут барана, вечером я к ним приду. Все в руках Тенгри...

Корумби повернул к жилищу жрецов. Немного погодя двое всадников поскакали в степь, – им было велено выбрать в стаде самого черного черного барана.

Когда сумерки, словно тень скачущего по степи серого коня, коснулись глаз Аттилы, он вошел к жрецам. В центре помещения горел очаг, вокруг которого сидели семь человек; по всему дому плыл щеко-чущий ноздри запах вареного мяса. Старший жрец с седыми волосами, заплетенными в косы, взял в руки баранью лопатку. По чуть заметным черточкам на кости он умел предсказывать будущее, лишь ему была дарована власть соединять линии на лопатке с дорогами жизни.

– Собираюсь войной на Рим, будет ли поход удачным? – Аттила осторожно присел у огня.

Жрец начал пальцами ощупывать лопатку, что-то бормотать себе под нос, нашептывая, поворачиваясь из стороны в сторону.

Терпение Аттилы начало иссякать. В это время кто-то поставил перед ним чашу с горячей шурпой¹. Аттила немного успокоился, но глаз от жреца не отрывал.

---

¹ Мясной бульон.

– О, великий царь, – выговорил наконец старик. – Тенгри почему-то сердится, говорит, что война будет неудачной, и велит приостановить приготовления.

Аттила резко встал и, ничего не говоря, вышел на воздух. Ему вдруг показалось, что у него в груди застрял тяжелый камень, и от этого его начало мутить.

А жрец в это время продолжал что-то бормотать у огня. Но не пламя грело его, а лежащий за пазухой кожаный мешочек, переданный ему Корумом, и римские монеты в нем, которые, переваливаясь, сладко тешили душу...

Выйдя от жрецов, Аттила направился в дом своей жены Караки. Построенный в форме восьмигранника, дом изнутри, при свете свечей, казался совершенно круглым.

По войлочным коврам Аттила прошел вглубь. Там на мягком ложе сидела его любимая жена Карака. Воздух в доме был пропитан запахом краски, – видимо, служанки целый день красили шали. Почему-то женщины очень любят укутывать плечи большими шальями с кистями.

Поверх белого платья с оборками Карака надела темно-синий камзол, в блестящие косы вплела серебряные наконечники; в колышущемся свете свечи золотые ожерелья, серьги, браслеты и кольца будто вспыхивали огнем.

Загадочно улыбаясь, Карака протянула руки к мужу, но ее бьющая через край нега сегодня не возбуждала царя, и сердце его не гнало кровь, разрывая сосуды... А ведь в прежние ночи от этой женщины он становился безумным, как молодой скакун, и кровь его, не помещаясь в теле, вырывалась через ноздри!

Аттила прилег, опершись на шелковую подушку. Карака, поднявшись, сняла с него сапоги. Одна из служанок принесла серебряный таз с теплой водой. Почувствовав на ногах прикосновение мягких рук жены, Аттила блаженно закрыл глаза.

– Тучи омрачают твою душу, – произнесла женщина.

– Устал... – Только с ней он мог быть откровенным. Ведь ему, Сыну Солнца, должны быть чужды усталость и бессилие, у него всегда должны быть крепкие руки, здоровое тело и острый глаз!

– А мне римские послы преподнесли подарки, – женщина достала из-под ложа золотые и серебряные сосуды, а затем выдернула откуда-то легкую, будто белое облако, воздушную ткань и обернула ее вокруг талии.

Чтобы угодить жене, Аттила похвалил подарки, а про себя подумал: «Одно только римское щегольство уже способно погубить нас».

Он разделся и бросил одежду на пол. Широкие штаны, как белая дорога, легли по направлению к западу...

Утром он проснулся от какого-то шума. Вымыв лицо и голову из поднесенного рабыней кувшина, он вытерся мохнатым полотенцем, затем вышел наружу и, встав на колени, поприветствовал Солнце. Кругом

царило безмолвие – когда Сын Солнца общался с Солнцем, рты остальных должны были быть на замке.

Когда молитва закончилась, перед Аттилой преклонил колени начальник передового отряда Ильбакты.

– Великий царь! – обратился он к нему. – Пусть Тенгри даст тебе сил и уничтожит твоих врагов. Да будут стремена твои крепки, путь ясен, а меч никогда не заржавеет.

Аттила любил обезображенное многочисленными шрамами лицо Ильбакты. Единственный глаз воина выражал бесконечную преданность своему повелителю, но Аттила увидел там и искорку какой-то тайны, хитрости. Царь опустил руку на плечо Ильбакты:

– Ладно, встань. Говори.

– На рассвете в орду пришел пастух, он хочет что-то сказать тебе.

– Где он?

Стоявшая неподалеку кучка людей разломилась пополам, из середины вышел худенький подросток. Аттила увидел в его руках меч. Хотя он не был украшен драгоценными камнями, но меч был явно непростой, его сталь была похожа на дамасскую.

Пастух бросился на колени и, сунув шапку под мышку, начал торопливо рассказывать:

– ...Смотрю, один теленок захромал... Из-под копыта кровь сочится. Я из любопытства пошел по кровавому следу, через какое-то время нашел этот меч, – обеими руками мальчик осторожно протянул меч Аттиле, шапка его упала в пыль.

– Меч Тенгри! – крикнул Ильбакты. К нему присоединились остальные.

– Меч Тенгри! – этот клич будто доносился с небес от самого Тенгри.

Аттила преклонил колени и обеими руками взял меч.

– Тенгри послал мне меч, – начал он взволнованно, но вскоре в его голосе зазвенела сталь: – Никакой враг не страшен этому мечу, он принесет нам победу.

Вдруг откуда-то появился жрец, он ударил в бубен, звякнули маленькие колокольчики на его одежде.

– Меч Тенгри неслучайно послан Аттиле, – воскликнул он слабым голосом. – Конец римлянам, теперь римлянам конец!

Выбегающие из домов люди присоединились к общему восторженному крику. Все упали на колени, восхищаясь могуществом Тенгри и воздавая ему хвалу за явленное чудо.

Аттила, удовлетворенно улыбаясь, посмотрел на Ильбакты. Единственный глаз воина светился торжеством.

В степи, где был найден меч Тенгри, вспыхнули тысячи огней, закипело мясо в котлах, послышалось фырканье боевых коней.

Когда спустились сумерки, в дом, где остановились римские послы, пришел жрец. Сложив на груди руки, он сначала поприветствовал духа домашнего очага и лишь потом – послов.

– Аттила зовет вас к себе на ужин, – сказал он. – Я провожу вас.

Старший посол, римский патриций Ромул, безбородый и безусый мужчина с лысиной на макушке, начал торопливо одеваться.

– Не спешите, – усмехнулся жрец. – Мы умеем ждать.

Вполголоса о чем-то переговариваясь на своем языке, послы зашагали к сверкающему дворцу Аттилы. По обеим сторонам дороги, освещая ее, стояли рабы со смоляными факелами в руках.

Зайдя во дворец, послы поприветствовали сидящих в зале, коснувшись руками сначала лба, потом груди. В глубине на возвышении, подогнув ноги, сидел Аттила. Справа от него, скромно потупив взор, сидел его старший сын Эллах. Рядом с ним полулежал, опершись о подушку, второй сын Аттилы – Дингиз. Послы знали, что степные кочевники любили этого юношу, называя его «совенком», то есть мудрым. Чуть поодаль, подогнув ноги, сидел младший сын Аттилы, – Ирнек.

Жестом Аттилы указал послам место по левую руку от себя. Лишь самые знатные гости удостоивались такой чести.

Когда все расселись, позади каждого гостя появились по одному виначерпию и бавырчи¹. Рабы внесли в больших кожаных мешках конину и баранину. В мгновение ока бавырчи разрезали мясо и, разложив его на серебряных блюдах, расставили перед гостями, а виначерпии наполнили золотые кубки медовухой.

Однако к еде никто не притрагивался, все смотрели на Аттилу. Бавырчи поставил перед ним деревянную миску с мясом, виначерпий нацедил медовуху в деревянную чарку. Аттила поднял кубок, посмотрел на своего сына Эллаха. Тот немедленно поднялся.

– Сын мой! – начал Аттила. – Ползущая по степи ящерица видит перед собой не более пяди земли, орел, распростерший крылья над равниной, способен охватить взором все пространство до горизонта. Коварство, царящее на земле, не скроется от этого взгляда... – он будто задумался, – ...если только не забьется в сурочью нору. Значит, там ему и место – в царстве тьмы... В царстве света ему нет места. Сын мой Эллах! Да будут широки и сильны твои крылья в небе над степью! Никогда не забывай, кто ты есть и какого народа ты сын. У тебя есть имя, у тебя есть твой народ! Пеший конному не товарищ!

Аттила пригубил из кубка, толстыми пальцами отправил в рот мясо. Эллах сел и, словно путник после долгого путешествия, жадно приник губами к чаше. Другие тоже подняли кубки.

Пиршество все более разгоралось. Лился дождь цветистых, пышных слов. Лишь Аттила сидел неподвижно, изредка касаясь губами края

¹ *Бавырчи* – подавальщик мяса.

чарки и откусывая мясо. Он был героем на поле брани, а не за столом. Но ни одно неловкое слово, ни один косой взгляд и жест не оставались без его внимания. Он хорошо знал, что обильные возлияния развязывают языки, открывают настежь души. А перед походом совсем нелишнее узнать, кто о чем думает.

Аттила взглянул на Ильбакты. Единственный его глаз был прикрыт, а губы беззвучно шевелились.

– Ильбакты!

Все замерли. Воин, вздрогнув, вскочил с места.

– Не споешь ли?..

Виночерпий поднес Ильбакты серебряную чашу... Певец откашлялся и протяжно запел:

В степя-а-ах весной жеребята резвятся,

В шатре-э-э молодая девушка спит...

Изумленные послы не отрываясь смотрели на некрасивое, обезображенное шрамом лицо одноглазого воина. О нет, в эти мгновения его уродство исчезло, было забыто. О Тенгри, неужели бывает на свете такой голос? Песня унесла всех куда-то далеко-далеко, бескрайний степной воздух ворвался в дом, предрассветный ветер зашевелил ковыль, с небес на землю полилась пронзительная мелодия жаворонка, где-то послышалось фырканье коней, протарахтела крытая повозка, пискнул младенец, замигало под звездами одинокое пламя костра...

В степя-а-ах...

Ильбакты смолк. Но древняя песня продолжала звучать, ее подхватил сидящий рядом с воином человек.

...Ромул устал. Эта не имеющая конца протяжная песня бередила душу и необъяснимым образом волновала его. Будто в полночь, подняв морду к луне, воеет степной волк. «У каждого народа свой напев, – подумал посол. – А им, наверно, покажутся смешными наши песни». Какая-то печаль слышалась в песнях этих варваров. «Печаль – удел рабов, – Ромул улыбнулся этому своему открытию, – а римляне – хозяева мира, победители, значит, должны быть радостны. Поэтому самая подходящая музыка для нас – марш, гимн...» Его мысли были прерваны голосом Аттилы:

– Позвать Шамакая!

В дверь вошел человек придурковатого вида. Он был без штанов (римлянин отметил для себя, что это не свойственно варварам), но голое тело его было обмотано длинным куском ткани. Увидев вошедшего, сидящие за столом покатались со смеху. Когда шум немного утих, Шамакай откинул голову назад и поднял вверх правую руку:

– Я был у жреца, – сказал он. – Жрец предсказал мою судьбу по лопатке черного барана. Скоро я стану императором Рима!

За столом снова послышался смех.

– Вы удивлены, что я без штанов? Но ведь римляне не носят штанов, тем более, что так легче спастись от Аттилы – когда бежишь, не будут спадать штаны.

Пирующие, задыхаясь от смеха, повалились на пол. Лица послов словно окаменели. Они сидели неподвижно, уставившись в одну точку.

– Корумби назначаю консулом. Снимай штаны, Корум!

У Корумби, смеявшегося вместе со всеми, от неожиданности открылся рот и округлились глаза, рука невольно потянулась к рукоятке меча. Но на полоумного было грех обижаться или сердиться.

– ...А пока не освобожден римский престол, я попасу коров, – заключил Шамакай. – Может, и мне Тенгри пошлет какой-нибудь меч.

А это уже был намек на самого Аттилу. Но царь с удовольствием рассмеялся: видимо, у варваров не считалось зазорным уколоть самого владыку мира.

Прервав шумное веселье, Аттила обратился к послам:

– Ну, Ромул, – после долгого смеха щеки Аттилы порозовели, голос слегка охрип. – Как чувствует себя император? Не донимают ли болезни, хватает ли у него сил на наложниц?

Посол, конечно, уловил в словах варвара еле уловимую издевку, но постарался скрыть свою ярость:

– О Аттила! Разве боги болеют? Он сам властвует над всеми болезнями. Если он прогневется на нас, его рабов, то может послать на нас всяческие кары или, если нужно, ангела смерти. Наша судьба – в его руках. Если Бог – на небе, то на земле – Император! И тебе, своему скифскому вассалу, он передает через нас свое доброе слово и благосклонный взгляд.

Лицо Аттилы потемнело, по щекам заходили желваки, но он промолчал.

– Разве вассалу платят дань? – удивленно спросил Ильбакты.

– Бог один – Тенгри. И сравнивать с ним смертного человека нельзя, – вмешался в разговор Дингиз. – Император – такой же обыкновенный человек, как какой-нибудь наш бедный табунщик, раб божий. Он ест, спит, справляет нужду, любит женщин, болеет, стареет и, наконец, умирает, или его убивают. А через сто лет никто и не вспомнит о нем. Тенгри – вечен, он – создатель земли и жизни, и именно он ставит точку в нашей жизни.

Послу не понравилось сравнение императора с табунщиком-варваром. Он хотел было ответить и поставить дерзкого юношу на место, но, подумав, сдержался. Конечно, они не поднимут руку на послов, у варваров даже есть поговорка: «Посла не предадут смерти». Но у этих же варваров говорят: «Если ты гость, будь скромн». Поэтому Ромул решил не спорить с Дингизом.

– Император хочет жить с вами в мире, общаясь и торгуя, – начал Ромул. – Император хочет купить у вас тысячу голов лошадей.

– Лошадей у нас много... – Корумби, забывшись, вмешался в разговор, но тут же осекся под гневным взглядом Аттилы.

– Мы не торгуем лошадьми, – жестко промолвил Аттила. – Жизнь для тюрка – это его конь. Они – единое целое. Если подрезать орлу крылья, он превратится в жалкого ползучего гада. Кони – наши крылья...

– Но мы дадим вам взамен много золота и серебра, дорогих тканей, вина и рабынь, которые откроют вам двери в рай. Кто же отказывается от такого богатства?

– Знаешь ли ты, что есть для нас самое большое богатство? – И Аттила начал перечислять, загибая пальцы: – Скакать верхом, есть конину, привести в дом жену. А все эти побрякушки – мусор.

– Это так, – согласился Ромул, – золото, наверно, не самая главная вещь на свете. Но весь мир знает, как любят наряжаться ваши женщины. Как мужчине завоевать сердце женщины? Надо подарить ей кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Так золотой бес проникает в сердце мужчины. Согласись, что золото добыть легче торговлей, чем войной. Рано или поздно вы тоже начнете жить по римским законам.

– Почему же тогда Рим завоевал полмира? Вы грабите народы и тащите все их богатства в Рим, а их самих превращаете в рабов и используете их для того, чтобы строить дворцы вашим патрициям. Если вместо Тенгри мы станем молиться золоту, то скоро тоже растворимся в бездонном римском море. А пока передайте вашему императору мои слова: «Иду на тебя!» – Аттила встал.

...Когда послы уже были в дверях, Ильбакты шепнул на ухо Ромулу:

– Ожерелья наших жен пока греются на груди ваших женщин.

3

Солнце поднялось уже на высоту оглобли, а Аттила все не отдавал приказа трубить в походные рожки. Он еще раз окинул взглядом растянувшееся до горизонта войско. Кони приплясывали на месте, шумно фыркали, покусывая удила, а всадники то и дело нервно постукивали по рукояткам мечей. Виноградные кусты, еще только вчера шептавшиеся с нежными ветрами, шелестящие хлеба Каталаунской равнины, – все это было сегодня сломано, раздавлено и перемешано с черной землей. Далеко на западе выстроились римские легионы, видно было, как вдоль рядов бегают центурионы. Легаты в панцирях, на груди которых сверкали золотые пластины с отчеканенной головой льва, и в шлемах, украшенных орлиными перьями, застыли, как балбалы¹. Она ждали, когда варвары начнут атаку.

Аттилу, как никогда, мучили сомнения. Он колебался. Аттила знал, что сегодня решается не только его судьба, но и судьба его империи. Не потому ли какая-то сила будто удерживала его, связывала ему руки. А огненное колесо все катилось к вершине небосвода...

¹ Балбал – ритуальный камень, символизирующий человека.

Рысью подъехал Ильбакты:

– Если тетива натянута, стрелу надо выпустить, Аттила! – сказал он. – Иначе можем сорвать начало.

Аттила промолчал.

– Хорошо ли мы поступили, поставив в голове войска Ардариха? Этим готам совсем нет веры, – продолжил Ильбакты.

– Если это входит в их намерения, пусть сразу переходят на сторону врага, иначе потом, если вздумают предать, переломают нам все ряды.

– Что-то не видно готов Аэция, похоже, он поставил их в засаду...

– Он хочет ударить с правого фланга, – усмехнулся Аттила.

– Но еще раньше их возьмут в клещи утригуры и кутригуры.

Эти болгарские племена были гордостью Аттилы. Их военачальниками он назначил своих сыновей – Дингиза и Ирнека.

Настроение царя улучшилось. Откинувшись в седле, он посмотрел в небо и что-то прошептал.

– Ор-ра! – крикнул он, хлестнул коня плетью и как молния понесся вдоль строя воинов.

Яростные возгласы вырвались из тысяч глоток:

– Ор-ра!

Аттила выхватил из ножен меч Тенгри.

– Воины! Осторожность – признак трусости. Победителем бывает тот, кто нападает на врага первым. Бегство – хуже смерти! Месть всегда придает силы. Пусть души воспарят, а кровь закипит! Смелого стрела не возьмет. Тот, кто в бою не рядом с Аттилой, уже мертв. Вперед!

Первыми на римлян бросились готы Ардариха – маркоманы, квады, гепиды. Казалось, этот поток ничем не остановить. Готы хотя и не любили гуннов, но римлян ненавидели еще больше.

Но когда уже казалось, что первые ряды римлян уничтожены, поток словно споткнулся, и началась неразбериха. Римские воины подняли над головами позолоченные щиты, солнечные лучи, отражаясь в них, брызнули огнем в глаза наступающих всадников и их коней. И яростный вихрь, обессилев, ударился о железные когорты неуверенно и запоздало.

Аэций не зря выбрал для боя с Аттилой Католаунскую равнину, где было довольно трудно развернуться конному войску. И Аттила это понимал.

«Но, как бы ни хитрила римская лисица, она все равно будет раздавлена копытами наших коней, – подумал великий царь. – Тенгри защищает нас, ведь у меня в руках – его меч».

Ни одна из сторон не думала отступать. Аэций выставил против гуннов тринадцать легионов, и еще четыре легиона стояли наготове и в любую минуту могли вступить в бой. Гуннские всадники вихрем налетели на легионеров, но те будто вросли в землю, ни на шаг не отступая перед этой грозной силой.

Сверкали короткие римские мечи, и кони с распоротым брюхом падали на мокрую, пропитанную кровью землю, а уцелевшие всадни-

ки, подняв над головой кривые мечи, бросались на горло легионеров. На левом фланге бились угры, на правом – акациры, они теснили готов Аэция, действуя, как кочевники, – стреляли из луков и бросали арканы, не приближаясь к врагу.

Когда поле окутала тьма, бой закончился. Оставшиеся в живых воины Аттилы вернулись в орду. Где-то в ночи слышались стоны тяжело-раненых.

Аттила вошел в свой шатер совершенно изможденный. На ложе, свернувшись калачиком, спала девушка-рабыня. Он не стал ее будить, присел, облокотившись о подушку, и погрузился в свои тягостные мысли.

Куда только не забрасывает человека воля Тенгри... Совсем недалеко отсюда – город Паризия¹, а если повернуть на юг, то будет рукой подать и до Вечного Рима. Надо разбить Аэция и повернуть поводья в ту сторону. Там золото, серебро, шелка, прекрасные наложницы... Аттила усмехнулся про себя. Он вспомнил письмо Гонории – сестры римского императора Валентиниана. «Славный царь Аттила, – писала она, я все время вспоминаю тебя. Когда ты воспитывался в императорском дворце, мы часто встречались. Я была еще маленькой, а ты был уже юношей. Теперь ты стал владыкой мира. Весь Рим говорит только об Аттиле. Вот что сказал нам побывавший у тебя посол Ромул: «Никто, кроме Аттилы, из царствовавших в Скифии или в других государствах, не смог выполнить таких великих задач за такой короткий срок. Его владения простираются до островов Великого океана. Не только скифов, но и римлян он заставляет платить ему дань. Ни один народ не может противостоять ему». Вот как говорят о тебе знатные патриции! О том, что Рим платит тебе дань, мы знаем и без него. Римляне выполняют любое твоё требование. Поэтому попроси меня себе в жены! Меня сватают за одного из патрициев. Но я должна быть женой владыки мира! В доказательство сказанному я посылаю тебе свое обручальное кольцо. Гонория».

Аттила, конечно же, попросит ее в жены. Женившись на сестре императора, он в законном порядке будет добиваться римского престола. Валентиниан слаб и болезнен. Его жребий – устраивать во дворце петушинные бои и влюбляться в мальчиков. А большие дела делаются мечом. Император Скифии и Рима! Цезарь! Патриции, считающие себя божьими избранниками, сгорят от досады. Они забыли, что их далекие предки тоже были рабами. Где сейчас истинные римляне? Они давно и бесследно растворились среди пестрого люда, стекавшегося в Вечный Город со всех завоеванных территорий. Праправнук вандала, заворачивавшегося в медвежьи шкуры, возомнил себя истинным римлянином, ощущая себя выше других.

Перед богом все равны, каждый живет, приспособившись к законам Матери-земли. Народу Аттилы не нужно строить в степи каменные

---

¹ *Паризия* – современный Париж.

дворцы. Его владения простираются от моря до моря. Гунн начинается в одном месте, в другом – рождается, находит успокоение в третьем месте. И никакая сила на свете не сможет остановить это движение. Римляне дрожат за свою землю величиной с ладонь и все награбленное тащат туда. Для них место, где они родились, – самое дорогое на свете. Римляне именно его считают своей родиной. А между тем, до них здесь побывали тысячи людей. И каждый из них считал, что эта земля – его. Но не земля принадлежит нам, а мы – земле. И она по одному забирает нас к себе.

Аттиле принадлежит весь мир. Та земля, где ступит копыто его коня, – божья, а все люди должны подчиниться сыну бога. Аттила понапрасну никого не обижает. Однажды один из римских послов уговаривал отпущенного на волю раба-римлянина вернуться на родину. Ответ раба тут же довели до Аттилы: «Нет, – сказал раб. – Если будет война, я с Аттилой пойду на войну и, если не погибну, вернусь с трофеями, потому что Аттила никогда не проигрывает, а Рим терпит поражение за поражением. В Риме над тобой семьдесят начальников, и каждый норовит тебя обидеть, обобрать до последнего, требует подношений. И некому пожаловаться! А здесь меня никто не посмеет обидеть, здесь один властитель – Аттила! Если кто-нибудь заденет меня, я упаду к ногам Аттилы, и он нас рассудит».

Да, государство Аттилы славно, и основание дома крепко. Но если однажды он уйдет в мир иной, останется ли его государство единым и сильным? Разве не чувствует он скрытое противостояние родов? И разве мало тех, кто держит камень за пазухой? Подозрительные взгляды, которыми обменивались сыновья, также не оставались незамеченными отцом. После Аттилы престол по закону должен перейти к его старшему сыну Эллаху. Но подчинится ли ему гордый и умный Дингиз? А третий сын, Ирнек, на чью сторону встанет он? Аттила старался уже не вспоминать об остальных семидесяти сыновьях, рожденных от рабынь и наложниц. Но царский котел-то – один. Он, как символ благополучия, стоит посреди шатра. Две бараньи головы в него не поместятся. Именно потому и опустился меч Тенгри на шею старшего брата Аттилы – Бледы. Когда речь идет о царском престоле, родственные узы забываются. А впрочем, какие могут быть родственники у сына бога? Меч Тенгри – один...

Внезапно в шатер просунул голову стражник, стоявший снаружи у входа. Через образовавшуюся щель вовнутрь просочился скупой белесый свет. Светало. Аттила потер красные от недосыпания глаза.

– Ильбакты хочет тебя видеть, – сказал стражник.

Тут же в дверях показался старый воин.

– Аэций увел войско! – Он даже забыл поприветствовать царя и пожелать ему здоровья. Вообще-то и сам Аттила во время войны не обращал внимания на исполнение ритуалов и даже молился короче, чем всегда.

Царь улыбнулся:

– Аэций хочет обойти нас, перекрыть дорогу назад... Ильбакты удивленно посмотрел на него:

– Ты уже знаешь об этом, великий царь?

– Кто может спрятаться от взора Тенгри, кто сможет убежать от меча Тенгри?

Ильбакты бросился на колени и уткнулся головой в пол:

– Это правда, это правда, – повторял он. – Но там одна дорога, а вокруг – леса и болота. Мы не сможем пройти через эти легионы.

Аттила лениво привстал, хитровато подмигнул Ильбакты:

– А мы и не собираемся продираться сквозь них. Мы теперь движемся на юг, в Италию. В Рим, в Рим, Ильбакты, волка надо убить в его логове.

Протрубили боевые трубы. Бескрайнее конное войско двинулось вперед. На этой дороге у римлян уже не было войска, способного остановить их. Узнав о приближении варваров, народ попрятался в лесах и горах, позади армии Аттилы оставались брошенные селения, потоптанные поля и виноградники. Маленькие гарнизоны, охраняемые римскими когортами, были разбиты и сожжены. Готы Ардариха как огненный смерч уже ворвались в Северную Италию. Всадники, будто вросшие в спины низкорослых, мохнатых коней, повергали в ужас даже беспризорных собак и кошек, оглашавших окрестности отчаянным лаем и воплями. Кони мчались все дальше, и все вокруг окутывалось пылью, поднятой их копытами. Где-то пронзительно и жалобно кричали птицы, будто и они хотели спрятаться подальше от этого кошмара.

К вечеру войско вышло на равнину Амбулей и разбило лагерь. В середине его установили большой белый шатер Аттилы, рядом расположились его сыновья – Эллах, Дингиз, Ирнек. Шатер Ильбакты тоже был недалеко. Как по мановению руки, возник большой город из шатров.

В висящих над кострами котлах варилось мясо, и его запах уже успел распространиться по всей равнине.

Вышедший из шатра Аттила увидел, как слуги спускают с повозки бурдюк, полный кумыса. Бурдюк был настолько тяжел, что пять-шесть человек с трудом опустили его на землю.

Облака на небосклоне, похожие на куски свежего мяса, будто кро-воточили.

Великий царь постоял в одиночестве, затем сделал едва заметное движение. К нему тотчас подошли Ильбакты и жрец, а затем – его сыновья. Ильбакты, увидев, что владыка мира смотрит на горизонт, удовлетворенно кашлянул:

– Завтра такое же зарево встанет над Римом.

– Нет, – сказал Аттила. – Мы не будем разрушать город. Чтобы откупиться от нас, римляне предложат бесчисленное количество золота и серебра, дорогих шелков, рабов и наложниц. К тому же я потребую сестру императора себе в жены. Раз так, зачем же разрушать свой город?

Дингиз удивленно посмотрел на отца. Аттила уже примеряет корону Римской империи! А между тем отец ненавидит римский образ жизни и старается не смешивать свой род с ними. Гунн, предавший степь, – уже не гунн. Посмотреть хотя бы на тех соплеменников, кто когда-то покинул орду. Они так и не смогли стать римлянами, а их дети, праправнуки теперь даже и не знают, что их предки были степными воинами. А если и знают, то стараются не вспоминать – кому же захочется быть потомком «варвара»?

– Пусть выдадут изменников, – предложил Дингиз.

– Их всех ждет смерть от меча, – Аттила нахмурился, – другим урок.

Перед самым началом похода Корумби тайно бежал в Рим. Аттилу это разгневало и в то же время очень расстроило. Корум был его правой рукой. Почему он перешел на сторону врага? Позарился на блестящие побрякушки? Но у него и здесь их было предостаточно. А теперь, как бы он ни расстился перед римлянами, для них он всегда будет оставаться «грязным варваром». Впрочем, завтра же римляне вернут его – заблудшую овцу – прежнему хозяину. А предателей Аттила никогда не прощал.

Проснувшись рано поутру, великий царь вышел из шатра и помолвился по обыкновению Тенгри. Поодаль его терпеливо ждали слуги. Аттила высказал Тенгри все, что накопилось в душе, попросил у него милости и помощи. Когда молитва закончилась, к Аттиле приблизился Ильбакты:

– Прибыли римляне. Во главе их – сам папа Леон.

О том, что римский папа будет просить мира, Аттила уже знал по донесениям своих разведчиков.

– Коня! – приказал царь. К нему подвели белого коня, затем опоясали Аттилу мечом Тенгри. Царь вскочил в седло, остальные последовали его примеру. Уздечки и поводья коней были богато украшены золотом и серебром, но сами всадники были одеты просто. Аттила не любил украшений, но не осуждал страсти своих приближенных к побрякушкам. Этой их слабостью он даже частенько пользовался, даря им инкрустированные драгоценными камнями вещи, наблюдая, как от этого меняется настроение людей, и радовался тому, что он выше всех этих мелочей. Но сегодня его бии и тарханы были одеты, как их древние предки. Сегодня они – великие воины и потому должны внушать римлянам страх.

Впереди римского посольства с крестом в руке шагал папа Леон. Немного не доходя до гуннов, он остановился. Папа стоял молча, ожидая, когда вождь варваров спешится. Молчание затянулось, но Аттила и не думал сходить с коня.

Когда папа это понял, его губы задрожали от обиды. Перебирая пальцами, щедро украшенными драгоценными кольцами, темно-красную кайму белоснежной тоги, папа заговорил, стараясь скрыть дрожь в голосе:

– Аттила! Мы пришли к тебе не с войной, а с миром.

Конь Аттилы переступил с ноги на ногу. Вдруг стень будто раскололась от надтреснутого голоса одноглазого Ильбакты:

– Встань на колени и сними шапку, когда говоришь с великим царем!

Среди римлян послышался ропот. Их обиде и ярости, казалось, нет предела. Им, римлянам, хозяевам мира, какой-то варвар приказывает встать на колени! Они, конечно, слышали об этом обычае гуннов. Именно поэтому они и попросили папу возглавить их делегацию, надеясь на то, что Аттила не потребует от седовласого папы преклонить колени. Недавно перешедший на их сторону Корум посоветовал то же самое; он сказал, что к Аттиле не преклонив колен может обращаться только верховный жрец. Поколебавшись немного, папа сделал еще два шага, сдернул с головы маленькую шапочку и, сунув ее под мышку, опустился на пыльную дорогу. Завозился, не зная, куда деть крест.

– Я знаю, что ты пришел с миром, – начал Аттила, – я знаю также, что ты согласишься на все мои требования. Рим дорого стоит. И так, вы должны заплатить дань в два раза больше той, что должны были, а также вернуть сбежавших от нас изменников. Далее, я желаю взять в жены сестру Валентиниана Гонорию. Разумеется, ее приданое должно быть достойно императора.

От последних слов лицо папы вытянулось. Он окончательно растерялся.

– Но Гонория давно замужем, – еле промолвил он.

Аттила что-то достал из-за пазухи.

– Вот обручальное кольцо Гонории, – сказал он. – Значит, ее выдали замуж незаконно.

Узнав кольцо Гонории, патриции потупили головы. Такого позора Рим еще не знал. Какой-то дикарь, разбойник, одетый в шкуры, требует себе в жены сестру императора! Но не согласиться тоже нельзя. Судьба Рима дороже не только сестры императора, но даже и самого императора. И Аттила, и сами римляне даже не догадывались, насколько коварна Гонория.

...Когда двуглавый золотой орел раскинул над Босфором свои ага-товые крылья, византийский император Марциан пробудился от странного сна. Будто бы он, преследуя волка, забрел в лесную чащу. Вдруг появился страшный всадник и, замахнувшись мечом, бросился на него. Но неожиданно меч переломился пополам, а всадник упал под копыта своего коня. Марциан изо всех сил побежал к поляне, а волк неожиданно превратился в золотоволосую синеглазую красавицу. Она смотрела на него и звонко смеялась... Проснувшись окончательно, Марциан вскочил с постели – такое с ним случалось нечасто, он по утрам любил понежиться. Тем всадником был Аттила! Известный всему миру меч Тенгри сломался, значит, дни варвара сочтены. Позвонив в колокольчик, Марциан приказал привести толкователя снов. Впрочем, император уже и сам знал, что скажет толкователь.

Мощенные камнем пыльные дороги Рима остались далеко позади. Когда выехали в степь, Аттила спешился и велел разбить лагерь. Сам, неловко ступая, пошел по степи, сорвал качающуюся на ветру веточку белой полыни, поднес к лицу. Приближенные провожали его улыбками, – кривые ноги великого царя не были приспособлены для ходьбы. Засмотревшись на жаворонков, словно застывших в небе, Аттила кулаком вытер повлажневшие глаза. Степной воздух был будто наполнен до краев разными звуками: залиvistым пением жаворонков, стрекотом кузнечиков, звоном не видимых глазу насекомых. Вон там, вдали, высоко-высоко, парит, не шевеля крыльями, степной орел – он словно приветствует возвращение Аттилы домой. Здесь все свое, родное. Колющиеся на теплом ветру сочные травы, играющие среди этих трав жеребята, запах конского навоза, сурочьи норы – все-все знакомо, знакомо с детства, дорого и мило...

Краем глаза Аттила заметил приближающегося к нему Ильбакты. Остановился и громко рассмеялся. Радость возвращения домой, на свою землю, переполняла его, и он не стал скрывать эту радость от близкого человека. И хотя Аттила владел бескрайними землями от моря и до моря, все равно место, где он появился на свет, было особенным, только здесь вскипает кровь и влажнеют глаза! Здесь его отец ходил в женихах, а мать была невестой, здесь он сделал свой первый шаг, впервые сел на коня, взял в руки меч. Здесь он впервые почувствовал себя мужчиной. Наверно, не случайно его славный предок Модэ, живший когда-то на Востоке, однажды сказал: «Земля – основа государства».

– Где ставить шатер Гонории? Рядом с твоим? – спросил Ильбакты. Аттила отбросил в сторону веточку полыни.

– Шатер ставь, но не для Гонории...

...В свите сестры императора оказалась девушка ослепительной красоты. С большими черными глазами и черными, как деготь, волосами, она не была похожа на других римских девушек... Заметив восхищенные взгляды, которыми Аттила провожал ее, шпионы царя разузнали все о девушке и доложили своему господину. Оказалось, что красавица была соплеменницей Аттилы – дочерью наложницы и одного из предателей, перебежавших на сторону Рима еще во времена правления отца Аттилы – Мундука. Голос крови нельзя заглушить, а потому разве странно, что стареющий царь обратил внимание именно на эту девушку?.. Впрочем, она была просто загляденье!

Ильбакты будто прочитал мысли господина:

– Я понял. Поставим шатер для девушки.

– Позвать жреца и наречь ее Ильбике. Хоть и дурной кровью зачата, но корни у нее – наши.

«Именно такие и будут пострашнее врага», – подумал Ильбакты, но вслух ничего говорить не стал. Он был всего лишь грубым воякой, но, превратившись после бегства Корума в правую руку Аттилы, научился

вовремя прикусывать язык. Вертеться среди вероломных женщин, жадных и хитрых тарханов, суетливой толпой окружавших Аттилу, оказалось куда труднее, чем махать мечом в открытом бою.

Ах, как сильно раскаивался потом Ильбакты, что промолчал тогда! Но было уже поздно и бесполезно: упущенного не вернешь.

Гонория – матрона, лицо которой несло на себе безжалостную печать времени, при встречах с Аттилой никогда не отпускала от себя девушку – Ильбике, как ее назвал царь. Гонория словно дразнила его. Аттила мучился, стараясь скрыть свой жадный, страстный взгляд и от Гонории, и от самой девушки, но разве не заметит женщина, какой ураган она зародила в душе мужчины...

Когда, играя гибким телом, девушка проходила мимо, она, будто дразня, высовывала кончик маленького розового язычка, из-под ее ресниц струился манящий многообещающий взгляд, и тогда в голове Аттилы поднималась горячая волна, ноздри заливало теплом, и он, почти теряя сознание, торопливо зажимал нос платком, боясь, что кто-нибудь увидит кровь.

Аттила совсем потерял покой. И сегодня он приказал поставить шатер для Ильбике.

Вечером, когда он впервые переступил порог шатра Ильбике, облака на небосклоне набухли красным, и казалось, что вот сейчас на землю закапает кровь. Совсем рядом, обдав жарким дыханием, проскакал воиной жеребец...

...Услышав жалобные крики девушки, стражники насторожились, но не шелохнулись. Из шатра Аттилы каждую ночь доносились женские стоны и крики. Но этот голос почему-то взволновал. Он был какой-то иной – пронзительно-жалобный, разрывающий душу. Будто просьба о помощи, крик повторился снова. Ильбике не знала языка своих предков-варваров, а стражники не знали ее языка. И все же один из них, осмелившись, отодвинул полог, висевший над входом, и заглянул внутрь. Там, в глубине, на ложе, в тусклом свете свечей виднелось тело Аттилы, лежащее в неестественной позе. Стража кинулась к царю. Его перевернули на спину, но Аттила – Великий Муж, державший мир на ладони, – был уже мертв.

Говорили потом, что у Аттилы пошла носом кровь, попала в горло; и он задохнулся.

Женщина, которую он так сильно желал, так и не стала госпожой. Ей было суждено другое – стать его ангелом смерти.

Народ Аттилы растерялся и на некоторое время словно онемел от горя. Похожий на большого зверя с переломанным позвоночником, он мучился, потеряв способность двигаться. Только у готов и гепидов, считавшихся союзниками Аттилы, царило оживление.

Аттилу завернули в шелковые одежды. На голову надели шлем, украшенный золотыми пластинами, и положили тело в золотой гроб. Золотой гроб поместили в серебряный, серебряный – в железный. Со-

бирая царя в последний путь, долго искали меч Тенгри, чтобы прикрепить его к поясу Аттилы, но так и не нашли. Видимо, Тенгри забрал его обратно. Пошлет ли Он когда-нибудь еще свой меч кому-нибудь из смертных? – этого никто не знал.

Собравшиеся на отпевание старики прятали друг от друга тревожные взгляды. «Только бы народ не растерял силу духа», – мысленно возносили они молитвы Тенгри. Содрогнется ли мир еще когда-нибудь от поступи племени Аттилы? Не вцепятся ли друг другу в глотки его сыновья? Но Тенгри оставался безмолвен и никому не дал ответа.

Тысячи людей запрудили реку и повернули течение в сторону, а на дне старого русла вырыли большую могилу. Опустили гроб, рядом поставили золотые, серебряные сосуды, полные кумыса, хлебов и конины. В этой жизни Аттила не пользовался дорогой посудой, но она могла пригодиться ему в той жизни. Не станет же их повелитель есть перед Тенгри из деревянной миски? Рядом с гробом царя положили только что забитых боевых коней, оружие, – в той жизни у Аттилы тоже, могут быть враги, и он должен всегда быть готовым принять бой. Свита царя присоединилась к своему господину, – рядом с Аттилой уложили его воинов, слуг и наложниц. Молодая Ильбике легла рядом – Аттила не смог насладиться ею здесь, так пусть он насытится ею вдоволь в том мире.

Когда засыпали могилу, все мужчины племени, согласно древнему обычаю, закружили вокруг, стали рвать на себе волосы и царапать лица. Издали за ними молча наблюдали женщины – дух умершего не подобало беспокоить женским плачем. А народ все шел и шел попрощаться с Аттилой, и прощание это длилось несколько недель. Наконец, разобрав запруду, реку вернули в прежнее русло. Над могилой пронесся белый пенный поток и скрыл все под водой, чтобы уже никто и никогда не узнал, где последнее пристанище Аттилы, и не побеспокоил его.

Затем началась тризна. В больших котлах варилась конина, текли рекой кумыс и буза¹. Пусть Аттила с того света видит, что его народ живет в благополучии, сытости и радости! Но пиршество длилось недолго. Готы и гепиды отказались признавать Эллага великим царем, войско, посланное для их усмирения, было разбито, а самого Эллага проткнуло насквозь готское копьё.

Государство Аттилы развалилось. После поражения в битве с саругырами² Ирнек с остатками войска ушел на родину предков, на берега Большой Идели.

Дингиз тоже покинул отчий дом и отправился в свои бескрайние южные владения.

Еще недавно кипевший жизнью город теперь опустел. Только хилый одноглазый старик каждый день спускается к реке и чуть слышно

---

¹ Буза – вид хмельного напитка.

² Саругыры – предположительно древнебулгарское племя.

разговаривает с волнами. Он с изумлением смотрит на разрушенные дома, на развалины бывшего дворца Аттилы и не может поверить своему единственному глазу. Где былая слава, где былая сила? Теперь здесь хозяйничают чужие. Былое величие обвалилось и исчезло, словно замок из песка. Когда же произошла роковая ошибка, и в чем она состояла?

Недалеко от того места, где обыкновенно сидел старик, возвышался муравейник. Оторвав взгляд от зубчатой гривы волн, старик частенько наблюдал за муравьями. Они целый день бегали в разные стороны, что-то тащили, толкали. Между ними постоянно шла явная и скрытая борьба. Вот один муравьишка, напрягаясь изо всех сил, волочит какую-то букашку. Но откуда-то появляется другой муравей, отнимает добычу и тянет ее за собой в ту же норку. Впрочем, наверно, не в ту же, иначе зачем отнимать букашку у другого?

Муравейник гудит. И здесь сильные притесняют слабых, они управляют, они – хозяева! Жильцам муравейника приходится отражать и атаки извне. Однажды на них напали большие серые муравьи. Хозяева муравейника, хотя и были воинственны, но оказались мельче врагов, а потому после тяжелого боя беспорядочно отступили. Одноглазому старику стало жалко «своих» муравьев: они ведь защищают родину! И он отогнал больших муравьев мечом Тенгри. Те озадаченно побегали туда-сюда и исчезли в траве. А если бы старик не увидел и не вмешался?

Не дожидаясь, когда в муравейнике начнутся торжества по случаю победы, старик снова перевел взгляд на волны. А у муравьев – действительно большой праздник: они окружили вождя, кланяются ему, благодарят, восхищаются его великим воинским искусством. Он вовремя приказал отступить и сумел разбить врага! «Великий воин» между тем, взобравшись на вершину муравейника, объявил себя владыкой мира...

А перед глазами старика вновь и вновь возникала картина: Аттила верхом на белом коне, в поднятой высоко вверх руке – меч Тенгри...

Самая славная смерть – на поле боя. Самая сладкая смерть – в объятиях женщины. Но может ли смерть быть сладкой? Старик зябко поежился, укутался в кусок шкуры, висящий у него на плечах, и вот уже он снова смотрит на стремительный бег волн и уже не надеется ни на славную смерть, ни на сладкую...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Сохранились свидетельства о том, что хунну (сюны) жили на территории современной Монголии с IV века до н.э. Становление сильного государства в III веке до н.э. связано с именем Модэ (в древнеуйгурских источниках Бахадур) шаньюю (шаньюями источники называют хуннских царей). В те времена они даже с китайского императора брали дань. Этот период описан в романе Нурихана Фаттаха «Свистящие стрелы». Но позже, в результате хитроумной политики китайской дипломатии, хунну разделились на два лагеря и начали воевать между

собой. В 98 году шаньюй, проиграв в решающей битве, бежит. Часть хунну уходит на запад и обосновывается в районе Семиречья. Остальные, продолжив путь, в 50-е годы II века выходят к берегам Идели. Здесь они смешиваются с угорами – берут в жены угорок (в трудном походе большинство их женщин погибло). В научной литературе этот народ называют гуннами. Их государство вначале занимало земли от Яика до Дона. Сначала гунны разгромили аланов, затем напали на готов. Остготы подчинились гуннам, а вестготы, переправившись через Дунай, скрылись на территории Римской империи. Есть предположение, что на стороне гуннов сражались и славяне. При Аттиле могущество гуннов достигло наивысшей точки.

Аттила (ум. в 453 году н.э.) – царь гуннов в 433-453 гг. После смерти дяди Ругилы он вместе с братом Бледой взойшел на трон. Многие историки считают гуннов ранними тюрками, в племенном союзе которых были и булгары.

По мнению историков, гуннское государство простиралось от Альпийских гор и Балтийского моря на западе до Каспийского моря (Гуннское море) на востоке. В исторических летописях упоминается соглашение, заключенное между братьями и правителем Римской империи в городе Маргус (ныне Позиревак). По этому соглашению римляне должны были платить гуннам дань в два раза больше прежней. Она составляла 700 фунтов золота ежегодно.

Но, воспользовавшись тем, что гунны были заняты войной с северными и восточными племенами, римляне нарушили условия договора. Разгневавшись, Аттила в 441 году перешел границы Римской империи, захватил города Вилинациди (Костолак), Маргус, Сингиданум (Белград) и другие. Через два года, разрушив Наис (Ниш) и Сердику (Софию), он ступил на берег моря, окаймлявший Константинополь. Римляне были вынуждены подписать новое мирное соглашение. Аттила заставил их уплатить дань за прошлые годы (600 фунтов золотом) и увеличил размеры ежегодной дани в три раза (2100 фунтов золотом).

Летописцы упоминают, что в 445 году Аттила убил своего брата Бледу и стал единоличным правителем гуннов. В 447 году он снова вторгся в Восточную Римскую империю, захватил ее провинции на Балканах. Снова мирный договор, условия на этот раз еще более жесткие: Аттила требует передачи себе земель южнее Дуная. Нам не известны размеры дани, возможно, римские летописцы постеснялись увековечить сумму в документах.

В 451 году Аттила вторгся в Галлию. Причина вторжения также неизвестна. Против Аттилы выступило римское войско под началом Аэция. С ним были король вестготов Теодорик и франки. До их прибытия готы успели захватить Аурелианум (Орлеан). Договорившись с сестрой императора Гонорией, Аттила объявляет ее своей женой и требует в качестве приданого бесчисленные земли Западной Римской империи.

Решающее сражение произошло на Каталаунской равнине. В этой битве погиб король вестготов. Аттила с войском покинул Галлию. Хотя западные историки и пишут, что это было поражение гуннов, на самом деле это сражение, видимо, не принесло победы ни одной из сторон, или оно закончилось поражением Аэция, потому что сразу после этого гунны вторглись в Италию и разрушили города Аквилея (Венеция), Патавиум (Падуа), Верона, Бриксия (Брешиа), Бергалиум (Бергамо), Медиолан(и)ум (Милан). На этот раз Аэций ничего не смог противопоставить Аттиле. Но в Италии свирепствовала чума, поэтому гунны ушли обратно на родину.

Когда новый император Византии Марциан перестал платить дань, в 453 году Аттила вновь начинает готовиться к войне. Его цель – Константинополь (Стамбул). Но в первую брачную ночь он неожиданно умирает в объятиях своей молодой жены Ильдики. После смерти Аттилы начался распад гуннской империи.

СТАРИК В БЕЛОЙ ЕПАНЧЕ

Тогда Казанское ханство было довольно сильным государством. Сильным? Но скажем так: тогда казанские татары (вернее, турки) жили самостоятельно и даже не подозревали, какое это великое счастье! А когда созрели, было уже поздно. Все равно у меня остается много вопросов. Хотя... говорят, история не знает сослагательного наклонения. Всю правду знает один Аллах. Так вот, когда мой герой (или антигерой?) Барбулсын отправился в Казань, тогда уже закатилось солнце некогда могущественного государства. Хотя и царствовал там сильный и просвещенный хан Сафа Гирей. Так вот:

Он добрался до Казани, когда уже опустились сумерки. Уставший как собака Барбулсын решил войти в крепость через Крымские ворота. Однако оказалось, что до ворот не так-то просто добраться: вокруг крепостной стены тянулся ров, наполненный доверху водой, перед воротами виднелся навесной мост, но прямо перед носом Барбулсына его подняли.

Тех, кто не успел войти в крепость, было довольно много: их внешний вид говорил сам за себя – всё это гольтьба, чернь. Таджики, торгующие разной мелочью, собрав нехитрые пожитки, отправились в Караван-сарай, что в Кураишевой слободе. Заметив прилегшего неподалеку от дороги бледнолицего черемиса с белесыми бровями, Барбулсын пошел к нему и опустился рядом на траву.

– Ты тоже не успел? – спросил он с наивностью деревенского жителя.

– Куда? В крепость? – удивился черемис. – А что мне там делать?

– Почему ты здесь лежишь?

– А почему бы мне не лежать? Разве здесь плохо? Тепло, сухо...

Барбулсыну пришлось согласиться: действительно было тепло, тишина летнего вечера, проникая в кровь, разливалась в крови умиротворение; ...дождя давно не было, как бы не наступила засуха... Тем временем черемис, разговаривающий одними только вопросами, вытаскивал откуда-то связку лаптей: – Купи?

Барбулсын отрицательно покачал головой. Черемис, помрачнев, пробурчал: – Ходят тут всякие... Только лапти зря переводят... – И черемис потерял к Барбулсыну всякий интерес.

– Завтра мост опустят?

Черемис лениво приподнял голову:

– Ну и что, если даже опустят... разве его опускают для таких голдранцев, как ты?

– Мне надо повидать хана, – сказал Барбулсын.

Бродяги, расположившиеся на траве поблизости, радостно заржали:

– Ха-ха-ха, хана он хочет увидеть!

– Как раз вчера хан спрашивал о тебе...

– Он тут вконец тебя заждался...

Окончательно стемнело, на дороге послышался стук копыт. Два всадника во весь опор мчались к крепости. Однако перед поднятым мостом пришлось остановиться и им.

– Стража! – крикнул один из всадников.

В башне над воротами блеснул огонек.

– Кто там бродит на ночь глядя?

– Послание хану! От оглана Кузычака.

Мост опустился, ворота медленно раскрылись. Для кого-то и в самом деле не было никаких преград – надо лишь обладать волшебным словом. А волшебное слово даруется, если только у тебя в кармане звенят деньги или за пазухой лежит всемогущий ярлык...

Хотя стояла середина лета, но ночь выдалась холодной, и, сколько ни охлопывал себя Барбулсын, он не мог согреться, потому что несколько дней ничего не ел, а в худом теле тепло не держится...

– Ты, малой, не вздумай приблизиться к крепости, – сказал черемис сквозь дрему. – Иначе стражник сбросит тебя в ров. Плавать умеешь?

– Я мурза! – хотел было обозначить себя Барбулсын, но голос прозвучал слишком жалко.

Снова оборванцам, расположившимся вокруг и завернувшимся кто в холстину, кто в ветхое стеганое одеяло, выдалась причина для смеха.

– Мурза! В лаптях!

– Ну и шутник!

– У тебя деньги есть? – спросил черемис. – Если сунешь стражнику, он тебя впустит. Только что ты будешь делать в крепости?..

Разговор никто не поддержал, да и от Барбулсына ответа никто не ждал. Было очевидно: как ни тряси этого подростка, из его карманов не выпадет ни гроша. У таких, как он, будущее на лбу написано – просить милостыню. Если повезет, то какой-нибудь сердобольный человек

возьмет его к себе в услужение. Хотя это тоже сомнительно, и в городе, и в усадьбах рабов предостаточно, надобности в слугах нет, а для того, чтобы стать воином, этот паренек еще недостаточно окреп.

... Все уже спали, только Барбулсын сидел, охваченный тоской: что делать? куда податься? Он здесь никому не нужен, никому! А ведь он из знатного рода, единственный сын благородных родителей. Вряд ли найдется в округе хотя бы один человек, который бы не знал или не слышал о его деде – мурзе Тимяше!

Его счастливое детство прошло, пролетело как туманное сновидение. Не после смерти ли отца на поле брани началась эта жестокая судьбина? Так и есть, наверно... дурная весть тянет за собою горе, несчастье призывает еще большие несчастья. Они никогда не приходят по одному. Им нужно наброситься на тебя ураганом, закружить, сбить тебя с ног.

Но хотя отец пал на поле боя – такая горькая судьба выпадает не только тебе! – у их семьи еще была возможность выстоять под этим ударом: дед по-прежнему держался в седле, мать была молода и здорова, сестренка Бисылу уже стала шустрой девочкой, понемногу начинала помогать по хозяйству. Их род окреп, стал многочисленным, и родовая деревня Тимяш вольготно раскинулась на берегу Идели.

Барбулсыну представилась бескрайняя ширь Идели, и сердце его сжалось. Иде-ель... В тот день... Они с дедом возвращались с охоты, день был солнечно-сияющим, мир вокруг купался в разноцветии красок, и душа Барбулсына трепетала, желая большего пространства. Выйдя на опушку леса, они лицом к лицу оказались с безграничным простором. Внизу – словно на расстоянии вытянутой руки – разливается Идель! И до деревни осталось совсем недалеко, вон она – за холмом Айгыртау, похожим на жеребца, опустившего голову к водам Идели, чтобы напиться...

Эге-ге-ей! Барбулсын вздрогнул: э, да это дед! – не сдержался, увидев Идель, и его возглас, вырвавшийся из недр грудной клетки, наливаясь мощью, разлетелся далеко окрест. Наверно, ему вспомнились молодые годы, когда он был сильным воином. Некогда слава о нем гремела и в далеких пределах. Так говорят все, кто знал его. Рассказывали, что из походов он никогда не возвращался с пустыми руками. Под ним пританцовывал иссиня-черный аргамак, рядом – его богатыри, готовые идти с ним и в огонь и в воду, и ждавшие только случая, чтобы, подобно вынимаемой из ножен сабле, со свистом обрушиться на врага. Ближе всех – правая рука мурзы Тимяша – лучший из лучших, лев среди воинов, гордость народа – богатырь Аман, царапающий око ночи, подобно стреле в натянутом луке. Зеница ока Тимяша-мурзы, любовь его сердца, его единственный сын, которому суждено еще долгие годы сеять свое семя в Идель-Юрте. Какой был славный муж, эх, настоящий мужчина!

Барбулсын смутно помнит те события – вражеская стрела поразила его деда, и иссиня-черный жеребец вынес его с поля боя и умчал на восток. А воины его остались лежать там. И сын его – богатырь Аман...

Они навечно укрылись принокшим к земле свинцовым русским небом. Очень долго болел после той войны мурза Тимяш. У Барбулсына в ушах до сих пор звучат его стоны, от которых сжималось сердце. Стонал ли старик от ран, или от горя, потеряв единственного сына? Лишь когда Барбулсын приближался к нему и садился на край постели, в глазах деда появлялась жизнь, и он слабо улыбался.

Больше старик Тимяш не ходил войной. Какая уж тут война – он теперь не воином был, а чаще послом, да и внешний облик его годился только для переговоров о мире – правая рука повисла как плеть, и, словно желая приподнять ее, он, еще совсем недавно бывший грозой для всех окрестных племен, теперь при ходьбе чуть наклонялся влево.

И все же он не собирался жаловаться на этот мир. Он не был из породы безродных слабаков, а у таких даже на смертном одре остается силы придушить пару овец. И когда Барбулсын немного подрос, они начали вдвоем ходить на охоту. Вот и в это раз они решили поохотиться. Хотели пострелять куропаток, но, видно, у леса своя магия! – он словно втянул их в себя, и они даже не заметили, что забрели далеко в чащу. А там навстречу им неожиданно вывалился огромный бурый медведь. Барбулсын от страха застыл как истукан. Им конец! Разве сможет однорукый Тимяш противостоять этому царю леса? Но у старика Тимяша, оказывается, совершенно не было намерения помирать, он, сжавшись в тугой комок, ринулся прямо в объятия медведя и в одно мгновение кинжалом в левой руке вспорол брюхо зверя. Обхватив лапами свои вывалившиеся потроха, медведь по-женски вскрикнул; покачиваясь, попытался уйти в лес... но через несколько шагов упал, в смертельной агонии начал царапать землю.

Охота оказалась удачной, но почему-то оба были не рады. Лишь когда на костре поджаривали куски медвежатины, настроение у них поднялось. На следующий день Барбулсын и вовсе оживился: вот вернуться они в деревню, и его друзья наверняка станут завидовать ему! Ведь если бы у деда не было поддержки рядом, разве он смог бы завалить медведя? Вряд ли, ох, вряд ли...

И вот они, пройдя через лес, после полудня вышли к Идели. На плечи давил тяжелый груз, но на душе было легко. На той стороне Идели виднелись бесчисленные стога сена, возле мелких озер, оставшихся после половодья, суетились рыбаки. Барбулсын знает: в этих озерах рыба кишмя кишит, только не ленись вилами тыкать! Отсюда, с Горной стороны, окрестности видны как на ладони: если посмотреть направо, в глаза бросаются вознесшиеся в небо минареты старого Болгара, в чуть сизой дымке можно различить руины и обители дервишей.

– Барбулсын! – голос старика Тимяша дрожит, сам машет рукой влево. – Вон там... посмотри... Это не ушкуйники?

Из-за Айгыртау на стремнину Идели вывернули две ладьи. В каждой из них сидело по десять гребцов. В середине одной из них сидел,

видимо, их атаман, на дне лодок лежали вповалку люди, связанные по рукам и ногам.

И тут из-за Айгыртау клубами начал подниматься черный дым.

...Когда они добрались до деревни, на месте домов лишь курились головешки. Предавая земле собранные на кострищах кости, старик Тимяш закрыл лицо черными от сажи руками и, не стесняясь внука, зарыдал. Чьи кости он здесь хоронит, кого русские увели в плен? – для старика Тимяша было все равно, их уже не было, они оторвались от ниточки рода, пропали, исчезли... Могучий воин, когда-то управлявший многими судьбами и немалыми землями, на склоне жизни остался на пепелище родного дома с единственным внуком... Но он уже и сам не принадлежал к этому миру.

Барбулсын похоронил деда на самой вершине Айгыртау. На последнем вздохе старик Тимяш взял внука за руку:

– На тебя вся надежда, – сказал он. – Пусть наш род не прерывается...

Барбулсын беззвучно глотал слезы. Чего не скажет человек, одной ногой стоящий в могиле... А вот что делать тому, кто остается здесь? Куда преклонить голову голодному и раздетому сироте, оставшемуся ни с чем? Барбулсын уже догадывался, что жизнь немилосердна к сиротам.

– Иди в Казань... – сказал старик Тимяш и замолк, переводя дыхание. – Там у меня друзей уж не осталось... И все же... ты парень с головой... человеком станешь.

Вот так. И пошел Барбулсын в Казань... чтобы стать человеком. А куда еще пойти круглому сироте?.. Подумав, решил, что в Казани он должен поговорить с ханом. Он же не какой-нибудь простолюдин, а внук мурзы Тимяша, в былые времена получившего тарханский ярлык. Значит, он и сам мурза, сам тархан!

Барбулсын тяжело вздохнул. О Тенгри, ну почему ты создал меня таким несчастным?! Ведь сегодня он никчемнее любого безродного мужика, он сегодня никто! Ниже его – круглого сироты – никого нет! Ханский ярлык сторел и превратился в пепел, родные и близкие перебиты, его самого никто не узнает и не признает. Он просто оборванец, отребье, шваль...

Барбулсын уже задремал, когда кто-то коснулся его плеча. Уже совершенно стемнело, но он разглядел: это был старик. На голове чалма. В руке посох, фигуру прикрывает, разрывая темноту, белая епанча. Старик улыбнулся, и на его лице словно промелькнули черты деда Тимяша. Старик резво выпрямился и сказал: – Пошли за мной!

И Барбулсын, ни мгновения не сомневаясь, безмолвно двинулся за стариком. Епанча старика была столь белой, что казалось – от нее под ногами разливается свет.

Пройдя довольно большое расстояние, старик остановился.

– Вон видишь там минарет мечети? – спросил он. – Поодаль от Армянской слободы...

Глядя на темнеющий в скупом лунном свете минарет, Барбулсын кивнул.

– Иди прямо к нему, отсчитав сто шагов, потом сделай десять шагов вправо. Если на том месте выкопаешь яму глубиной в пять вершков, найдешь клад. Как ты его потратишь, зависит от тебя.

– Ты кто? – спросил Барбулсын.

– Зачем тебе это? – улыбнулся старик в белой епанче. Нет, он вовсе не был так стар, вон как прямо он стоит! – Можешь назвать меня Хызыр-Ильясом, можешь Судьбой. Разве дело в имени?.. Люди придают именам слишком большое значение. Особенно своему имени. Кто спрашивает имя у ветра?

Голову Барбулсына уже охватила мысль о кладе, и он прервал старика:

– Тогда я пошел?

– Не торопись, дослушай. – Голос старика посуровел. – Если будешь тратить с умом, тебе хватит этого клада на всю жизнь. Но я чувствую, ты не будешь знать цену этого клада... Поэтому запомни, парень. Я помогу тебе три раза. Три раза! Когда дела станут совсем плохи, придешь на сегодняшнее место напротив Крымских ворот и, глядя в небо, произнесешь: «О Тенгри!».

Не в силах совладать со смятением в душе, Барбулсын наклонился, чтобы поцеловать подол белой епанчи старика, и... словно зачарованный, завертел головой – рядом не было ни души... Облитый серебристыми лучами луны, он стоял в поле один-одинешенек!

Всю ночь напролет Барбулсын копал яму в том месте, что указал старик в белой епанче. Сначала было очень трудно – земля была твердой, словно камень, ее невозможно было проткнуть невесть откуда попавшей в руку палкой. Но человека, почуявшего запах клада, не сможет остановить даже скала! Он грыз зубами равнодушную, как беспамятство, землю, жадно погружал все десять пальцев в разнежившуюся, словно молодая невеста, почву. Наконец, перед рассветом он вытащил кованный дубовый сундук, его сердце, томимое ожиданием, переполнилось, из глаз брызнули слезы... Наконец-то! На поверхности сундука, омытого слезами, он различил надпись: «Не забудь!»

Если раздобыть деньги трудно, то сохранить их труднее в тысячу раз! Это знает только тот, кому, как Барбулсыну, свалилось на голову такое богатство. А те, кто вроде нас пишут истории, об этом могут лишь предполагать, потому что каждый знает: сколько ни копайся в истории, сколь ни ройся, никакого богатства все равно не перепадет, и золота, от которого бы голова болела, не найдется – какие золотые монеты?! – из истории невозможно даже извлечь уроки, и человечество, подчиняясь каким-то космическим законам, все время повторяет свои ошибки. Даже если нам постоянно напоминают: «Не забудь!»

Имя Барбулсына сохранилось в старинных рукописях. Действительно, жил в ханской Казани такой богач. Известно, что во времена прав-

ления Сафа-хана (а он сидел на престоле трижды – почему-то он очень любил сидеть на престоле и бросил эту привычку только после того, как был убит заговорщиками...) Барбулсын построил недалеко от ханского дворца большой дом. Хотя, пожалуй, будет неправильно назвать это просто домом, это была усадьба, настоящая усадьба. И будто бы, когда дом Барбулсына был достроен, ханский дворец словно немного приник к земле. Но это, возможно, преувеличение поэтов, взявшихся, подобно мне, писать историю. Ведь в любые эпохи ханский дворец в столице считался самым высоким зданием, независимо от его реальных размеров.

Вот так. Жизнь – она как колесо, делает круг и снова придавит тебя к земле. Но до этого она тебя и к небесам вознесет! Недавний замухрышка, вшивым нищим стоявший перед Крымскими воротами, теперь ходил в атласной шубе с собольим воротником, на ногах – болгарские сафьяновые сапоги, на голове украшенная жемчугами чалма, и спал он на перине, укрывался одеялом на лебяжьем пуху. И плевать хотел Барбулсын на весь мир!

А в тот раз попасть к хану ему было, видимо, суждено. Как-то очень легко это удалось. Никаких препятствий не случилось. Да и какие препятствия... его встретили с распростертыми объятиями!

– Барбулсын! Ты – опора государства, – сказал ему Сафа-хан.

– О, хан, у моего деда – мурзы Тимяша – был тарханный ярлык, только он во время вражеского набега сторел дотла. Прощу тебя подтвердить этот ярлык и вернуть земли, оставшиеся мне от предков.

Нашлись те, кто выдал свидетельство о том, что земли вокруг Айгыртау принадлежали Тимяшу-мурзе. Однако вышла и загвоздка: пока Барбулсын пребывал в неизвестности, хан успел даровать эти земли оглану Акбулату, прибывшему из Крыма.

– Не переживай, – сказал хан. – На Вятке умер мурза Янтык, его земли станут твоими.

– Разве у него нет детей? – удивился Барбулсын.

– Ну и что? – удивился в свою очередь хан. – Что они сделали для государства и народа? Земля – она для государевых людей!

Хоть и лишился Барбулсын своих земель на берегу Идели, – а это было великое богатство! – все же вида не подал. Дареному коню в зубы не смотрят. Сказал только: «Да дарует тебе Аллах долгую жизнь и здоровье, великий хан!».

Однако, чтобы заполучить ханский ярлык, пришлось долго хлопотать и потратить кучу денег. Место под ханским солнцем легко не дается. Рука руку моет, две руки моют лицо. Наконец Сафа-хан заверил своей личной красной печатью ярлык, написанный Бозяк бахшием, главным писарем государства, на дорогой самаркандской бумаге.

Протягивая Барбулсыну тумар с ярлыком внутри, хан сказал: «Дорогой мой брат, Барбулсын тархан! Будь достойным своих предков! Если на страну нападет враг, ты будешь должен не мешкая собрать своих воинов, чтобы дать отпор захватчикам. Если мы надумаем совершить

набег, ты поспеши затянуть кушак храбрости и присоединиться к нам. Тебя в этом государстве никто не тронет, никто не покусится на твое добро. Ты свободен от ясака, брат. Прощай!»

И Барбулсын зажил припеваючи. Появились друзья, день ото дня их становилось все больше и больше! Было много наложниц. Барбулсын разбрасывал деньги направо и налево. Вот ведь какой он щедрый, милосердный, радушный. У него вошло в привычку после разгульного веселья, оставшись наедине, доставать ярлык и нюхать запах дорогой бумаги. Вон как изящно и замысловато выведено золотом: «Сафы Гирея слово!». Затем он вытаскивал из-под ложа окованный железом дубовый сундук, открывал крышку и погружал руки в золотые дирхемы; когда он перебирал монеты, на которых были выбиты имена золотоордынских ханов Узбека и Джанибека, по его телу пробегали тысячи горячих капель, ого-го, посмотрите, кем он стал, ведь и в самом деле оправдал свое имя – Барбулсын¹!

Однако он не забывал, что в этом коварном мире можно в мгновение ока потерять все. Разве не он совсем недавно был тем беднягой, что беспомощно смотрел на высокие стены казанского кремля? Иногда он вспоминал то время, и по его телу пробегали мурашки. От бедности к богатству один шаг. И наоборот... Убывают, убывают прямо на глазах золотые дирхемы! А если он снова останется без гроша? Эту мысль он отгонял от себя, словно назойливую муху. Это в каком же душевном упадке надо пребывать, чтобы думать о нищете в то время, когда перед тобой, подобно гуриям, кружатся красивые наложницы, твои друзья восхваляют тебя до небес, а древо твоего честолюбия разрослось настолько, что затмило небо и своей кроной смахивает на тебя звездную пыль?! А что будет завтра – о том пусть думает глупый ишак! Разве он тот, кто снова может стать нищим? Ретивый кон бьет копытами в стойле, лихая сабля в ножнах, вот немного передохнет и за ясаком сходит, и врагам своим отомстит... Его опора – сам хан!

– Вина! – крикнул он рабу.

Вошел Янчура с запотевшим кувшином в руках. Этого пленного русского Барбулсын купил за два дирхема. И не просчитался. Раб из него получился отменный.

От выпитого вина словно развеялись темные мысли в голове. Таких кувшинов в его погребе еще предостаточно.

– Господин мурза, к тебе пришел тот армянин, – сказал Янчура. Он-то знал, по какому поводу пришел просящий.

– Скажи ему. Пусть немного подождет.

Вино Барбулсыну поставлял этот самый армянин – Варган. Компания Варгана – еврей Арон привозил вино караванами в больших хурджунах, закупая его у крымских генуэзцев, и такой благородный напиток могли себе позволить, разумеется, только лучшие люди Казани.

¹ Барбулсын – пусть он будет (тат.).

Как только Янчура вышел, Барбулсын вытащил окованный железом сундук. От сундука пахло влажной землей. На крышке, царапая взгляд, красуется надпись: «Не забудь!». Барбулсын торопливо откинул крышку. Эх, где те времена, когда он чувствовал себя властелином вселенной! Дни, когда он радовался, погружая руки по локоть в золото. Дрожащими пальцами Барбулсын ощупал дирхемы, мерцавшие на дне сундука. Армянин вряд ли будет удовлетворен этим. Один только кувшин того вина, что компаньон армянина Арон привозит из далекого Крыма, стоит несколько дирхемов... Барбулсын передернулся, словно путник, миновавший озеро беспечности и оказавшийся на овеваемом холодными ветрами болотистом берегу; спрятал лицо в полотенце безнадёжности.

Смуглолицый Вартан вошел с улыбкой на лице и приветствием на устах. Они сели. Барбулсын разлил по чашам вино.

– Отличное! – сказал Вартан, пригубив из чаши. – Я привез для вас самое лучшее.

Словно желая стереть жалкую улыбку, Барбулсын невольно поднял руку к лицу.

– Отличное, – подтвердил он.

– Вы, мурза, человек надежный, – сказал армянин. – Однако... Времена уж больно беспокойные.

– А что случилось?

Армянин замялся.

– В Казани время от времени случается всякое... Это ничего. Но ведь и у меня есть обязательства перед другими. Арон собирается в дорогу. В торговле, сами знаете, какие правила...

– Знаю! – Барбулсын протянул армянину дирхемы, собранные со дна сундука. – Остальное, если будет угодно Аллаху, я заплачу, когда дела наладятся.

– Вы, конечно, человек надежный, – осмелел армянин. – Я человек маленький. Арон собирается в дорогу...

Барбулсын в отчаянии развел руки в стороны. Беспокойно озирающийся по сторонам Вартан вдруг заметил лежавшую неподалеку дорожную шубу с собольим воротником.

– Забирай! – Барбулсыну хотелось любой ценой избавиться от армянина.

– Когда заплатишь долг, верну, – сказал армянин, перекинул шубу через плечо и быстро удалился.

С улицы доносился смутный гул. Униженный Барбулсын не стал придавать этому значения и громко окликнул Янчуру, тихо передвигавшемуся где-то в дальних покоях:

– Янчура! Где ты, собачий сын!

Он же тархан, черт бы побрал всех! Он не платит ясак, это ему должны платить. Когда сундук был полон золота, он совсем не думал

об этом. Остались же на землях мурзы Янтыка люди, где их ясак? Где калан¹, култык², улак³?

– Казаки побывали там... – Янчура уперся взглядом в пол. – Сказали, что там нет никого. Люди Янтыка сбежали.

– Куда сбежали? Разве от ясака можно сбежать?

Гул на улице становился все сильнее.

– Что там? Что за крики? – Барбулсын настороженно прислушался. – Не бунт ли это, случаем?

Янчура, все еще стоявший возле дверей, погладил свою рыжеватую бороду, свисавшую на грудь и, чуть отвернувшись в сторону, словно желая спрятать зеленые глаза, в которых блестела готовая брызнуть радость, сказал:

– Чернь свергает Сафу-хана с престола, грабит дома крымцев, самих убивает.

Не зная, что и сказать, Барбулсын пробормотал:

– Если шея есть, так хомут найдется.

– Московский князь хомутом решил прислать хана Шигали.

– Откуда ты все знаешь? – Барбулсын даже вскочил с места.

– Слово слово родит, третье само бежит, хозяин.

А гул неумолимо приближался.

– Бежать тебе надо, мурза. – Янчура с жалостью посмотрел на Барбулсына. – Крымцев убивают.

– Я же не из Крыма. – Барбулсын был несказанно удивлен поведением своего раба. – Я вырос на берегах Идели.

– Кто сейчас будет это выяснять? Ты получил у Сафы-хана ярлык? Ты же знаешь – он раздавал ярлыки и земли большей частью своим сторонникам-крымцам. Потомки Янтыка мурзы жаждут твоей крови. Тебе надо бежать, – снова повторил он.

Барбулсын прислушался – взбунтовавшийся народ уже приближался к ханскому дворцу. Вскоре они ворвутся и в его дом. Выхватив из ножен саблю, он сказал:

– Теперь уже поздно. Будь что будет.

– Отсюда есть подземный ход. До Елбугиных ворот. А там останется только через Казанку переправиться.

Барбулсын испытующе посмотрел в глаза своему рабу.

– Где мои казаки?

– Не знаю. Наверно, сбежали.

У Барбулсына были десять казаков, нанятых из ногойцев, он, скрежетнув зубами, махнул рукой:

– Э-эх, псы степные!

Янчура схватил хозяина за руку:

¹ Калан – налог на землю.

² Култык – таможенная пошлина.

³ Улак – военный налог.

– За рекой лес. Единственный путь для спасения.
– Ты знаешь о подземном ходе, а я... – пробурчал Барбулсын.
– Я в Казани уже двадцать лет. – Янчура отодвинул в сторону ви-
сящий на стене ковер, открыл потайную дверь и легонько подтолкнул
хозяина в спину: – Мурза, надо спешить.

Тем временем бунтовщики уже открыли ворота и ворвались во двор.
Выжил-таки Барбулсын, ведь смерть не наступит, если не закон-
чились еще отсчитанные тебе минуты. А сколько голов – и самых луч-
ших! – скатилось на пыльные улицы города. Побродив некоторое время
по темным деревушкам, схоронившимся в лесах, однажды, в надежде,
что все успокоилось, он снова направился в Казань. Стояла осень. Да,
уже наступила осень! Суровый ветер теребил последние листья на де-
ревьях. Сквозь тонкий чекмень он проникал до самого тела Барбулсына,
холодной змеей обвивался вокруг шеи... Встав перед Крымскими воро-
тами – оборванец оборванцем! – он повторял, как заклинание: «О Тен-
гри!». «О Тенгри! Почему я был столь глуп и так бесславно развеял по
ветру свое богатство?»

Он все еще верил, что, будь у него сундук, полный золота, он смог
бы спастись от любой беды, даже от потерявших разум бунтовщиков.

– В молодости трудно соблюдать меру...

Барбулсын, вздрогнув, обернулся назад. Это снова старик в белой
епанче?.. Он изменился, очень изменился... И голос у него охрип, и
осанка не та, что прежде – сгорбился, в складках на лбу притаилась
печаль. И его епанчу теперь вряд ли назовешь белой, на ней оставила
следы пыль дорог, и искры костров опалили ее. Только глаза старика
по-прежнему живые, не потеряли яркости, сверкают, потому Барбулсын
так и не смог определить их цвет.

– А когда начинаешь понимать это, уже поздно...

– Мои собратья чуть не убили меня, а раб-иноверец спас, – загово-
рил Барбулсын. – Как это понять?

– Ты в тот момент был никто, а раб был тебе хозяином. Хозяевам
иногда нравится быть милосердными. Спасая тебя от смерти, он ощутил
себя могущественнее судьбы. Представь себе: вчерашний раб сегодня
превыше Рока!

– Но он все равно раб!

– Конечно, раб, – согласился старик в белой епанче. – Лишь рабы ра-
дуются любой блестящей безделушке, словно золоту. – Старик почему-
то усмехнулся.

Растроганный, Барбулсын обнял старика.

– Ты не покинул меня... На этот раз я не подведу!

– Ну, ну... – легонько отстранил его старик. – Как бы кто не уви-
дел...

– Здесь никого нет.

– Лес – это уши, поле – глаза. Ты достаточно прожил, нажил себе
врагов.

– У меня и друзья были.

– Они будут еще, – усмехнулся старик. – Друзья приходят и уходят, а враг постоянен.

Они шли довольно долго, наконец, старик остановился. Барбулсын отметил для себя: они прошли по той же дороге, что и много лет назад, не отклонившись в сторону ни на пядь. Вдалеке виднелся черный силуэт минарета мечети.

– Иди к минарету ровно двести шагов, затем пройди вправо пять шагов. Твой клад будет там.

Теперь Барбулсын уже не вертел головой, пытаюсь разглядеть исчезнувшего старика. И сердце не билось бешено и страстно. Человек привыкает даже к кладам. Они становятся обычным явлением. Даже забывается, что это – чудо. Можно подумать, что этот клад предназначен именно тебе! Забывается, что он достался благодаря великой случайности. И ты привычно тратишь его – торопливо и суетливо, одна монета, вторая... уходят, уходят... как дни жизни!

Эта яма оказалась и шире, и глубже. Он весь во власти глубокой осенней ночи, где-то то ли тяжело ухает филин, то ли фыркает оставшийся без теплого стойла конь, – Барбулсын ничего не слышит, ничего не видит, по лицу его катится черный пот, он хватается горстями размякшую от этого пота землю и бросает ее наверх.

Когда показалась желтая глина, мокрые пальцы Барбулсына, наконец, коснулись горлышка горшка. Горшок был довольно тяжелым, но для нашедшего клад разве это тяжесть! Напротив, горшок показался до обидного маленьким и легким. Сунув его подмышку, Барбулсын поспешил не к городу, а в обратную сторону – в Караван-сараю на окраине Кураишевой слободы. Сняв там комнатку, при свете лучины он начал рассматривать горшок. На его красноватом боку было написано: «Что заслужил, то и получил». Так и есть... Это и заслужил! Горшок был доверху наполнен серебряными монетами – монетами, отчеканенными казанскими ханами Гьясетдином и Улуг-Мухаммедом. Что тут поде-лаешь?! Скрывать нечего – Барбулсын немного расстроился. Если уж Тенгри решил еще раз наградить его кладом, то зачем было так жадничать? И старик в белой епанче тоже хорош... Раз уж ты наделен таким могуществом – раздавать людям клады...

Однако эти мысли затуманили его мозг лишь на короткое время. Надеюсь, читатель правильно понял, что Барбулсын совершенно не был жадным или глупым. Уже в следующее мгновение тени, застывшие в складках на его лбу, исчезли, он улыбнулся. Надо благодарить Всевышнего за то, что есть! Разумеется, теперь он не будет таким легкомысленным, как в молодости, и не станет бездумно тратить деньги направо и налево. Богатство, каким бы большим ни казалось, имеет обыкновение заканчиваться! Чтобы понять эту простейшую истину, надо достичь осени своей жизни.

Лучина еле теплится, в углу потолка подрагивает паутина. Это жизнь, от нее никуда не деться. А если уж надумаешь уйти, то дорога одна. Барбулсын вздохнул и, накрывшись покрывалом одиночества, прильнул спиной к стене спасительного безразличия.

Успокоился.

Утром вышел во двор, ступая по желтым листьям печально замерзающих осин, долго смотрел в небо. Почудились крики диких гусей, но, сколько бы ни обшаривал глазами высоту, ничего не разглядел, кроме пролетающих редких беспечных облаков.

– Что там выглядываешь?

Барбулсын, вздрогнув, обернулся, а там!.. Еврей Арон... Друг его шумной молодости. Бойкий на язык, никогда не плошающий дружок Арон... Пожалуй, половина того первого клада перекочевала именно в его карман. Уж больно вино у него было замечательное... А вина всегда бывает мало, как и денег... Еврей заключил его в крепкие объятия.

– Пойдем ко мне. Перекусим.

Неужто Всевышний дал евреям нос, который чует запах денег? И если бы в горшке вместо серебряных монет звенели золотые дирхемы, то Арон обнимал бы его еще крепче.

– Ладно, – сказал Барбулсын. – После намаза приду.

Еврей слегка опешил, удивленно переспросил: мол, в самом деле? Потом понимающе покивал: конечно, намаз – это хорошо...

...– Добро пожаловать! – встретил его Арон на пороге. Движением руки отдал приказ выйти мальчику-прислужнику, суетившемуся возле щедро накрытого стола. – Угощайся, мурза, чем бог послал. Давай, проходи.

Стол ломился от обилия южных фруктов. Когда они успевают все это привезти, как хранят?

– Сейчас принесут кебаб, а до того, может?.. – Арон вытащил хурджин. – Вспомним молодость...

– Нет! – воспротивился Барбулсын. – Я свое уже выпил.

Хурджин в мгновение ока куда-то исчез.

– Я и сам теперь частенько поминаю Господа. Когда дела заходят в тупик, мы все такие... – Выцветшие губы Арона, похожие на дождевых червячков, вылезших из-под земли, издевательски шевельнулись.

Вспомнив о временах, когда предавался веселью с головой, Барбулсын нахмурился.

– Чем старше становишься, тем больше думаешь о мире ином. Коню не стать жеребенком.

– Да, только жеребенок может стать аргамакон, – поддакнул ему еврей. – Если не кастрируют...

– Как торговля? – спросил Барбулсын, просто чтобы не молчать.

– Куда там... – Арон вяло отмахнулся. – Купцы, конечно, любят жаловаться, чтобы не взглянуть, ты и сам знаешь. Но правда такова: дела плохи.

– Не обманешь – не поедешь. – Барбулсын положил в рот кусок принесенного мальчиком-прислужником кебаба и даже прикрыл глаза от удовольствия.

– Вкусно? Ешь, давай, ешь.

– Язык проглотишь! – Барбулсын хорошо знал Арона, он не из тех, кто просто так будет угощать человека, у такого зимой снега не выпросишь... Значит, у него серьезный разговор, не иначе.

– Ты не сердись, Барбулсын мурза, в вашей стране царит самоуправство. И соседи козни строят. Сам знаешь: в государстве, где постоянные перевороты, торговля умирает.

– Почему постоянные? – Барбулсын скривился. Кому понравится, если пришлый человек станет судить твою страну. – Новый хан, вроде бы, укрепился на престоле.

– Народ не любит хана Шигали. Он долго не просидит.

– Народ ни одного хана не любит. Народ – как стадо глупых баранов. – Барбулсын потянулся. – Зачем тебе народ? Вино пьют только лучшие люди. Кто-то отмечает победу, другой запивает поражение. Был бы только повод!

– В лесах бродят разбойники. Грабят честных людей. Соседние племена перестали поставлять пушнину. Мне нужны шкуры соболя, горноста. Не могу увести караван. Месяц назад отправил своего человека в Черемисскую сторону. Не вернулся. Видно, убили.

В голове Барбулсына что-то на мгновение вспыхнуло.

– Я могу привезти пушнину!

Арон, словно заколебавшись, прижал руку к груди.

– Станет ли мурза, не боясь себя унизить, заниматься таким делом?..

– Но есть одно условие.

– Какая же торговля без условия, – улыбнулся Арон.

– Сделаю, если возьмешь меня в равную долю с собой. Примешь в свой караван и мои товары?

Еврей обнял его.

– Быть компаньоном такому знатному мурзе, как ты, это счастье для простого купца вроде меня!

С этого дня клубок жизни Барбулсына покатился в гору. Его поездка в Черемисскую сторону увенчалась успехом. Он повез туда домашнюю утварь, железные наконечники для стрел, а вернулся с возами шкур и мехов. Для охраны нанял пять казаков-ногайцев, и – то ли их испугались, то ли, и, наверно, это вернее, с помощью Всевышнего, – в пути не встретилось ни одного разбойника.

Однако караван Арона двинулся в путь еще нескоро.

– Давай немного подождем, – успокаивал его Арон. – Торговля любит терпение.

Но у Барбулсына не было терпения ждать. Когда еще этот караван дойдет до места и когда вернется?! А до того выложить зубы на полку?

– Пусть сначала вернется Сайдак-оглан. – Арон похлопал его по спине. – Не торопись...

– Откуда он вернется?

– Пошел набегом в русские земли.

– Не говори ерунды. Новый хан московскому князю в рот смотрит. Какой набег?

Еврей засмеялся, прикрыв рот рукой.

– Хан... Кто станет спрашивать его разрешения? Сайдака я отправил!

– Зачем нам Сайдак? Товара у нас на целый караван.

Арон переменялся в лице.

– Ты что, сегодня родился? Генуэзцам нужны рабы! Самый ходовой товар – рабы.

– Но ведь хан обещал освободить всех рабов. Дал слово московскому князю. Если узнают, что вы с Сайдаком в сговоре...

Арон снова рассмеялся, на этот раз открыто, не стал прикрывать рот рукой.

– Я же говорю, что торговля – это занятие не для мурзы. Ты не волнуйся, цена твоего товара вернется к тебе вдесятеро большей. У вас ведь говорят, что решительность способна расколоть скалу?..

Если бы Арон рассчитывал только на Сайдака, то звали бы его не Арон, а как-нибудь иначе, ну, скажем, Ахметзян. Не успеет он встать утром со сна, как его голову заполняет дума о торговле: что делать? как получить прибыль? как улыбкой подешевле завоевать дорогое доверие? Тысячи мыслей, и так целый день... А у Ахметзяна, татарина, я имею в виду, ум, сами знаете когда – после обеда...

Да, у Арона собратья-купцы по всей Казани, для оправки каравана в Кафу им нужны рабы. В Казани много рабов-гяуров, но у них ведь есть хозяева! А кому нужны лишние разговоры? «Скоро хан освободит русских рабов и отпустит их домой!» Поспешите продать ваших рабов по дешевке, люди. Иначе скоро вы вообще останетесь ни с чем.

Но татарин не поверит, пока не потрогает. Где ханский указ? Какое ему дело до наших рабов? Если он будет совать свой нос куда не надо, мы можем и прогнать его. А потом, многие из этих рабов стали нам почти родными... У многих бывших рабов теперь есть даже свои рабы!

Никто не торопится продавать рабов.

И отправка каравана задерживается.

И все же – если очень стараться, то и из слепого глаза выжмешь слезу! – в Караван-сарай понемногу доставляются рабы. Назначив цену, Арон отправляет их в Армянскую слободу: там и формируется его караван. Настроение у Арона плохое: ему нужны мускулистые юноши, молодые девушки со светящимися глазами, а тут что? – всякая шушера, из-за которой можешь запачкать свое честное как хрусталь имя и, не дай Господь, вызвать гнев хана.

В один из таких беспокойных дней Барбулсын услышал знакомый голос:

– Господин мурза! Барбулсын! Мой господин...

Хотя голос звучал надтреснуто и жалко, его обладателя еще можно было узнать.

– Янчура! Это ты, что ли?

– Я, хозяин, я! Спаси, ради бога! Подтверди, что я твой раб.

– Как ты тут оказался? – Окинув взглядом стоящего поодаль с тремя рабынями сгорбившегося Янчуру, Барбулсын добавил: – Ты же после меня остался свободным!

– Меня снова сделали рабом. Искали тебя. Защити меня, мурза!

Янчура выглядел потрепанным. Жить свободным частенько бывает труднее, чем быть рабом. Не каждый может позаботиться о себе. Раб, привыкший жить под крылом хозяина, на его хлебах, и ни за что не отвечающий, а лишь выполняющий приказы хозяина, получив свободу, теряется, не умея приспособиться к реальной жизни. Видимо, и Янчура, выйдя из-под власти Барбулсына, превратился в нищего.

– Освобождаю только ради тебя, – сказал Арон, погоняя пенные волны океана своей доброты к берегу, однако Барбулсын прекрасно понимал – рабы в Казани стоят дешево, а такого старика, как сорокалетний Янчура, вообще можно купить за гроши.

– Добро на земле не валяется, – утешил он Арона. Мол, придет время, и я отплачу тебе за твое благодеяние.

– Когда вернется караван, сочтемся.

Но чтобы вернуться, надо сначала уйти. А от Сайдака по-прежнему не было вестей. Вскоре, подобно степному ветру, свистящему сквозь ковыль, разнеслась молва: будто бы Сайдак попал в засаду к касимовцам и был взят в плен. Его людей перебили. Жизнь – коварная штука: желая заиметь рабов, сам частенько попадаешь в капкан.

Когда раскидистые вязы, растущие возле Караван-сарая, начали ветвями ощупывать в поисках тепла затянутое облаками небо, Арон решил трогаться в путь. Барбулсын проводил его... Горделивое спокойствие верблюдов, их равнодушие к мелочам жизни питали надежду, жившую в его душе, подбросили топлива в костер его желаний. Ведь он передал в руки Арона партию пушнины, которую накупил на все деньги, что были в кувшине. Когда караван вернется, его богатство увеличится в десять, нет, в двадцать раз, эх-х-х... И Барбулсын еще поживет на этом свете как калиф и покатается как баурсак в масле. В это раз он будет умнее, не станет разбазаривать свое добро. Первым делом построит в Кураишевой слободе хороший дом, потом... потом... было бы неплохо, например, и жениться! Так сидел он и мечтал вечерами в своей комнатушке. Вокруг него будут шумно резвиться его дети... невесту надо выбрать из знатного рода, приданое должно быть щедрым. Когда он жил в городе, столько мурз пытались сосватать ему своих дочерей. Но нет, Барбулсын только смеялся: еще не родилась та, что ему предназначена! Всё выбирал, ду-

рак. У одной, видите ли, ноги хомутом, у другой – дугой. Вот уж точно настоящий глупец – кто же женится, глядя на ноги? Красота нужна наложницам. Впрочем, среди невест были и такие красавицы, что пером не описать, да он прошел мимо них, не остановился, времени не хватило.

Караван вернется почти через год. Барбулсын явственно представляет себе его возвращение. Вот на Ногайском тракте поднимется облако пыли, послышатся гортанные выкрики погонщиков, потом обозначатся силуэты верблюдов, лениво жующих жвачку, впереди них, в надежде получить гостинцев, побегут детишки. Это богатство возвращается, богатство!

Барбулсын уже и обет дал: если караван вернется невредимым, он построит рядом со своим домом мечеть! Пусть все жители Казани увидят щедрость Барбулсына. Пусть слава о нем разлетится по всему государству.

Что касается славы... Мы, дорогие мои, не ценим по достоинству таких исторических личностей, как Барбулсын! Среди них есть разные, однако имя Барбулсына, на мой взгляд, должно быть вписано в нашу историю золотыми буквами. На крайний случай – серебряными. Если бы, скажем, у киргизов была такая личность? Пятьсот лет назад... это же полтысячи лет! Они бы, нисколько не сомневаясь, поставили ему памятник на самой большой площади города. Или прямо на вершине горы. У них гор много. Кто-нибудь скажет: а какой след остался в истории от Барбулсына? У нас ведь так: выскажи только свое мнение, а сомневающиеся тут же найдутся. Потому-то у нас так мало памятников татарам. А мой ответ сомневающимся категоричен: Барбулсын вошел в историю своими добрыми намерениями! Этого разве мало? А то у нас на слуху лишь люди с дурными намерениями. За кулисами истории целые штабеля тех, кто действовал лишь в угоду своих интересов!

Если думать глубже, то ведь и фундамент исторической дружбы между татарами и русскими заложил Барбулсын. Чего стоит одно только освобождение Янчуры из рабства! Да, уже столько веков назад мурза Барбулсын ясно представлял себе, что татарская государственность будет развиваться в мирных условиях. Думаю, что если решим поставить ему памятник, то и служители культа не будут против. Информация о его намерении построить мечеть в Курашиевой слободе (на перекрестке нынешней Московской улицы) дошла до наших дней, переходя из уст в уста. Если мечеть в силу известных причин не была построена, то теперь это уже и не так важно, потому что от мечетей той эпохи к сегодняшнему дню не осталось и следа.

Когда ждешь, не то что год, даже день пережить трудно. И если не купаться в море мечтаний, то можно засохнуть и умереть от тоски. Но это море так тебя увлекает, заставляет забыть реальность – можешь заблудиться в мечтах и не вернуться на берег. Поэтому Барбулсын далеко

не заплывает, глубоко не ныряет и не уходит дальше залива воспоминаний. А здесь хорошо. Серебристая пыль от осоки, колышущейся в мелких волнах, тянется лунной дорожкой вдаль. Он только сейчас понял: его самые счастливые минуты в этой жизни связаны с детством, оставшимся на далеком берегу Идели. И звезды, которые в дни его несчастий, пронзая воздух и плотные желтые туманы, спешили к его сердцу, были с небес его детства! И лицо матери не забыто – в горькие голодные вечера, сочившиеся сквозь пальцы словно деготь, это лицо явственно вставало перед его глазами. Только имени ее он не мог вспомнить. Впрочем, он его и не знал. Для ребенка мама – это просто мама, единственная... Его маленькая сестренка Бисылу, девчушка с щечками, перемазанная красным ягодным соком, воплощение чистоты и наивности, радостно смеясь бежит по цветущему лугу к голубоватому лесу. А из леса, закинув косу на плечо, выходит отец...

Почему же он, обладая целым сундуком сокровищ, не попытался через знакомых русских искать мать и сестренку? Он уже был не в том возрасте, чтобы кивать на какие-то причины и искать отговорки, зачем себя обманывать? Зачем утешать себя красивыми словами, приятными для души, словно подорожник для тела? – он просто забыл о них. За-а-абы-ы-ыл.

Увлечшись желанием разбогатеть, он накопил на все содержимое горшка мехов и кожи в Черемисской стороне. И как тут не увлечься! – такие чудесные меха – сверкающий соболь, блистающий горностаи – если сжать шкурку пальцами, вся помещается в ладони... А теперь в кармане ни гроша, нет даже на еду. Сходил на охоту в леса за Казанью, – но оказалось, что руки потеряли былую мощь, а ноги резвость. Ладно еще, Янчура не бросает, каждый вечер приносит откуда-то еду. То кусок губадии, то корку беляша...

– Ешь, мурза, – потчует он. – У меня в Казани много соплеменников, если и в такие трудные времена не помогать друг другу...

Сначала Барбулсыну было неловко – мурза зависит от раба! Потом привык. И пища, перепавшая со стола богачей, перестала царапать ему горло. Говорят же: желудок в ад заведет. А это разве ад? Он с Янчурой с голоду не помрет. В Казани у каждого знатного татарина есть русский раб – если у тебя нет такого, тебя и за человека не держат! – они работают по хозяйству, готовят еду, ухаживают за детьми... Через несколько лет они получают освобождение и разрешение уехать на родину... Но они не уезжают, кто-то остается в доме хозяина, кто-то приобретает себе кусочек земли. Неужто лучше вернуться на родину и мучиться безземельным горемыкой на болотах? А здесь свобода, ширь, плодородная земля – воткни палку, она прорастет корнями, – райские земли! И насчет веры никто не притесняет – хочешь, осеняй себя крестом, хочешь – читай намаз...

– Ну, ваши богачи и любят поесть! – поцокал языком Янчура. – Ходил к брату Самаю, у его хозяина были званые гости. Выносили еду

на стол. Баранина с лапшой, пельмени, пирог с мясом, фаршированная курица, стерлядь, жареный гусь...

– Хватит! – крикнул Барбулсын. Вскочил и вышел во двор. Разве о жареном гусе тут надо думать? Ладно еще, из Караван-сарая не гонят!

На улице уже стояла зима. Обжигающий ветер своими колючими лапами схватил Барбулсына за лицо. По мерзлой земле гонялись друг за другом снежные хлопья. Завтра, видимо, наметет сугробы. Он повернулся к вышедшему вслед за ним Янчуре:

– Янчура, а каким было твое собственное имя? В прошлой жизни... Янчура долго молчал.

– Не помню. – Он произносил слова обрывисто. – Какое это имеет значение? Лишь глупцы придают имени излишнее значение. Сегодня оно есть, завтра нет. Я сегодня Янчура. А так – человек божий...

Барбулсын вздрогнул. Он ведь слышал эти слова от старика в белой епанче. Ему не хотелось спорить с Янчурой, но вот старику тогда надо было возразить. Каково имя, таковы и дела! Ведь не зря же, если ребенок серьезно заболел, ему давали другое имя...

Янчура снова заговорил:

– Разве не смешно быть рабом и называть себя Василием? Ведь имя Василий значит – царь!

– Ты, наверно, не забыл свой язык? – сказал Барбулсын просто так.

– Забыл. Здесь он мне не нужен. Раб всегда говорит на языке хозяина.

– Но ведь это язык твоей матери, – возразил Барбулсын и неожиданно снова вспомнил свою мать. Сердце заныло!

– Кто знает, если увижу свою мать, может, снова заговорю...

Утром длинные языки донесли дурные вести: на подступах к Крыму на караван Арона напали казаки, разграбили весь товар. Купцов взяли в заложники. О рабах ничего не было сказано. Не было вестей и об охране, сопровождавшей караван. Обычно тех, кто сложил голову в неравной схватке за чужое добро, не вспоминают.

Барбулсын был раздавлен. Сказать, что ему на голову свалилось неожиданное несчастье... пожалуй, было мало. Скорее так: зимой сверкнула молния, небеса разверзлись и черная бездна высосала из него душу.

Все кончено! Окончательно...

Постучали в дверь. Не ожидая ответа, вошел Вартан. Он, не здороваясь, прошел вглубь комнаты, вытащив несвежий платок, протер потное лицо, высморкался. Лишь затем вонзил свои черные словно уголь глаза в Барбулсына.

– Слышал, наверно, что наш караван погиб. Арона взяли в заложники. Нужно будет очень много денег, чтобы выкупить его.

Барбулсын кивнул. «Для чего он мне это говорит?»

– Да, мурза, мы знаем, что ты тоже потерял много добра. Но, надеюсь, ты помнишь, что в трудные для тебя времена мы тебя поддерживали. Вот и сейчас ты живешь в этом Караван-сарая благодаря нашей доброте.

Барбулсын снова кивнул. «Хе, доброта... Если бы не корки пирогов, которые таскал Янчура, я бы уже давно умер с голоду...»

– Чтобы выкупить Арона, мы, его компаньоны, собираем деньги. Было бы хорошо получить и от тебя долю.

Несказанно удивленный, Барбулсын развел руки в стороны.

– У меня ничего нет... Если бы были деньги, разве я жил бы впроголодь?

Варган встал.

– Стыдись, мурза. О запрятанном тобой кладе вся Казань знает. Ты ведь только прикидываешься бедным, боясь гнева Шигали-хана. Так вот – сегодня ночью Шигали покинул Казань. Вскоре московский князь пришлет сюда на престол своего боярина.

Забыв напрочь разговор о кладе, Барбулсын всплеснул руками:

– Не может быть!

– Ничего не поделаешь! – Варган торжествующе хохотнул. – Казани конец. – Он повертел пальцем в воздухе: – Теперь мир вот так перевернется с ног на голову. Кто был внизу, вознесется наверх, а верхние полетят вниз!

Слова армянина, наконец, дошли до Барбулсына, но его разум отказывался верить: это был невероятный вздор! Не перевелись еще в Казани смельчаки, как можно без борьбы отдать противнику престол.

– Приготовь завтра сто дирхемов, – сказал Варган, стоя в дверях и не оборачиваясь. – Когда боярин прибудет, мы шепнем ему на ухо, и твоя жизнь тоже устроится наилучшим образом.

Долго сидел Барбулсын в темной комнатушке, не зажигая лучины. Даже не заметил, как вернулся Янчура.

– Нынче зима рано явилась, – сказал Янчура, снимая запорошенный снегом бешмет.

Он принес собой огарок свечи, зажег его, на шершавых стенах забегали тени. В котомке у него оказались куски пирога, они молча поели.

– Шигали ушел из Казани, ты слышал, мурза? – Вслед за хозяином Янчура провел руками по лицу, молитвой завершая трапезу.

– Ну и что, трон не будет пустовать.

– Может, наши дела наладятся...

Но пустые надежды уже не могли согреть разжижевшую от нищеты кровь Барбулсына, и он лишь махнул рукой.

– Если в кармане ни гроша, какое имеет значение, кто сидит на троне?

– Если на престол сядет наш боярин... – начал было Янчура, но, увидев перекосившееся лицо Барбулсына, прикусил язык.

– Если сядет ваш боярин, то это уже будет не трон, а скамейка.

– Кто бы ни сел, я тебя, мурза, не брошу. – Вне сомнения, Янчура ждал боярина из Москвы, надеясь, что его жизнь изменится к лучшему. «Кто был внизу, вознесется наверх».

– Янчура, ты служил мне в трудные времена, безропотно делил со мной бедняцкую долю. Теперь ты можешь идти куда захочешь, я тебя освобождаю.

– Я не раб!

– Это так. В последние годы мы жили как равные. Однако перед другими ты все еще раб.

– Мурза, я два месяца назад принял ислам. Дал обет веры перед самим потомком Пророка! Ты и сам знаешь, что мусульманин не может быть рабом мусульманина.

Барбулсын удивленно спросил:

– Почему... ты мне не сказал?

– Не хотел обидеть.

Словно щипцами вытягивая из себя каждое слово, Барбулсын с трудом проговорил:

– То, что ты стал... мусульманином... и для меня... радость...

– Да будет на то воля Аллаха, пусть так и будет.

– Если из Москвы прибудет боярин...

Прервав его, Янчура смиренно склонил голову:

– Там видно будет.

Барбулсын все понял: Янчура решил покинуть его. Ему не нужно получить свободу кяфиром, потому что он не собирался ни пахать землю, ни наниматься к кому-то в услужение. Возможно, у него есть запрятанная кубышка, и теперь он намерен вытащить ее и приняться за торговлю. Если даже прибудут москвиты, он ничего не теряет – разве трудно скинуть с себя мусульманство, как старый бешмет?

Расстроившись, Барбулсын вышел во двор. Что делать? Судьба Арона его не интересовала. Откуда ему взять сто дирхемов? Если бы нашлась такая сумма, он не сумасшедший, чтобы отдать ее в руки армянину.

Но ясно одно: в Караван-сараях ему места нет, но куда идти голодному и раздетому? Покончить с собой?..

И все же в самой глубине души еще теплилась маленькая надежда. Ведь он может пойти к Крымским воротам в третий раз! Может. Только стыдно перед стариком в белой епанче. Ох, как трудно будет снова предстать перед ним нищим. Но нищета не знает смущения. Либо ты, укрывшись покрывалом стыда, умрешь с голоду, либо скинешь его под ноги и протянешь перед Судьбой руку...

«О Тенгри, почему я такой невезучий?»

Метет снег, холодный ветер рвет тонкую одежду. Закинув повинное от холода лицо к небу, где плывут свинцовые тучи, Барбулсын ждет от Тенгри ответа. Темнота, прятая в кустах, уже растеклась по округе, прикоснулась своими щупальцами к стенам кремля, словно огромный орел, распростерла безобразные крылья над бродягами и прочей гольтьбой, довершая их несчастья.

Он не сразу узнал сторбленного и бессильно опершегося на посох старика. С трудом можно было догадаться, что епанча на нем была

когда-то белой. Остановливаясь почти на каждом шагу, старик повел его по знакомому пути.

– Караван разграбили, – пытался оправдаться Барбулсын, но старик, похоже, его не слышал.

Так они шли довольно долго. Наконец, старик остановился. До мечети оставалось уже недалеко. Кивнув на короткую лопату, заложенную Барбулсыном за пояс, старик усмехнулся:

– Привык откапывать клады. Но не забудь – этот последний.

– Знаю, – шепнул Барбулсын.

– Отсчитай к мечети ровно триста шагов и начинай копать.

И Барбулсын снова остался в одиночестве в зимней ночи посреди чистого поля.

На трехсотом шаге он почти достиг входа в мечеть. Словно разрывая взглядом темноту, огляделся по сторонам. Что за силуэты маячат за мечетью? Выстроились в ряд. Нет. Это ему просто привиделось. Кто в такую темную зимнюю ночь станет там ходить... Надо спешить и найти клад, пока не рассвело... Нелегко будет долбить мерзлую землю.

Как бросается на глупую дичь измученный голодом старый волк, так, раскидав снег, набросился он на твердую землю. Холодный ветер пронизывал ветхую одежду, обжигая его худое тело, проникал до мозга костей, но он ничего не чувствовал, а, сжав зубы и глотая готовый вырваться из груди крик отчаяния, продолжал долбить короткой лопатой землю.

Яма становилась больше, глубже, а Барбулсын всё никак не мог добраться до клада. Он уже прошел промерзший слой земли, теперь стало легче копать. Глубина ямы по колено... по пояс... по грудь... Лопата прикоснулась к чему-то твердому и вздрогнула – он ощутил это не рукой, а сердцем. Земля была теплой, Барбулсын, нащупав, вытащил кожаный кошель.

Когда он выбрался из ямы, разгорался тусклый рассвет. Он прикинул вес кошелька. Впрочем, что там прикидывать, его содержимое уместилось бы на двух ладонях. На мешочке было что-то вышито. С трудом прочитал выцветшие буквы: «О душа, не вознось, всё переходяще в этом мире». Но смысл слов не дошел до его сознания, сунув кошель за пазуху, он поспешил к Таировой бане, что была расположена в устье Булака...

Косоглазый банщик встретил его настороженно, но возражать не стал, баня еще не остыла, горячей воды вдоволь, пусть моется. Да и время такое, неизвестно, кто есть кто. Скажешь неосторожное слово, могут и прирезать. Барбулсын скинул старую одежду.

– Сожги это, принеси мне новую!

– А деньги у тебя есть? – Банщик смотрел на него с недоверием и неприязнью. Барбулсын был ужасающе худ, кожа да кости, на лице застыла мучительная улыбка, от самого пахнет могилой – кому такой понравится? Кто такому поверит?

– Денег у нас целый мешок! Разве не видишь? – он помахал перед носом банщика кожаным кошельком.

– Вижу! – скривился тот. – А что внутри?

Кошель был полон медяков. Приблизив к глазам, банщик прочитал арабскую вязь на монете: «Это денга московская».

– Московские деньги!

Несколько посетителей, заявившихся в баню спозаранку, оглянулись на Барбулсына. На лице раздевавшегося неподалеку однорукого старика отразилась ненависть:

– Вот такие и мутят воду, – прошипел он. – На московские деньги!

– Этот уж больно задешево продан, – сказал другой.

Ничего не сказав в ответ, Барбулсын вошел внутрь. Если тебя считают продажным, глупо пытаться переубедить их в обратном. Горячий воздух опалил лицо, его раскаленные пальцы поползли подмышки, в затаенные уголки тела, туда, где еще прятался холод. Ах! Самое большое удовольствие этой жизни – баня! Самое великое наслаждение – наслаждение очищения, отрешения от скверны!

Он хлестал себя до тех пор, пока березовый веник не превратился в месиво, а тело не стало красным и холод не был изгнан из каждой клеточки. Потом долго мылся, а когда вышел в предбанник, банщика уже словно подменили! На его лице читалось подобоострастие, в глазах – собачья преданность.

– Этот криворукий, – сказал он шепотом, – когда-то ходил войной на русских. Передай кому надо...

– А ты у жены под подолом отсиживался? – спросил Барбулсын. Дюнощик опешил, понял свою оплошность и куда-то стремительно исчез. Барбулсын выпрямился, теперь даже его движения были величественны! Он набросил на плечи дубленую шубу, принесенную слугой, водрузил на голову огромную чалму и, расплатившись, вышел на улицу. На улице не было ни души, не было слышно и свиста санных полозьев, конского ржанья, хоть бы одна казанская собака твякнула...

Направившись по улице, – как оказалось, это была русская улица! – Барбулсын вытащил из кармана кожаный кошель и подбросил его в воздух. Он заметно полегчал. Медь есть медь, пусть она хоть московская. Выходит, конец мечте построить в Кураише дом и жениться – она еще тогда, в яме, осыпалась на снег вместе с желтой глиной. К тому же, он ведь хотел поставить возле дома мечеть... Барбулсын сплюнул. И раздосадованно вытер лицо. Ну, кто же плюет против ветра?!

Ох, и жадным оказался этот старик в белой епанче. Последний его клад вообще курам на смех! И что можно сделать на эти деньги?

Дойдя до высоких ворот под крышей, за которыми слышался смутный гул голосов, он остановился. Это же кабак, а ворота высокие, чтобы пьяниц не было видно с улицы. Решившись, Барбулсын открыл дверь и вошел внутрь. Небольшая изба в глубине двора словно и сама была пьяна, приплясывала, переваливаясь с боку на бок! Внезапно оттуда

вылетел краснолицый мужик с бородой лопатой и с волосами, постриженными под горшок. Не в силах отыскать дверь, заметался по двору. Барбулсын едва успел отступить в сторону. За мужиком выбежала растрепанная женщина – в руках у нее была кочерга! Ха-а, это был совсем другой мир; при виде того, как женщина пытается побить мужчину, кровь Барбулсына разгорячилась, ситуация, невозможная для татарина, подействовала на его сознание столь сильно, что ему захотелось оказаться на месте этого мужика, чтобы за ним бежала эта разъяренная женщина; почувствовав, что в нем пробуждается природный инстинкт, он внезапно хлопнул ладонью по поле своей шубы.

В дверях возник еще один русский. «А, князь!» – сказал он и, приобняв его за плечи, повел внутрь, так, словно они лишь вчера расстались и Барбулсын здесь свой в доску. За столом сидели пять-шесть человек и, судя по их виду, они сидели здесь уже несколько дней.

– Медовуху или наливку?

Барбулсын приказал принести медовуху – «богачи пьют мед!»

Перед ним поставили кувшин с пенящейся медовухой. Де-ла на-ла-жи-ва-лись...

– Басурман, ты слышал? – перед ним сел тот самый мужик с волосами под горшок, который давеча убегал от жены, и Барбулсын невольно нащупал пальцами короткую лопату, висевшую у него на поясе. Не зря говорят, если твой спутник русский, то держи топор наготове!

– На, выпей!

– Ты слышал, наши построили крепость в устье Свяги! – Мужик рассмеялся прямо ему в лицо.

Подскочил виночерпий, подхватил его в охапку и быстро увел во внутренние комнаты.

– Князь, ты не сердись на него, он лишнего выпил.

– О чем он бормотал?

– Так это же дело прошлое... Еще летом...

– На следующее лето переправятся через Идель и придут сюда! – крикнул кто-то.

– Самые знатные казанские беки на нашей стороне.

До слабеющего мозга Барбулсына дошло – они празднуют, настало их время! Московиты захватили Горную сторону – земли, на которых он родился и вырос! Землю его предков!

– Люди с Горной стороны уже приносят клятву московскому царю!

– Наливки! – крикнул Барбулсын. Оттолкнул от себя опустевший кувшин, тот покатился. – Значит, будет война.

– Война? Какая там война? – расхохотался один из русских. – Московское войско теперь никому не победить.

Барбулсын хотел наотмашь ударить по столу... но вспомнил, где сидит. Станешь показывать характер, пропадешь без следа, и тела не найдут. Впрочем, кто станет его искать? Он же сам залез в пасть змеи! – Русские – народ хороший, – сказал он, стараясь унять внезапно охватив-

шую его икоту. – У них душа широкая... У меня был один раб. Янчура. Теперь он знаете кто? Теперь он большой человек...

Подняв голову, он вдруг увидел – или ему привиделось? – что перед ним стоит Янчура.

– Мурза, я тебя ищу второй день. Пойдем. Пошли. – Янчура помог ему встать. – Совсем в свинью превратился.

В это время в дверь вошла стройная женщина. Лицо ее было немного бледным, но не утерявшим красоты, – показалось вдруг, что комната озарилась светом. Черные брови вразлет, глаза, как влажная черная смородина, сочные губы, похожие на красную вишню. Лицо Барбулсына побелело, как мел, и он медленно опустился на стул. Тем временем женщина скрылась в дальних комнатах. С остекленевшим взглядом и сухими, как песок, губами, Барбулсын только и смог что пробормотать:

– Мама?..

Янчура обреченно покачал головой – дошел хозяин окончательно... Но Барбулсын, напротив, совершенно отрезвел, и неожиданное явление женщины потрясло его до глубины души. Умом он вроде бы и понимал – эта женщина никак не может быть его матерью, мать не может оставаться такой же молодой и красивой, как в их последнюю встречу! Но ведь и глаза не обманывали его – только что мимо него прошла его мать!

– Кто это?

Янчура понял его вопрос по-своему. Мурза напился, разгорячился, теперь ему нужна женщина... это естественно. Но только зря он возлагает надежды на эту.

– Это прислуга кабатчика Андрея.

– За сколько он ее продаст?

– Мурза...

– Иди, узнай!

– Твоя воля, мурза. Но эта затея пустая.

Вслед за Янчурой вышел и тот мужик с волосами под горшок.

– Ха, басурман! Марфа понравилась? А ты знаешь толк...

– Какова цена?

– Денег у тебя не хватит.

– Скажи цену!

– Пять дирхемов!

Барбулсын вытащил из кармана кожаный мешок. Потряс им. Все разразилось хохотом. Мешок был пуст.

– Уходи! – сказал мужик, толкая его к двери. – Оборванец... Марфа, видите ли, ему понадобилась.

Пьяницам этого оказалось достаточно. Они снова начали смеяться над Барбулсыном, тыча в него пальцем:

– Если нужна Марфа, займей толстую мошну.

– Да!

– Ей сегодня не до тебя, она с поминок матери только что вернулась.

– Тетка Анастасия разве матерью ей была?

– Да. Когда-то Хромой Алексей купил ее у атамана Митряя, потом крестил ее и женился на ней.

– Пусть земля ей будет пухом, – пьянчуги невпопад перекрестились. – Она была примерной, очень верующей старушкой.

– Верующей, – усмехнулся один из присутствовавших – узкоглазый русский, который до сих пор не вмешивался в разговор и сидел, поглаживая свои черные, как конская грива, волосы. – А вы знаете, что, умирая, она крикнула: «Алла!» Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

Барбулсын не стал слушать и не помня себя бросился к двери, ведущей во внутренние комнаты. Бросился... И, споткнувшись о ногу мужика с волосами под горшок, грохнулся на пол. Очнулся он только на улице. Янчура пытался поставить его на ноги. С неизвестно откуда взявшейся дикой силой Барбулсын ударил своего бывшего раба по лицу:

– Уходи!

И в одиночестве, шатаясь из стороны в сторону, побежал по улице. Землю уже окутала темнота.

Барбулсын спешил к Крымским воротам.

– О Тенгри, почему я так несчастлив?

Он уже ни на что больше не рассчитывал. И старик в белой епанче больше не придет, не положит свою руку ему на плечо. Он ведь тогда сказал: «Не забудь, это в последний раз!». Старик был очень изможден, может, он уже умер... Неужели Судьба тоже смертна? Но Барбулсын пока ведь жив! А в живой душе всегда теплится надежда.

– О Тенгри!

Отодвинув со лба чалму, Барбулсын вытер проступивший холодный пот. Как он дошел до этого? Ведь он был рожден благородным сыном хорошего отца и хорошей матери. А теперь он приблизился к концу своей жизни, а на этой земле – своей земле! – не вбил ни единого колышка, и нет у него никого, кто бы подал ему глоток воды в последние мгновения жизни... За что ему такое? И разве совсем недавно его судьба не была в его руках?

Нет ответа. И остается, глядя в холодное небо, взывать:

– О Тенгри! Помоги мне...

Нет, не будет помощи.

... – Тенгри милостив... – Старик в епанче снова вел его к темнеющему вдалеке минарету мечети.

– Аксакал! У меня не было другого выхода, прости. Я нашел маму!

– Я давно ждал от тебя этих слов.

– Знаешь, она недалеко отсюда. Она в русском доме! В кабаке...

– Когда ты заполучил кованный дубовый сундук...

– Я тогда был молод и глуп. Ах, аксакал, ты тогда меня не надоумил...

– И клад в горшке...

– Что было, то прошло! Нужны пять дирхемов, всего пять дирхемов, чтобы спасти маму.

– В кошельке было денег ровно на пять дирхемов.

– Прости, аксакал, прости...

– Не у меня, а у матери попросишь прощения... Когда доберешься.

На это раз шли очень долго. Старик то и дело отдыхал, опершись на палку, кашлял, тяжело переводил дух. Дойдя до мечети, он прочитал какую-то молитву. Барбулсын наконец разглядел силуэты, которые заметил в прошлый раз, и по его спине пробежал холодок – это были надгробные камни! Мечеть была построена возле кладбища.

Не дойдя до кладбища десяти шагов, старик остановился.

– Копай здесь!

По колени... по пояс... по грудь... по шею...

Клада не было. Теперь было ясно – старик в белой епанче обманул его. Обманул и сбежал. Да, его первое слово было верным – Барбулсыну было суждено лишь трижды получить вознаграждение... Что толку теперь обвинять старика? Понимает, понимает Барбулсын, здесь ничего нет – ни золота! ни серебра! ни меди! Но душа не верит: может, не здесь, а чуть в стороне?... Страсти дают человеку силу жить! Яма стала еще глубже, еще шире, вытянулась в длину на три аршина – ноклада все равно не было.

Шумно дыша, Барбулсын выбрался из ямы. Долгая зимняя ночь заканчивалась, но солнце, похоже, так и не взойдет. Он задрожал. Его вид был жалок – одежда висит клочьями, колени разодраны в кровь, ладони покрыты кровавыми ранами... Он с удивлением посмотрел на яму – неужели он один выкопал ее? Вдруг на дне ямы словно что-то шевельнулось. Вроде человек? Тянет обе руки к нему... И лицо такое знакомое – улыбающееся, словно полная луна, лицо... Зовет, зовет его!

– Мама!

Барбулсын, раскрыв объятия, бросился вниз...

Словно только и ждали этого, к краю ямы приблизились две фигуры.

– Надо похоронить, – сказал старик в епанче Янчуре, ставшему на самом краю могилы.

– Прямо так?

Старик снял епанчу и протянул Янчуре:

– Вот... будет саваном...

– Как-то неправильно это...

– Таков обряд. Он сложил голову в неравной битве.

– Надо бы прочитать заупокойную молитву.

– Так прочитай...

– Но я снова вернулся в свою веру. Я – Василий!

Старик в белой епанче улыбнулся, он очень давно жил на земле и уже ничему не удивлялся.

– Не волнуйся, ангелы прочитают на небесах.

Янчура прислушался, закинув голову, посмотрел на холодный небосвод – но ничего не было слышно, никого не было видно.

Амир МАКОЕВ

ШЫЛАПЧЫКЪНЫ АЙРЫКАМЫ

Тимур атасыны агъач жонуучу бичагъы бла нарат агъачны бутагъындан кесине къама жона тургъанлай, орамда улоу тохтагъан таууш эшитилди. Терк окъуна бичакъны, мюйюшде сюелген столну эшигин ачып, жерине салып, къол бычхыны да орунуна тагъып, эшик жепиден тышына къарады.

Бир ненча адам бушуулу тынгылауда, аякълары да къаймише, арбазгъа эки сал басхыч кийргенлерин эследи. Мында ажымлы жоюлгъанланы хапарларын тунукъ айта сюелген адамла да бушуулу шошлукъгъа берилдиле. Жаланда аланы ахтыннган эм кючсюннген солуулуры эшитиле эди. Бир ненча такъыйкъадан ол шошлукъну анамы эгечини, юйден арбазгъа чартлап чыгъып, сыйыт этип жилигъан тауушу бузду. Къаяланы титиретген сарнауу кенг арбазны, анда сюелген адамланы да таралтады. Ол затны кёрген Тимур да, башлагъан жумушун ахырына дери жетдиралмазлыгъын сезгенча, атасыны ишчи кереклерине тийгенин билдирмезча, бычхыны ауузундан чыкъгъан фоткуланы¹ бла бичакъ ауузундан тюшген жонгурчхаланы сыйпаргъа хазырланды. Жарты ишленнген къамасын да букъдурду.

Ол кезиуде эки киши, сарай аллы бла озуп, бахча къыйырындагъы къую таба ётдюле. Аладан бири, суудан толу челекни кётюре, нёгерине сорду:

– Ажымлы ёлгенлени ызларындан къарагъан ёксюзле бардыла дейдиле. Алаймыды?

– Айтыулагъа кёре, эки сабийчиклери барды. Тамата жашчыгъына алты неда жети жылчыкъ болады. Къызчыгъыны уа, тюз эшитген эсем, тёрт жылчыгъы толу толмагъанды.

– Ай медет а, не эртте сынадыла ёксюзлюкню ачы къадарын...

Экиси да, суусапларын къандырып, бет-къол жуууп, хуржунларындан чыгъаргъан кёксюл жан жаулукълары бла сыйпап, юйню огъары жанында сюелген уллу къоз терекни тюбюне барып, бирер тютюн къабындырып, букъулатып башладыла. Энтта бир ненча улоу келип, орамда тохтадыла.

¹ Фотку – агъачны бычхы бла кесгенде тюшген мурула.

Тимур кенчегинден, юсюнде жомакъладагы бурундукъ-чукъланы сураты салынган кексюл келекчигинден да букъларын кьагъып, сарайдан арбазгъа чыкъды. Мудах бетли кьоншу тиширыула юйге кирселе, андан аланы жилиу-сыйыт этген тауушлары эшитиледиле. Арбаз да адамдан тола башлагъанды. Бушуу-бушман этедиле: ачыулу, жарсыулу иш кьалай болду деп, бир бирлеринден аны болушун сорадыла.

– Айтханларына кере, экиси да кеслерини женгил машиналары бла бара тургъанлай, ауур жюкле ташыгъан улоу бла кьагъышхандыла. Уллу улоуну жюрютген адамгъа жукъ болмагъанды, ала уа....

– Сабийле ата-анасыз кьалдыла, замансыз ексюз болдула. Олду бек жарсытханы ансы, емюрлюк ким барды?

– Алайды.

– Быллай къара кыйынлыкъны абадан адам да кетюраллыкъ туйюлдо. Сабийле уа кьалай болсунла?!

Тимур, эки жалан аягъыны да кьызгъан асфальтны кюйдюргенине кючден тезюп, чабып барып, терезе тюбюнде гюллеге белюннген кьыртишчикде тохтады. Сора, кьызыл чакъгъан байрым гюлге кьонуп тургъан бал чибинни кьыстап, гюл кенни артындан сандалчыкъларын алып кийди. Кьоншу тиширыу, терезеден къарап Тимурну кергенде, тышына чыгъып, жилиамукъдан толу кезлерин сыйпай:

– Балачыкъ, энди сизге не кюн келликди, – дегенни айтып, зыбыр кьоллары бла сабийни эки жаягъын сылады. – Кел, балам, бизге, – деди, кьолчугъундан тутуп. – Бизде тур, Рустам бла ойнарса. Люсячыкъ кьайдады? Орамдамыды? Бусагъат аны да табайыкъ.

Ол Тимурну кеси арбазына алып келди. Жапма тюбюнде олтуртуп, кеси уа юйге кирип кетип, аш отоудан татлы алма хычин, бир ненча кампет эм сууукъ лимонад чыгъарып, жашчыкыгъа берди. Ызы бла, кесини жашы Рустамны чакъырып:

– Орамгъа чыкъ да, Люсяны, излеп табып, бери келтир, – деп буюрду.

Тимур бишген кертмеледен сыгъылгъан сууукъ лимонаддан ичди. Кампетлерин да, эки тенг этип, хуржунчукъларына сугъуп, орамгъа чыкъды. Сепгил бетчигине тийген кюн таякъладан кезчюклерин жумду. Энди ол да келегиндеги ышара тургъан бурундукъчукълагъа ушайды. Орамны энишге атланды. Ол кезиуде кюн таякъла булут артына бугъуп, сериуюн аязчыкъ урду, хауадан келген салкыынлыкъ келюне асыу сезим салды. Эртте атасы айтыучу кенг къанатын жайып кюнню аллын жабычу, жерге къарангылыкъ бла сууукълукъ жайычу къанатлыны юсюнден жомакъны эгерди. Болсада, бусагъатда кюнню аллын жапхан а боз булут эди.

Тимур бир ненча юйню озгъанлай, тенг къызчыкълары бла ойнай тургъан эгешчигин эследи. Люся да, аны кёргенлей, ызындан тагъылды.

– Къайры бараса? – деп сорду.

– Бир жары да угъай, – деди Тимур. – Мени ызымдан келме.

– Суу жагъагъа бара эсенг, мен да сени бла...

– Бармайма. Сен бусагъатлай Ниналагъа табыл. Сени излей жашы Рустамны ашыргъанды.

– Ыхы, мен билеме: сен жууунургъа бараса! – деп кычырды Люся. – Мени биргенге алмасанг, эркинликсиз суу жагъагъа баргъанынгы анабызгъа айтырыкъма.

– Теличиксе сен. Энди анабыз жокъду. Ёлген этгенди!

– Нек?

– Атабыз да ёлгенди!

– Нек ёлгендиле? Ыннагъамы кетгендиле?

– Кетгендиле, кетгендиле. Ала авариягъа тюшгендиле. Авария не болгъанын билемисе?

– Уллу, терен урумуду ол?

– Кесингсе уру. Билмейсе. Алай эсе уа, тынгылап тур!

Тимур, тохтап, хуржунундан эки кампет чыгъарып, эгешчигине узатды. Къызчыкъ, харбыз ашагъан болур эди, бетинде суусун ызла къургъакъсыпдыла. Баям, харбыз ашаугъа бурунчугъу да къошулгъан болур эди ансы, аны кыйырчыгъында да харбуз суу къум къатыш жабышмакъ къара тамгъа ишлеп тургъаны эсленеди. Чачлары да, эки жанына тенг чюйюлюп, тюрсюнлю созукку баучукъла бла къапдырылып, башын тепдирсе, ала да, бишген будай машакълача, ары-бери чайкъала сюеледи. Эки кёзю уа, чакъгъан гюллеча жылтырай, хыйласыз эм ийнаныулу къарайдыла. Къызчыкъ олсагъатлай алтын къагъытха чёргелген кампетледен бирин ачып, жут ашап тебиреди. Бирси кампетин аулакъ гюлле бла сырылгъан жарыкъ тюрсюнлю къумачдан тигилген жыйрыкъчыгъыны жангыз хуржунчугъуна салды.

– Хо, сен айтхан болсун, – деди Тимур, – биргеме кел. Жаланда артда къайры баргъаныбызны, не кёргенинги адамгъа айтма. Ол жерни кёргюзтген да этме. Тасхасын къаты сакъла. Охому?

– Ангыладым, – деп, Люся къарындашыны айтханына женгил бойсунду. – Бир адамгъа да билдирлик туюлме.

Тимур бла Люся жашагъан юй шахарны кыйырында орналып эди. Аны себепли тюз да юйню аллында адамла ташыучу автобус тохтарча, башы чайыр ичирилген къара къагъыт бла жабылгъан жапмачыкъ сюеледи. Алайны озуп, сол жанына бурулсанг, жауун суула кетиучу индекни ётген кёпюрчюк барды. Андан ары бир жюз атлам этсенг, огъары элни бойсунуунда тургъан, аны жамауаты хайырланыучу уллу аулакъгъа чы-

гъаса. Ол жерни кыйырында адамла кеслери орнатхан кшош-хасалмаз терекле, бир ненча тизгин сюелип, жукъа ёседиле. Алайдан салма жолчукъ бла бираз барсанг, тюз да ортасында – айрыкамчыгъы, айрыкамда уа кынгыр ёсген жангыз тереги болгъан кёк кёлге чыгъаса. Тимурну мураты да алайгъа барыргъа эди.

Сабийле экиси да биченликни кыйыры бла баргъан ёр жолгъа чыкъдыла.

– Биз кёлге барабыз, – деп ангылатды Тимур. – Мында эки кёл барды. Бири, ма, ийнонда, кёремисе? – деп, бармагъы бла онг жанына кёргюзтдю. Люся, кёлню эслегенин, башчыгъын силкип ангылатды. – Биз ол кёлге барлыкъ тыйюлбюз. Бизни жолубуз башында, элни огъары жанындагъы кёлгеди. Атам бла мен ары чабакъ тутаргъа жюрип тургъанбыз. Эрттенликде танг аласында сен татлы жукълап тургъан заманда барыгучу эдик. Атабыз манга кёлню ортасында айрыкамда шылапчыкъ жашагъанын айтыгучу эди. Аны уа сейир-тамаша затла эте билген кёзбау таякъчыгъы барды. Не сюйсенг, аны эте билген аламант таякъчыгъы. Кеси да билгичди.

– Ол манга къаллай бир сюйсем, мороженный, татлы ашарыкъла, кампетле саугъа эталлыкъмыды?

– Айхайда, эталлыкъды. Айтама да, ол не тюрлю тилекни да толтуралады. Жаланда атам айтыгучу эди, сабий таматаны сёзюне сыйынмай эсе, аллай адам айтханны этмегенин тилегин толтурмайды. Мен а бюгюн, атабыз эркинлик бермей тургъанлай, аны агъач жонуучу бичагъын алгъанма. Аны себепли шылапчыкъ, баям, манга саугъа берлик тыйюлдю, тилегими да толтурлукъ болмаз. Сен а бюгюн хыли этмеген эсенг, тилегинги жерге салмай тамамларыкъды.

– Сен атабызны бичагъына тийгенинги шылапчыкъ къайдан кёргенди?

– Кёрмегенди, алай а хар нени да уста биледи. Айтама да, ол билгичди.

– Мен а бюгюн Мадинаны жилек вареньясы болгъан чынын тапхычха тюшюргенме: варенья да жер къан, мияла чын да парачара болгъандыла. Шылапчыкъ ол хылими биле болурму?

– Нек сындыргъанса?

– Мадинаны анасы ол чынны мени бояу суратла этигучю дефтериме салгъан эди. Мен а дефтерими алама дегенлей, мияла чын аууп, тапхычха тюшюп, сынып къалгъанды. Мадина да, сен да хар заманда серилгенлей, тели-мели оюнла этип турасыз деп, тенг кызымы анасы бизге урушхан да этгенди. Менде уа не терслик, чын кеси тюшюп, кеси сыннганды. Энди шылапчыкъ мени тилегими да, толтурмай, эшитмегенча этипми къоярыкъды?

– Угъай, толтурлукъ туююлдо. Энди болуру болду, умут да этме.

– Ух-х, къызгъанч. Сора биз ары нек тебирегенбиз? Мен барыргъа суймейме. Ол да, Мадинаны анасыча, урушуп, айып этип башласа суймейме.

– Биз саугъала алыргъа бармайбыз. Аллай бирчикни ангыламаймыса? Мен андан атамы бла анамы сау эт деп тилерикме. Биз кесибизге жукъ излемейбиз, аны себепли, жалбаргъаныбызны ангылап, жан аурутур деген умутлума. Кертисин айтханда уа, шылапчыкъ бар тилеклени да толтуруп бармайды. Башха адам ючюн тилесенг, аны ажайыпсыз тамамлайды. Кесинге керекни тилерге уа жарамайды деп, алай ангылатхан эди атабыз.

– Мен а башха адам ючюн тилерик туююлма. Ол угъай, шылапчыкъгъа барыргъа, аны кёрюрге да суймейме.

– Атабыз а, анабыз а? Биз аланы ол дуниядан бери къайтарыргъа керекбиз.

– ...Хо, сен айтхан. Сен ол шылапчыкъны кёрген а этгенмисе?

– Угъай, кёрмегенме. Биз аны жашагъан жерине кюндюз барып тургъанбыз, ол а кюнню жарыкъ кезиуонде жукълап болады.

– Орамгъа уа не заманда чыгъады да?

– Не орам хапар айтаса. Айыркамда орамла жокъдула. Анда жаланда къынгыр ёсген бир уллу терек барды. Аны тубюнде уа – курка. Шылапчыкъ ол куркада жашайды.

– Сора биз аны къалай кёрлюкбюз?

– Курканы тешигине келип, ийилип, чакъыргъан этерикбиз. Атабыз айтхан эди: шылапчыкъны аты Оки-Фиокиди.

– Ол Оки-Фиоки дегенинг а уллумуду?

– Гитчечикди. Къалай унутаса, ол шылапчыкъды. Сенден да гитчеди.

– Биз чакъырсакъ, Оки-Фиоки олсагъатлай чыгъарыкъмыды?

– Биз аны чакъыргъан кезиуде, кюн таула артына ташайып болургъа керекди. Кюн тийген заманда шылапчыкъ куркасындан чыкъмайды. Шылапчыкъгъа къарангыда барайыкъ деп, атабыздан кёп кере тилегенме. Ол а бир кюнде элтирме деп тургъанды.

– Сен кесинг а нек бармагъанса? Къоркъгъанмы эте эдинг?

– Ыхы, билемисе ол къаллай узакъ жолоучулукъду! Бусагъатда уа болум башхады, атабыз атлаялмайды, баралыкъ туююлдо.

– Атабыз а нек атлаялмайды?

– Ай, жартыбаш, сайакъыл, атабыз ёлген этгенди деген ушайма да. Анабыз да ёлгенди. Ала авариягъа тюшгендиле.

Авария уа – эки улоу бир бирлери бла к’аг’гышхан болады, ол заманда улоудаг’гыла ёлген этедиле. Мен, тюз да аны эшитгенимлей, кёлге барып, Оки-Фиоки бла тубеширге кёлленгенме. Атабызны бла анабызны жерге басдырг’дынчы ашыг’гырг’а керекбиз. Оки-Фиоки кесини кёзбау таяк’чыг’гы бла жан салса, артда алаг’а жер тубюнден бери чыг’арг’а к’ыйын боллук’ду.

– Кел, шалабчык’дан тилейик да кёзбау таяк’чыг’дын бизге сауг’аг’а берсин.

– Ыхы, иги к’аты сак’лап тур. Мен бюгюн атабызны аг’ач жонуучу бичаг’гына бош тийген эдим. Терс болг’анма. Ансы таяк’чыг’дын ортак’г’а берирге да болур эди.

– Ма, энди сен кесинг да терс болдунг.

– Сен а? Жилек вареньясы болг’ан мияла чынны ким сындырг’анды?

– Ол сени ишинг болмасын.

– Алай эсе, мен атабызны бичаг’дын алг’аным да сени ишинг туююлду.

Экиси да даулашып бара тург’анлай, алларында аг’ач кертме терекни бирден эледиле. Аны к’арт бутак’лары, кючлери тауусулг’анча, ийилип, к’ыйырлары жерге жетер-жетмез сюеледи. Бутак’лада чапырак’ да – аз, кертме да жок’ду. Жаланда бийикде, тёнгегинден айырылг’ан уллу бутак’лада кертмеле сап-сары бишип, ашарыг’ынгы келтирип салынадыла.

– Алашадаг’гы бутак’ланы кертмелерин ашап тауусхан дыла. Башындаг’гыланы уа жеталмай к’алг’ан болурла, ариу бишипдиле. Кеслери да – уллула, – деп чертди Люся.

– Кесим да кёреме, – деди Тимур. Хуржунларындаг’гы кампетлени чыг’арып, аланы кырдыкга атды. Ызы бла ойнаучу ашык’ларын бла жук’ну уллу кёргюзтген төгерек мияланы атды. Кёнчекчигини арт хуржунундан созукку бла байланган автомобиль эришиулеге салыныучу женгил машиналаны тюрсюнлю суратчык’ларын чыг’арып, алаг’а бираз к’арап, чыг’арг’анына сок’уранган этгенча, ызына салды.

– Сен терекни баш бутаг’гына таг’ылаллык’ туююлсе, – деди Люся, – к’олунгда таяг’ын да жок’ду.

– Былайда мен таяк’ к’айдан табайым? – деп ачыуланды Тимур. – Таяк’ уг’ай, таш ок’уна жок’ду. Андан эсе, терекге таг’ылайым.

Тимур чурук’ларын тешди, кертмелени к’оюнуна салг’анда, ич кёлегинден тюшюп кетмезча, аны кёнчегине теренирек жыйды, белбауун к’атырак’ тартды. Жалан аяк’лары бла кертме терекни зыбыр тёнгегине илинип, ыхтына-ахтына кетип, юч уллу бутак’ айырылг’ан жерге дери таг’ылды. Ол кезиуде терек чайк’алып, Тимурну ичине к’орк’уу кирди. Бутак’ладан к’аты тутуп, энишге да бир к’арады, сора кюн

бетли кертмелеге аралды. Алагъа дери уа, къоркъмай узалса, бир къарыш чакълы къалыпды.

– Ма аланы, аланы юз манга! – деп буйрукъ берди Люся.

Тимур эки аягъын, къолларын да къуругъан бутакълагъа сыдырта, ачыгъанына да къарамай, дагъыда ёргерекге тагъылды. Кертмелеге жеталмады.

– Тагъыл, тагъыл, – деп кёллендиреди Люся, – аз къалгъанды, къоркъма.

Тимур андан ары баралмай, бутакъны къагъаргъа кюрешди. Болсада, кертмеле, бутакъ бла бирге чайкъалып, тюшерге ашыкъмай салынадыла. Тимур кюч алып, бутакъны жангыдан къагъады, бутакъ сынып, аны бла бирге жерге жыгъылды. Эки бишген кертмени да эзип, аланы да ат басхан макъача этди. Мангылайында сыдырылгъаны болгъанын хазна ангыламады. Алай а аякъ ашыгъы кюйюп баргъанча къызгъанын терк сезди: сыдырылгъан этини зыбыр ызына къан тамычыла жыйыла тургъанын эследи. Тыншчыкъ, адам жан аурутурча жилип башлады.

Люся кертмеледен бирин алып, жут къапды, аны татлы суу эринлерин, сакъалчыгъын жуууп, бармакъ орталары бла саркъды. Экинчи къабардан алгъа:

– Жилияма, ма, кертмеле былайдадыла. Эки, юч, алты, төрт – кёремисе, бир къадар бардыла. Экибизге да жетерикдиле.

Люся кертмесин ашап бошаргъа, Тимур да, бурунун терк-терк тарта, жилиамсырагъанын тохтатмай, ёрге турду. Кертмелеге къарагъан окъуна этмей, чурукъларын акъыртын кийип, жолгъа атланды.

Бираз баргъандан сора: "Бармакъларым бир бирге жабышаддыла, кертме сууну жууаргъа керекди", – деди Люся.

– Къайдан табайым суу? – деп къайырылды Тимур. – Былайда суу табарыкъ туююлбюз. Санга алай керекди, ызымдан тагъылмагъы эдинг. Менде терслик жокъду. – Болсада, Люся жилиаргъа хазыр болгъанын билдире, кёзчюклерин ууа башлады. – Охо, бираз тёз, – деди ол.

Тимур уллу мант чапыракъ юзюп, аны бла эгешчигини къолларын сыйпады.

– Болушмайды, – деп, жангыдан жилиамсырады. – Мен суу ичерге сюеме, суу ичерге сюеме, суу сюеме.

– Алай эсе, бираз тёз, – деди Тимур сансыз, – кёл болгъан жерге кёп къалмагъанды. Неда арлакъда къош барды, алайгъа дери тёзерге кюреш.

– Кёлге, къошха да бармайма, мен юйге къайтыргъа сюеме.

– Ыхы, бар. Мен сени къолунгдан тутуп, иймейми турама? Не уа кишен салыпмы тыяма? Къайры ашыкъгъаныбызны унутханмы этгенсе? – Люся жилигъанын тохтатмай, гыр-мыр эте, къарындашыны ызындан атланды.

Кюн булут артынамы, огъесе тауладан арымы ташайды, букъгъанды, кёрюнмейди. Бир ненча къара булут кёкню жырып барадыла. Тау башындан сууукъ аяз къатыла башлагъанды. Алларына гебенекле тубей да, учуп барып, къалын кырдыкны ичине ташаядыла. Тимур башха заманда аланы ызларындан болмай къаллыкъ туююл эди, бусагъатда уа ол къайгъылы туююлдо. Жаланда Люся жилигъанын унутуп, гебенеклени учхан ызларына кёз къакъмай къарайды. Кёп да бармай, уллу дуппурну этегине жетдиле. Люся арыгъанын билдирип, солуюкъ деп тиледи.

– Охо, солуюкъ, – деп, Тимур ыразы айтды. Атабыз бла келгенде да, эс табаргъа былайда тохтаучу эдик. – Тимур къыртишге чөгелеп, аягъында жарагъа къарап башлады. Къан уюп, жарасы къотургъа айлана башлагъанды. Анга тийсе ачырыгъын билгени себепли, кёзчюклерин жумуп, бармакъчыгъы бла жарасына аз къатылды. Жангы жара кесин билдирди. Тимур, терк окъуна бармагъын ачыгъан жерден кетерип, Люсягъа къарады. Ол а, биягъы жилиргъа хазырланып, эринин-бурунун чюйюрюп турады. Тимур кёк кырдыкны къалыныракъ жерчигин сайлап, сыртындан жатып, кёкге аралды. Анда ашыгъып баргъан булутла бир бирлерин жетип къойсала, сейир къоркунчлу сыфатлагъа киргенлерин эслейди. Бир кезиуде булут жайыла барып, алгъаракъда атасы бла бирге кёкге жиберген хауада учуучу, къагъытдан ишленген жилинны суратын кёз аллына келтирди. Дуппур къатындан макъам таууш эшитилди.

– Мени жукъум келеди, – деди Люся. – Бюгюн жукъламагъанма.

– Аха, сора жукълагъан этерик эдинг. Анабыз кюндюз бөлесе, кёзюнгю кысаргъа окъуна унамаучуса, бусагъатда уа жукъунг келеди.

– Хау, бусагъатда уа жукъум келеди.

– Алай эсе, мен кесим барайым. Сен а былайда къал да, жукъла. Ангыладынгмы?

– Тимур, кел, андан эсе, юйюбюзге къайтайыкъ, мен къоркыгъан этеме. Кеч къалсакъ, анабыз урушхан этерикди.

– Мен кесим барама, сен а сюйгенинглей. Бар юйге.

Ол сёзлени айтып, Тимур, эрляй туруп, жолгъа атланды. Бир ненча атлам этип тохтады. Арлакъда, къалын кырдыкда, уллу жууагъа ушагъан бир акъ къалпакъны эследи. Къалпакъ нек эсе да бирде сол, бирде онг жанына бурулады. Эгешчигине энишге ийил деп, белги берип, кеси да бауурундан кырдыкга жатып, къалпакъ кёрюннген таба сюркелип тебиреди.

– Арлакъда бирда болмагъанча уллу жууа жашайды, – деп, Тимур, солууун кючден ала, эгешчигине билдирди. – Аны жаны барды, тепген этеди. Ким биледи, ол билгич жууа эсе уа, сөлеше

биле эсе уа... – Ол дагыда эгешчигине жууа бла байламлы бир кѳауум оюмун айтырыкѳ эди да, кѳалын кырдыкны жырып, ала таба келген кѳалпакѳны эслеп, шум болду. Башын жерге жууукѳ кѳысып, Люсяны букѳдургѳан этгенча, кѳолларын аны сыртына салды. Тюрслеп кѳараса, жууа ала таба келе турады, кырдык малтаннган таууш да беѳден-бек эшитиле башлагѳанды. Бир заманда таууш тохтайды, Тимур башын жерден ѳрге кѳтюреди.

– А-а-а, сизмисиз былайда шыбырдай тургѳанла? Мен а, сизни кѳрмей, кѳулагѳыма эшитилген сунуп, терен сагѳышда келе турама. Кырдык быйыл кѳутуруп ѳсгенди, кеси да – кѳалын. Чалгѳы силдей келип, биригизни ачытсам кѳалай боллукѳ эди?

Тимур кѳзлерин ачып кѳараса, алайда уа кѳолунда да чалгѳысы бла орта бойлу кѳарт кишичик сюелип. Юсюндеги кѳлегин тешип сыкѳсанг, иги кесек тер суу агѳар эди. Башында уа – акѳ жюнден ийленип этилген кийиз кѳалпакѳы. Кѳартны гитче, боз бетли кѳзлери сабийлеге сюйюп кѳарайдыла, алада огѳурсузлукѳ эсленмейди.

– Сиз быллай узакѳ жерге, тамата нѳгеригиз болмай, кѳалайлыкѳ бла тюшгенсиз? А-а-а, баям, арлакѳда кюнлерин оздур тургѳанла бла келгенсиз, – деп, макѳам тауушла чыгѳа тургѳан жанына кѳргюзтѳю. – Кѳарачыгѳыз, сизни ата-аналарыгѳыз биченлигиме не этгендиле. Машина бла чаллыкѳ ортасына кирип, ары да бар, бери да кел, кырдыкны халек этгендиле.

Сизни кесигизлей былай узакѳгѳа, тас болурсуз деп кѳоркмай, бош жибергендиле. Келигиз мени бла, бусагѳатда кюнорта ашарыкѳны тамам кезиуо жетип турады. Кесим ашаргѳа эринген этеме. Эртте былай эригиуло тѳойюл эди. Тууудукѳчугѳуму келтирип, мени бла кѳойгѳан эдиле да, бир ауукѳ заманны зауукѳ этип турдум. Энди уа анга юйреннгенме да, болалмайма.

Кѳарт сабийлени эшек арбасы тургѳан жерге элтди. Аны аумасында – чалыннган кырдыкны юсюнде – кюнорта ашыбашы да уллу жан жаулукѳ бла жабылып, бир ненча наша бла бадражан, бишген гаккыла, юй гыржын, бишлакѳ эм уллу мияла шеша бла бир айран.

– Билмейме, алайда сизни не бла сыйлайдыла. Баям, эт кѳууура болурла, менде уа бу барды, – деди, сабийлени аумада чалыннган кырдыкга олтурта.

– Мени уа кѳолларым жабышмакѳдыла, – деди Люся, эки кѳолчугѳун узатып.

– Алай эсе, – деди кѳарт, – бусагѳат биз аланы таза этейик. Мен чалгѳыны заманында суу ичмейме, терлетген этеди. Арбада уа хар заманда, бир керекге деп, суу тутама. Ма, керек болду да кѳалды. Харбызмы ашагѳан эдинг? Тутчу кѳолчукѳларынгы, бусагѳат жууайыкѳ, таза этейик. – Кѳарт кѳызчыкѳны

къялларын жуууп, заман онгдургъан тюрсюнсюз жан жаулукъ бла къяургъакъ сыйпады.

– Ашагъыз. Ашынгы биреу бла тенг этип къяапсанг, ол та-тыулу болады. – Стаканнга айран къяууп, Тимургъа узатды. Ол, уялмай, бир тогъугъанлай бошатып, Люсягъа быллай суусап бермегиз, ол сыймеучюдо, – деди.

– Бусагъатда уа ичерикме, – деп, Люся ачыуланып айтды. – Суусап болуп турама.

Стакан толу айраны, эринин-бурунун жыйыра, кёпге созуп, кючден ичип тауусду. Ызы бла, анга артылгъан гаккыны бла гыржын туурамны алып, ашап тебиреди.

Ала олтургъан жерден арлагъы бла бир атлы озду. Ол ке-зиуде къяартны кишенленип тургъан эшеги, башын бийик кё-тюрюп, аулакъны толтуруп окъяду. Сабийле, сескенип туруп, эшекни къячырыгъына сейирсинип тынгыладыла. Сабийле гырайтны бусагъатда эслегендиле.

– Бу а кимди? – деп сорду Люся.

– Ол а мени гырайтмы, – деп жууаплады къяарт. – Мен, кыр-дыкны чалып, бичен этеме да, ол а юйге ташыйды.

– Бизни аппаны эшеги уа сизникинден уллуду, – деп махтан-ды Люся. Ызы бла: – Ол ат бла эшекден туугъанды, – деп чертди.

Къяарт ариу ышарып айтды:

– Сизни аппагъыз насыплыды, Аллах ёмюрюн узакъ этсин! Сиз да аны къяууандыра жашагъыз! – Къяарт, арбаны аумасында табыракъ олтуруп, не эсе да бир хапар айтыргъа хазырланды. Бираз сагъыш этип, былай башлады: – Мен жашымы кёрмей, төрт жыл тургъанма. Бир кюн а манга къяонакъгъа келген эди. Келгенде да алай келгенди, уллу саугъа алып: жашчыгъын кел-тирген эди. Ол да – тюз сенича, бир къяамсыкъ жашчыкъ, – деп, Тимурну башын сылады. – Мен аны чалгъы чалгъан жериме келтирип тургъанма. Ол биринчи заманда эшегими къятына барыргъа къяоркыгъан этиучю эди. Бираздан а, юйренип, эшек-ни сыртына кеси секирип минип, ёрге-энишге жортуп айлан-нанды. Кёп да турмай, ала юйлерине кетдиле, мен да жангыз къяалдым. «Энди уа кимге жашайма?» – деген соруу акъя-лымдан кетмейди. Сагъышлыма. Мен бар эсем, жокъ эсем да, алагъа башхалыкъ болмагъанын бусагъатда ангылай турама. Жашым менсиз жашаргъа юйреннгенди, излеген да этмейди. Хар нени ангылайма. Мени сизнича туудукъларым жокъдула. Жангызма. Аны себепли сизни аппагъыз насыплыды, сиз къя-тындасыз. Мен жангызма. Юй бийчем ёлгенли эки ай болады. Жашым аны къябырына зияратха келген эди ансы, элге жолну ташлап, бери жанына айланмайды.

– Ол сени аммангмыды? – деп сорду Люся.

– Хау, ол мени аммам эди, – деп, къяарт мудах ышарды.

– Сени атанг бла ананг а авария этгенмидиле? – деди Люся.

– Авария ол осал затды. Сизни бери алып келген эселе уа, шукур Аллахха, сау-саламатдыла.

– Биз шылапчыккыны табаргъа сюебиз, – деп, Люся тохтаусуз сёлешеди. – Дуняда ол билмеген, аны кьолундан келмеген жокъду. Ол мени атамы бла анамы сау этип, манга саугъала да берликди.

Тимурчукъ къара тынгылауну басып олтурады.

Къарт, ёрге туруп, чалгъысын кьолуна алып, хыршы тартды. Сора:

– Шылапчыккыгъа мен да тубесем керекди. Мени да тилеригим кёпдю. Сиз а, алтын балачыкъла, таматаларыгъызгъа барыгъыз, къайгъы эте болурла.

Тимур бла Люся, тынгылауну басып, макъам тауушла чыккыгъан таба атландыла. Люся алайгъа жетер-жетмез, биягъы сынчыкълап, арыгъанма деп, атларгъа унамай башлады. Ол заманда Тимур, эрте атла бла атлыла болуп ойнаучуларыча, эгешчигин сыртына миндирирге хазырланды. Люся, ыразылыгъын букъдурмай, анга бек къууанды.

Отдан чыккыгъан тютюн къалындан-къалын кёрюне башлады, макъам тартыуладан тышында сёлешгенлени ауазлары да хурттак-хурттак эшитиледи. Тимур, кючюн тас эте башлагъанын сезип, къарыусуз болуп жыгъылгъынчы, тохтап, бир аз солургъа башлады. Сыртын тюзетип, Люсяны тюшюрюрге кюрешди. Болсада, эгешчиги Тимурну арыгъанын ангыламайды, аны сыртындан учуп, тюшюп баргъанын сезип, боюнундан къаты къысды.

– Тюш сыртымдан, буууп, солуууму тыя тураса! – деп кычырып, эгешчигини кьолларын боюнундан ычхындыртды. Тимур сыртындан бир жумушакъ артмакыны атханча, къызчыкъ тулукъ таууш этип, къыртишге жыгъылды.

– Аягъы бюсюнгде сюеле билмеймисе? – деп чартлады. Люся, арыгъанын бла къарындашыны кычыргъанын кётюрмей, жилап башлады.

Тимур, биягъы кырдыкга сыртындан тюшюп, кёкте аралды. Анда уа кёкню къуршалап тургъан къара булутладан сора жукъ кёрюнмейди. Тимур тохтагъан жерде къарылгъачла къайгъылы учуп башладыла. Ала бирде жерге алай тенгши жуукълашханлары себепли, Тимур кьолун узатса къарылгъачны тутуп къоярыкъча, алай учадыла.

– Барыргъа керекди, – деди Тимур. – Кюн жокъду, теркирек айрыкамгъа жетейик. – Ёрге туруп, юсюн-башын къагъып, Люсяны да кьолундан тутуп, жолгъа атланды.

– Сууда уа къалай барлыкъбыз? – деп сорду Люся.

– Алайда, кёл жагъасында къайыкъ барды, кесим кёргенме. Аны сууда бардыргъан таякълары бардыла, атына къалакъ дейдиле.

– Къабакъ?

– Къабакъ угъай, къалакъ. Къалакъларын тапмасакъ, таякъ алырбыз да, аны бла бир онг этерме.

– Кёл а теренмиди?

– Угъай, алай терен туююлдо. Атабыз айтханнга кёре, аны боюнуна да жетмейди.

– Охо-о-о.

– Айрыкам кеси да узакъ туююлдо. Бизни юнню босагъа-сындан Ниналаны арбазгъа баргъан тенгли бир болур.

Сабийле жолда женгил машина сюелип тургъанын эслеп, жаны бла озаргъа башладыла. Улоуну арт жанында эки тиширыу, эки да эркегырыу сюелипдиле. Дагъыда бир киши от къатында эт къууура турады.

– Эй, сабийле, – деп къычырды от къатында тургъан киши, – хайда, былай бери бурулугъуз да, мени къатыма келигиз. – Сабийле тохтап, ауарагъа къалдыла. – Хайда, хайда, уялмагъыз, бери жанлагъыз. Зина, быллагъа бананла бла жюзюм келтирчи. – Кёнчек кийип тургъан узун шинли тиширыу артмакъланы къозгъап, аладан буюрулгъан ашарыкъланы чыгъарды.

– Ой, не ариу, не алаMAT сабийчиклесиз, – дегенни айтып, алларына келди.

– Арлакъда чалгъы чала тургъан аппа сиз бизни анабыз бла атабыз суннганды, – деди Люся, тиширыуну къолундан сау-гъаланы ала.

– Быллай жетген сабийлерим болсала, бек сюерик эдим, – деди тиширыу. – Келигиз, алайда къыртишге жайылып тургъан кийиз жабыугъа олтуругъуз.

– Бизге барыргъа керекди, – деди Тимур, заманыбыз такъырды.

– Биз Оки-Фиокиге барабыз, – деп къошду Люся.

– Ол а кимди? – деп сейирсиндиле таматала.

– Ол билгич шылапчыкъды. Кесини да бир ариу таякъчыгъы барды, кёл ортасында айрыкамда ёсген къынгыр терекни тюбюнде куркада жашайды, – деп чертди Люся. – Ол эте билмеген жокъду, тилеклени да толтурады.

– Кёзбау таякъчыгъы бар эсе, сёзсюз, неге да уста боллукъду, – деп, тиширыула къызчыкъны сёзлерине шагъатлыкъ этдиле.

– Сабийле, тохтагъыз, биразчыкъ сакълагъыз да, мен сизни исси шишлик бла сыйлайым да, жолугъузгъа алай атланырсыз. Зина, узатчы манга бир табакъ. – Ол терк окъуна шишге сууурулуп тургъан эт туурамланы, табакъгъа ыхтырып, сабийлеге узатды. – Алыгъыз, жолда ашай барырсыз.

– Была ол къошда тура болурла, – деди кишиледен бири. Арлакъда къош барды, анда таймай бир юйор жашайды.

Тимур бла Люся, табакъны алып, жолларына атландыла. Атлашларын да бузмай, исси шишликлени да тенг юлешип къабадыла.

– Алайда къыртишге жайылып тургъан жабыуну юсюнде татлы суу бар эди, – деди Люся, – бизге ичигиз деп айтмадыла.

– Да, хар бергенлерин алып кетерча, анча къолубуз жокъ эди, – деп, Тимур сыйлагъанлагъа жакъ басды. Ала халал адамла эдиле, суу ичигиз дерге уа унутуп къойгъандыла. Ма алайда, агъач къыйырында, тагы суучукъ барды, андан ичербиз. Бр-р-р, сен бир билсенг эди, ол къаллай сууукъ сууду, тиш къаматады. Стакан толу сууну бир жолгъа тогъуп бошайлыкъ туюлсе.

Къош къатында эки байтал кишенленип, тайчыкълары да аланы тегереклеринде къаукъалакъ этип айланадыла. Къайдан эсе да къулакълары да жарты кесилип тургъан бир лохбай ит чыгып, къысхартылгъан къуйругъун да булгъай, къатыбызгъа келип, ийисгеп башлады. Бегирек да нек эсе да Тимурну артына бугъуп тургъан Люсяны къатына барыргъа амал излеп, ары-бери секирип, Тимурну алдаргъа кюрешеди.

Люся, къычырып:

– Кет, кет, тели!.. Бусагъат атамы чакъырлыкъма...

Тимур да, къоркъгъанын билдирмезге кюрешип, буйрукъ ён этип:

– Бусагъатлай былайдан кери ташай! Кет былайдан, кимге айтама?!

Ол кезиуде алайгъа къолунда да къамичиси бла бир жашчыкъ келип:

– Зидан, фу! Къатыма кел!

Баям, ол жашчыкъ Тимурдан бир эки-юч жылгъа тамата болур эди.

– Къоркъгъанмы этдигиз? – деп кюлдю жашчыкъ. – Къоркъмагъыз, сабийлеге тиймейди. – Жашчыкъ кесин аланы къатында абаданыракъ кёргюзтюрге кюрешеди. – Чабыгъыз юйге, бусагъат жаун жауарыкъды деп, кеси уа атланы кишенлерин тешерге башлады.

– Кесингсе сабий, – деди Тимур, кетип бара.

Кертиси бла да, такъыйкъаны ичинде тегерек къарангы болду. Жел уруп, нартюх бахчада сабакъланы сызгъыртды. Ашыгъыргъа керекди. Къошну ары жанында жол эки айырылады: бири элге элтеди, бирси бла уа, агъач къыйырын ётүп, кёлге чыгъаргъа боллукъду. Кёп да бармай, жаун уллу-уллу тамычылап, сора кёпден-кёп жаууп башлады.

– Кел, ол узун юйге кирейик, – деди Люся.

– Ол юй туюлдю, мал орунду, – деп жууаплады Тимур. Жолдан къош таба бурулуп, атлашына къошду. – Ары, ингир болса, къойланы жыядыла. Атам айтханды.

Мал оруннга жетгенлеринде, айтырча бек жибип туююл эдиле. Эшикден киргенлей, алайда атылып тургъан трактор чархха олтуруп, жауунну жаугъанына къарап, жарым сагъат чакълы турдула. Ол а бир уруп жауады, бирде сел болады. Бираздан терк окъуна тохтап, къара булутла сахар таба сюзюлюп тебиредиле.

Тимур жибиген кырдыкда барыргъа унамагъан эгешчигин сыртына миндирди. Жолгъа чыкыгъанларындан сора да, Люся тюшерге унамады. Тимур да жол жанында уллуракъ таш кёрсе, алайда тохтай да, Люсяны анга тюшюре, солуй-солуй, иги кесек жол къыдырды. Бираздан, насыпха, жауун жибитмеген къургъакъ жолгъа жетдиле.

– Къара, былайда жауун жаумагъанды, – деди ол, Люсяны сыртындан тюшюре. – Сейир туююлмюдю?

Люся тынгылауну басыпды. Ол анга аз да къууанмайды. Тимурну ызындан, аякъларын созуп-созуп, соймей барады. Аны кёрген адам жукъугъа тартышып тургъанын, шарт эслерикди.

Жаяу жолчукъ къарангы бет алгъан бийик тереклеге элтеди.

– Энди кёп кълалмагъанды, – деп къууанды Тимур.

– Былайлада бёрюле уа бармыдыла? – деп сорду Люся.

– Угъай, бу тийреде жокъдула. Аны юсюнден атабызгъа мен да соргъан эдим. Болсада, къланла уа кёпдюле.

– Къланла уа кимледиле?

– Ала уа агъачда айланган тонгузладыла. Азыу тишлери да барды.

– Агъачда уа нек жашайдыла?

– Агъачда туугъандыла да, аны ючюн. Юйлери олду.

– Сабийлени уа ашаймыдыла?

– Угъай, ала тамырла, эмен чертлеуюкле ашайдыла. Бирде, нартох бахчалагъа кълутулуп, нартох ашайдыла. Ол заманда уучула алагъа ушкокдан атып ёлтюрген да этедиле.

– Нек?

– Биреуню ырысхысына сугъанакълыкъ этмез ючюн.

Кёз байлана тебирегенди. Чолпан жулдуз да кёк бийгинде жерин тапханды. Агъач кълыйырында чабакъ тутуп келген юч жашчыкыгъа тюбедиле. Хар бирини кълонда кълынгыр тал бутакъчыкыгъа кийирилип тургъан бир ненчашар чабакъчыкъ кёрюнеди.

– Кёремисе, была барысы да биз бара тургъан кёлде чабакъ тутуп келедиле.

Кертиси бла да, бираздан жел сууну башын чайпалта тургъан кёлге жетдиле.

– Кёрдюнгмю, хар не мен айтханчады! – деп, кълуанчлы чертди Тимур. – Ма адамла, бу кълыйыкыгъа минип, кёлню ортасына барып, чабакълны алай тутадыла. Чабакъланы бек уллулары кёлню ортасында кечинедиле, жагъласына жууукъ жерде уа бош ууакъла, тишинге илинмезчалары жюзюп айланадыла.

Ма, алайда уа – Оки-Фиоки жашагъан айрыкам. Къайыкъгъа минип, ары барыргъа керекбиз.

Тимур, чурукъларын тешип, къайыкъны аркъанын терекге кысылып тургъан жеринден бошлап, абадан адамла этиучюча, ариу чѳргеп, къайыкъны ичине атды. Ызы бла, тобугъуна дери суугъа кирип, къайыкъны баш жанын айрыкам таба бурду. Кѳлню сууукъ сууу аягъында сыдырылгъан жараны ачы кюйдюрю. Люсяны да къайыкъгъа миндирип, кеси да олтурду. Къайыкъ аз-аздан кѳлню жагъасындан узакъгъа ташая башлады. Тимур къалакъны алып ѳрге тургъанда, къайыкъны чайкъалгъаны бла ингир къарангысы жанына къоркъуу салдыла. Суу окъуна къап-къара кѳрюнеди. Анга аякъ тюбюндеги бююннге дери юйренмеген болум керек чакъда болушлукъсуз къаллыгъын терен сездиреди. Болсада Тимур, къалакъны кыыйры бла кѳлню тюбюне тийип, къайыкъны алгъа, айрыкам таба тюртдю.

Бираздан къайыкъны тюбю кѳлню жагъасында желим балчыкъгъа жетип тохтагъанлай, Тимур, нек эсе да къалакъны суу жагъагъа быргъап, Люсяны да кѳтюрюп, ары тюшдю. Эгешчигин алайда къоюп, кыынгыр ѳсген деменгили терекни тюбюне чапды. Аны уллу бутакъларына ургъан жел чапыракъларын, къоркъгъан жиян чыгъаргъан тауушха ушатып, шууулдатады. Терек кесини тасхаларын Тимургъа айгъакъламазгъа къаст этгенча: «Жашчыкъ, думп бол былайдан, жюз жылла бла тасхамы бир кишиге да билдирмей тургъанма, санга да ачыкъ ѳтерик туюлме», – дегенча, сууукъ тюбеди. Тимур да эуюл терекни ачыуланган къартны суфатына ушатды. Угъай, нек эсе да айрыкам да, терек да жашчыкъ атасы бла кѳрген заманнга ушайдыла. Ол кюн жазны жарыкъ эрттенине къууанып тюбеген терекни бла чууакъ кюнню таякълары айрыкамны жагъларын жылы сылагъанларын кѳрген эди. Энди уа къайры кетди анга жарыкъ тюбеген айрыкам? Къайдады мени жомакъдача къучакълагъан кѳксюл туман? Къайдады мен ийинанып излеген, жюрегим бла суюген, аны бла тюбеширге табынып келген шылапчыгъым? Хар не былай терк тюрленирге къалай болады? Жашчыкъны ичине жангыдан къоркъуу киргенди.

– Атам, атам, – деп, ауазын танымай кыычыргъанды. Ардан, атасын угъай, шылапчыкъны чакъырыргъа керек болгъанын эсгерип, битеу кючюн салып: – Оки-Фиоки! Оки-Фиоки! – деп кыычырды. – Кишиге да эшитдиралмады. Жел жангыдан уруп, жашчыкъны сѳзлерин узакъгъа сюрюп кетди. Тимур терекни тюбюне жууукъ барып, курканы излеп башлады. Курканы къой, гитче тешик окъуна жокъду – хыйлачы шылапчыкъ куркасын къаты жабып, жерни жети къатысына къачып букъгъаннга ушайды.

Ол билгичди, кёзбаучуду, мен анга келгеними сезмей к'вал-маг'анды. Андан болушлукъ излегеними да уста биледи.

– Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Курка башха жердеми болур. Айрыкамда ары барады – жукъ к'рюнмейди, бери барады – тешик ок'уна жок'ду. Ан-да-мында гитче уручук'ла эслейди, алай курка уа тапмайды.

– Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Жашчык'ны кёзлери жилимук'дан толдула. Кеси кесин тыялмай, к'ычырык' этип жилиды. Бу кезиуде алданган, ышанулулук'у тоналган сезим тууду. Атам мени алдаган эт-генди – мында билгич шылапчык' жашамайды. Энди атама бла анама жан саллык' жок'ду. Аланы сау эталмайма. Жашчык'ны эсинде тууган бу оюму аны бютюнда бек к'юрк'утду. Ёк-сюзлюкню ачы к'адары аны сезимине теренден-терен сингнге барганын бекден-бек ангылай башлады.

– Атам! Атам!

Эртте, шылапчык' жашаган жер болганына, к'еп да бар-май, аны бла тюбеширге онг табарыгына ийнанган заманында кесин эм насыплыг'а санап турганды. Ол гитче жанчык' аны бла бир хауаны солуп, бир сууну ичгенин эгерсе уа, бар к'ый-ынлык'ларын унутуп, жук'дан к'юрк'май башлаучу эди. Шы-лапчык' бла тюбешириги саг'ышына сингсе уа, так'ырлык', жарлылык' да унутулуп, ёхтемлиги т'ерт санына сыйынмай, к'екню бийигинден к'араучу эди. Энди битеу ол затла тас, думп болдула. Атасы Тимурну алдап, жомак'дача жарык' мурат-лары, жашауу да мутхуз бет алдыла. Бюгюнден арысында Ти-мурну не атасы, не анасы, не билгич шылапчыг'ы жок'дула.

– Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Тимур айрыкам жаг'аг'а к'айтды. Люсячык', кючюк балачык'ча, т'егерек чулганып, гитче к'олчук'лары бла да быдырчыг'ын к'учак'лап, татлы жук'лап тура эди. Суу жа-г'ада к'валган к'айык'ны айрыкамны ачы жели сюрюп алып кетип, узак'да, суу башында чайк'ала турган к'арелдисин к'ёрдю. Кёзлеринден бурчак'-бурчак' т'егюлген жилимук'ла-ры, чукуй бурунчуг'уну эки жаны бла энишге энип, к'валты-рай турган сак'алчыг'ына жетселе, жашчык' аланы юзmez жуг'у к'олчук'лары бла сыйпап жетишдиралмай, иги кесек жилиды.

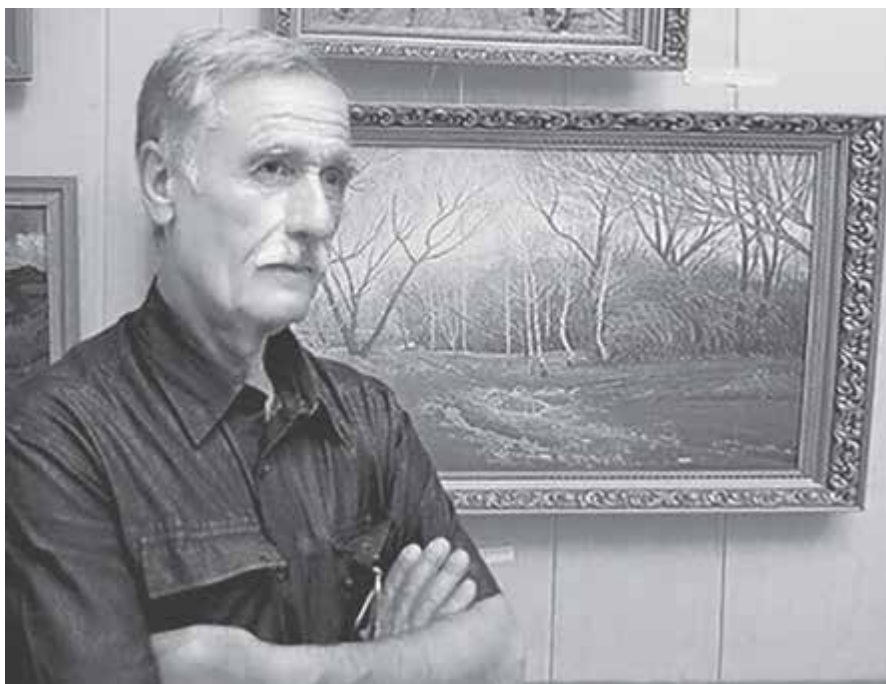
– Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Болсада, айрыкам ауузуна таш тыг'ылганча, тынгылауну к'аты басып, тасхасын билдирмей сюеледи.

АХКЁБЕКЛАНЫ Элдар
к'ечюргенди.

СОТВОРИЛ СОБСТВЕННЫЙ МИР

Талант художника у Владимира Баккуева был замечен еще в годы учебы в школе. Хотя он и не получил системного художественного образования, тем не менее у него был, так сказать, персональный учитель, замечательный скульптор, заслуженный художник КБАССР Алексей Моисеевич Денисенко. С азами изобразительного искусства начинающий художник познакомился у него, но всю жизнь учился самостоятельно, не упуская ни одной возможности пополнить свой багаж знаний новыми художественными приемами и средствами выразительности, которыми пользовались его старшие коллеги, или серьезно изучая особенности техники художников мирового уровня, принадлежащих разным направлениям и стилям, специально для этого посещая московские и ленинградские музеи.

Свой творческий путь В. Баккуев начал с «уроков» французских импрессионистов, затем прошел через ряд увлечений авангардистскими течениями (правда, этот период был краткосрочным), и вскоре обратился к поискам художественного языка, который бы помог ему передать в своих произведениях балкар-

скую ментальность. Все его творчество служит свидетельством усиленных стилевых поисков, сначала – характерных для культурной ситуации периода оттепели, затем – 70-80-х годов прошлого века, когда в стране возобладал национальный дискурс, появились необходимые условия для развития этнической специфики изобразительного искусства, а позже – эпохи перестройки, когда радикально сменился культурный код от соцреализма к плюрализму. Этнический фактор начинает играть важную роль в творчестве и В. Баккуева, формируя национальную идентичность его живописи. Он стремится перенести на национально-региональную почву некоторые стилевые особенности, пластические приемы мирового искусства. И надо отметить, что ему удается их успешно адаптировать к менталитету балкарцев.

Соединяя особенности разных стилей и направлений, преломляя их в балкарском духе, живописец упорно занимался поиском художественного языка, который бы пластически точно выразил национальное мироощущение балкарцев, был способен адекватно изобразить жизнь родного народа. Полотна, созданные в годы перестройки и постперестроечное время свидетельствуют о том, что он не только чувствует глубинные токи этнической идентичности, но и умеет отразить их в своих полотнах. Таким образом, можно говорить о том, что ему удалось создать собственный уникальный стиль, способный передать балкарское мировидение и миропонимание.

Если для многих художников эпоха перестройки оказалась тяжким испытанием, поскольку часть из них вынуждена была уйти с артсцены, другие оказались в творческом кризисе, то для Владимира Баккуева этот период стал весьма плодотворным. В эти годы, несмотря на трудности времени, он был полон витальных сил, не испытывал дефицита идей. Обладая богатым творческим воображением, желая непременно реализовать обуревающие его идеи, он работал без устали. Его жизнь была непрерывным художественным поиском, причем для него был важен не только конечный результат, но и сам творческий процесс, который приносил ему глубокое удовлетворение.

Биохроника Баккуева этих лет богата интересными фактами, оказавшими прямое или косвенное влияние на его творчество. Задумав снять фильм о самой страшной трагедии, произошедшей в жизни балкарского народа, – его депортации в Среднюю Азию в марте 1944 года, кинорежиссер Рубен Мурадян решил пригласить в качестве художника-постановщика одного из балкарских художников. Группа киношников обошла мастерские нальчикских художников в поисках подходящей кандидатуры и остановила свой выбор на В. Баккуеве. Выбор был не случайным. В его мастерской они увидели картины, которые оказались чрезвычайно близки по духу задуманному режиссером сценарию.

Среди заинтересовавших их работ была и отличающаяся глубокой драматизма картина В. Баккуева «Дорога смерти» – произведение, созданное человеком, ставшим жертвой чудовищного преступления сталинщины, видевшим эту трагедию лично. Общественная боль балкарцев, переживших геноцид, не утихает до сих пор, потому он подчинился нравственным и этническим императивам, заставившим его взяться за кисть. Художник понимал, что это его долг перед родным народом.

Когда Р. Мурадян предложил художнику сотрудничество, тот страшно волновался, сможет ли справиться с этой масштабной и чрезвычайно сложной работой. Волнения оказались напрасными: все прошло наилучшим образом. Фильм, по мнению критиков, оказался удачным, глубоко и точно отразившим пережитые балкарцами ужасы двухнедельного «путешествия на край жизни», поскольку они были уверены в том, что депортация – это лишь прикрытие истинных намерений властей – уничтожить их в пути.

Работа Баккуева в кино была замечена в других регионах Северного Кавказа. Вскоре его пригласили в Ингушетию в качестве сценографа Ингушского госдрамтеатра, в котором совместно с балкарским режиссером Борисом Кулиевым они поставили девятнадцать спектаклей. Все спектакли шли с аншлагом. По приказу министерства культуры Ингушетии на время работы над театральными постановками их поселили в трехкомнатной квартире и, по воспоминаниям художника, очень опекали. «Назрань – театральный город, ингуши большие любители театра. И вообще к культуре там было другое отношение, чем, к примеру, у нас», – вспоминал Баккуев.

Уместно вспомнить еще один интересный факт из биографии Владимира Каншаовича. Однажды, когда он отправился в туристическое путешествие по Испании, таможенники при обычном досмотре заметили в его сумке нож и хотели изъять его как холодное оружие. Объяснения Баккуева, что нож предназначен для заточки карандашей, не возымели воздействия. Его задержали. Пока таможенник на минуту отвлекся на другого пассажира, он успел набросать его портрет, который так восхитил последнего, что, получив в дар свой портрет и уже не сомневаясь в том, что перед ним настоящий художник, он тут же вернул ему нож и без всяких препятствий пропустил через границу.

Поездка подарила Владимиру множество незабываемых впечатлений от увиденных в испанских музеях шедевров живописи. Он вообще был страстным любителем музеев. Как только представлялась возможность, мчался в Москву или другой культурный центр, чтобы насладиться в музеях любимыми произведениями искусства.

Как бы ни привлекали внимание Баккуева мировые шедевры, на первом месте всегда оставалась работа над собственными картинами. Он обращался ко всем жанрам живописи, но более всего тяготел к портрету и пейзажу. Как правило, в портретах он стремился запечатлеть, в первую очередь, представителей балкарской интеллигенции и своих коллег-художников. Его портретная концепция предполагала особое соотношение социальных, национальных и индивидуальных черт человека. Он стремился создать правдивый, документально значимый и в то же время эстетически весомый образ человека с неповторимыми личными чертами. Хотя портретов у художника немало, он избежал опасности тиражирования, самоповторов, поскольку, начиная работу, каждый раз искал новый модус, новые выразительные средства и приемы, чтобы увидеть своего героя с «нового ракурса».

Портрет выдающегося советского и российского ученого Тимур Анеева лишен парадности и официальности. Автор акцентировал внимание на внутренней энергии и высоком интеллекте своего героя. Как и другие его портретные образы он психологически убедителен. Напротив, портрет столь значимой для балкарцев персоны, как академик Михаил Залиханов, носит парадный характер. Величественный, торжественный визуальный образ отличается большой выразительностью. Умело переданы выражение лица, поза и, главное, взгляд. Автор сохраняет все самое важное в образе академика, отказываясь от всего лишнего. Фон осмысливается им как эстетическая категория.

Своих персонажей автор изображает не только в самые благополучные для них моменты жизни или, так сказать, в звездный час. В образах героев В. Баккуева порой отражены противоречивые чувства или даже жизненные драмы. В графическом портрете Бориса Кулиева мы видим человека, оставшегося наедине с собой и своими переживаниями. Режиссер изображен в состоянии предельного эмоционального напряжения, охваченным внутренней борьбой. Его фигура и весь облик свидетельствуют о затаенном страдании, в нем сквозят внутренняя усталость и надломленность. Заострение форм, острый синкопический линейно-силуэтный ритм, взволнованная аффектация позы и жеста передают высокий накал чувств.

Иной смысл несет портрет балетмейстера Мухтара Кудаяева, которого автор запечатлел в момент, когда его посетило творческое озарение. Автор изобразил его в характерной для него позе и все внимание сосредоточил на внутреннем мире героя. Этому, в частности, способствует и выбранный им нейтральный фон полотна.

Многие балкарские художники обращаются к мотиву кийи-за. Именно в этом бытовом предмете наиболее отчетливо отрази-

лась ментальность этноса, и потому он стал подлинным маркером культуры балкарцев. Умело использует декоративные возможности цвета, ритмику орнаментов кийизов и Владимир Баккуев.

Отдельные узоры в различных ритмических и цветовых сочетаниях разбросаны по поверхности его картин, дополняя смысл картин и оказывая на зрителя особое эмоциональное воздействие. Орнаменты постоянно варьируются, становясь духовным стержнем его работ, превращаясь в знаковую систему. Весьма успешно этот прием живописец использует, в частности, работая над портретами своих современников: поэта Кайсына Кулиева, поэтессы Танзили Зумакуловой, музыканта Солтан-бека Абаева, художника Ибрагима Джанкишиева, телеведущей Лейлы Токумаевой и других.

Из-под кисти Владимира Баккуева вышла целая галерея портретов актеров Балкарского госдрамтеатра имени Кайсына Кулиева. Это реалистические образы таких замечательных актеров, как Зоя Махиева, Магомед Кучуков, Мажид Жангоразов, Хамид Юсупов, Алексей Шахмурзаев, в которых подчеркнуты их индивидуальность, особенности темперамента. Портреты, несомненно, представляют ценность не только как документальные источники, но и высокохудожественные произведения.

Особенно часто Баккуев обращается к жанру автопортрета, который позволяет ему передать оттенки собственного душевного состояния в разные моменты жизни. Чаще всего – это выплеск личных глубоких и далеко не всегда счастливых переживаний. Эти произведения заставляют зрителя размышлять о жизни и судьбе человека, о перипетиях его судьбы, наконец, о морально-нравственных проблемах, этическом смысле жизни.

Фирменным знаком Баккуева наряду с орнаментами кийизов можно назвать и камень. Концепт «камень», который занимает центральное место во всех без исключения фольклорных и литературных произведениях карачаевцев и балкарцев, стал у Баккуева героем, средством и приемом решения проблем живописи, что вполне объяснимо, ведь камень для балкарца – «наше все». То, что центральное место в национальной картине мира карачаевцев и балкарцев отведено камню, вполне естественно и связано со спецификой их среды обитания. Используя технику пуантилизма, живописец изобрел оригинальный способ создания полотен как бы выложенными из цветных камешков. Если французские пуантилисты, работая над картиной, пользовались точечным приемом, то Баккуев как бы выкладывал изображения из гальки, наподобие мозаики. Можно назвать множество картин Баккуева, созданных в подобной технике. Среди них портрет артиста Алексея Шахмурзаева, «Натюрморт с цветами», пейзаж «Осень», жанровая картина «Нальчикский дворик». В этих про-

изведениях он особенно удачно использует фактурные возможности, цветовые нюансы красочного слоя.

В некоторых других картинах Владимир использует приемы и средства выразительности, характерные для живописи Запада, однако удачно ассимилирует их, адаптируя к менталитету балкарцев. В частности, речь идет об использовании специфики такого художественного течения, как дадаизм, черты которого ярко проявились в ряде картин живописца.

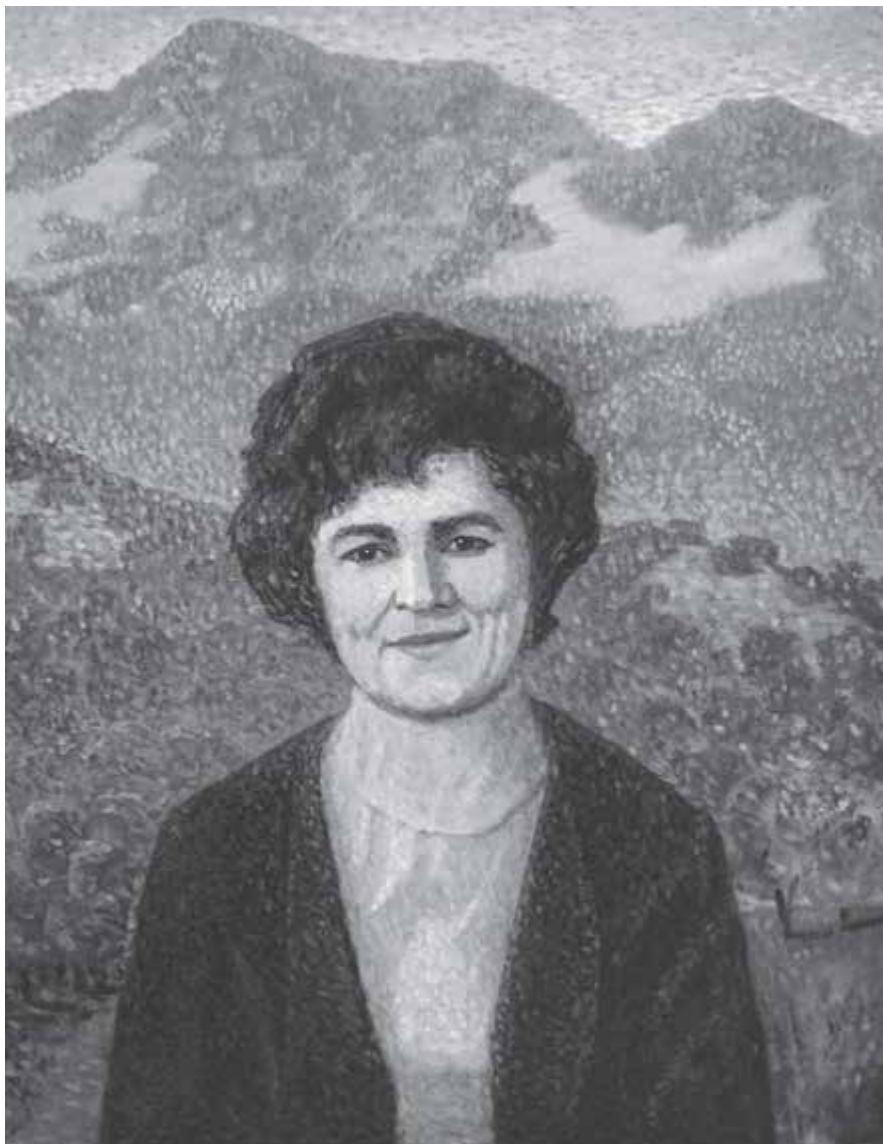
Автор нередко воссоздает в своем творчестве хорошо знакомый и бесконечно любимый мир родины. В нескольких вариантах картины «Балкария», которая представляет собой собирательный образ Балкарии, мы видим принцип панорамного решения композиции. Это – горный ландшафт, увиденный с птичьего полета, что вполне естественно для жителя гор. Ритмическая организация планов объединяет в единый узор далекое и близкое. Автор как бы «населил» родные горы самыми выдающимися людьми Балкарии и дополнил пейзаж балкарскими башнями, другими сакральными архитектурными сооружениями, которые углубляют философский смысл картины. Не только в этом полотне, но и во многих других картинах живописец уделяет большое внимание знаковой стороне символа.

В своих пейзажах В. Баккуев далек от натуралистической трактовки природного мотива. Работая над ними, он использует самые разные стилистические приемы и средства выразительности, начиная от пленэрных до самых что ни на есть абстрактных. Вся выразительность пейзажей строится на цвете, его градациях и переходах в другие цвета. В одних случаях он использует оптику мягко очерченного рисунка, имитирующего фактуру кийиза, в других – строит пространство через геометрию балкарских орнаментов, трети – рождаются благодаря удачному синтезу различных приемов.

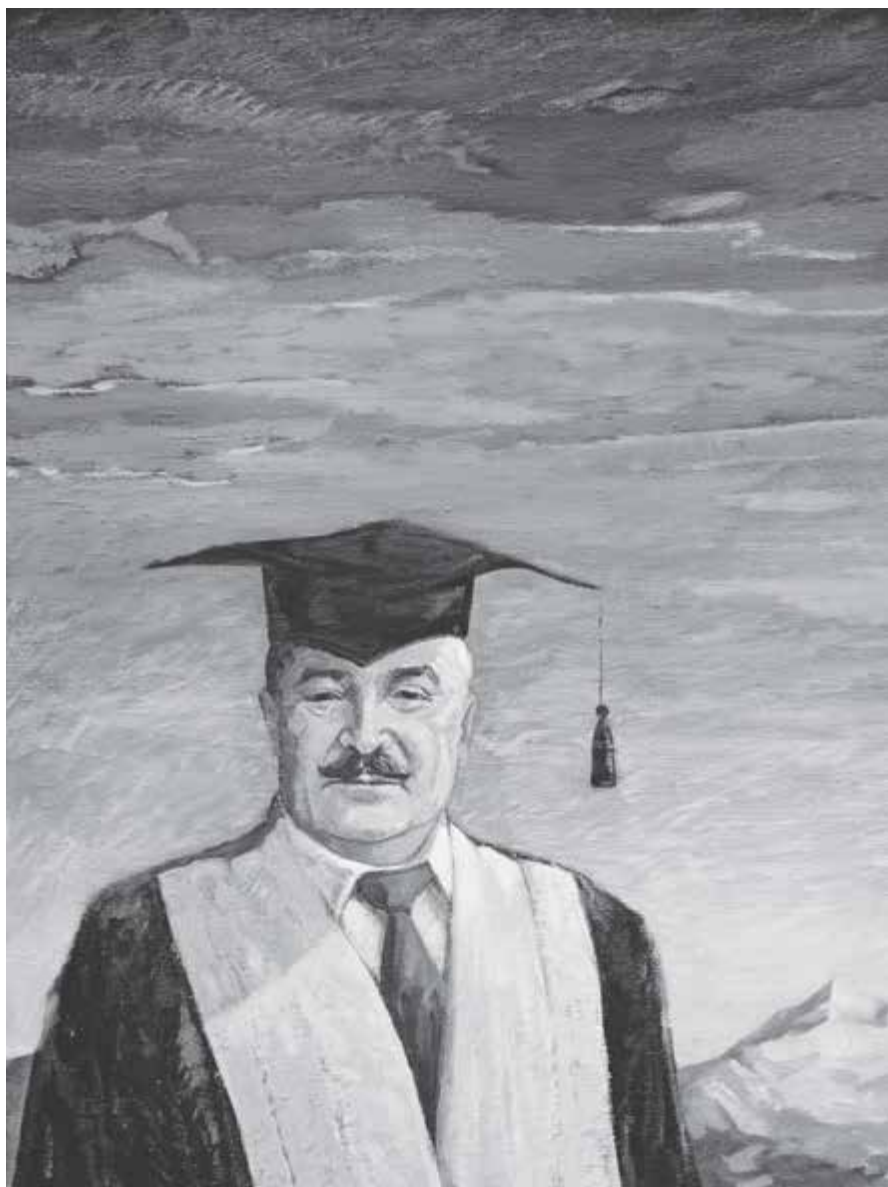
Живописец Владимир Баккуев был и остается одной из важных фигур балкарского изобразительного искусства. Он оставил богатое творческое наследие. Часть работ отправилась в коллекции друзей и меценатов, какие-то разошлись по миру в качестве подарков. Наиболее интересные работы оказались в собраниях Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств имени Ткаченко и других культурных институций не только нашей республики, но и других регионов. Без сомнения, лучшие работы художника пополнили золотой фонд культуры Кабардино-Балкарии.

*Жаухар АППАЕВА,
искусствовед*

Баккуланы Владимирни суратларындан

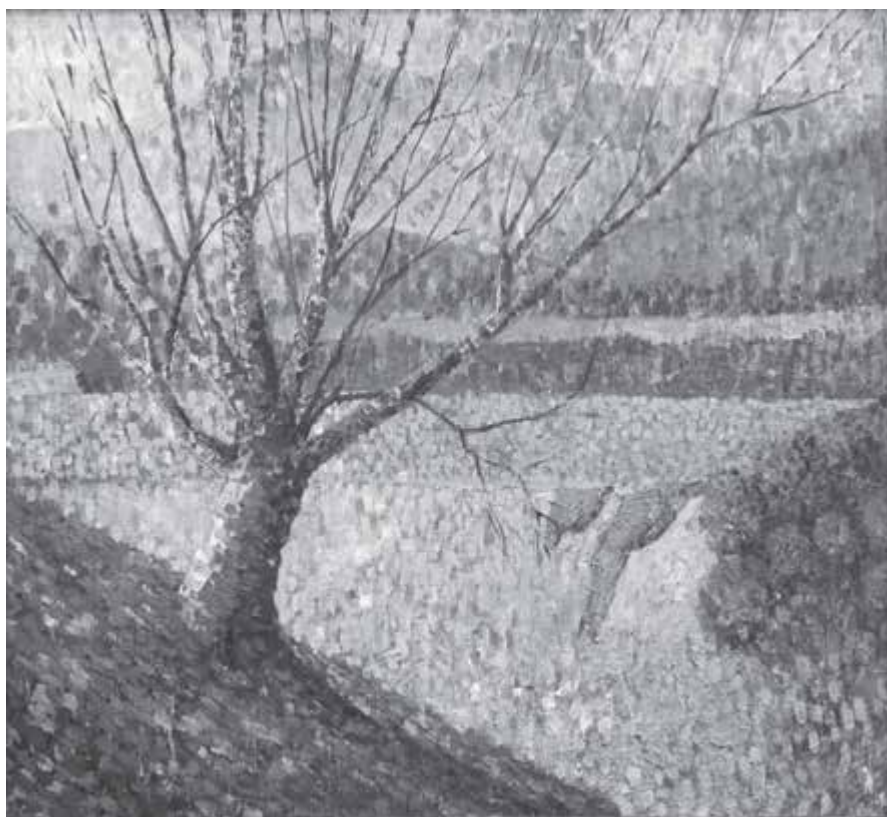

«Зумакъулланы Танзиля»

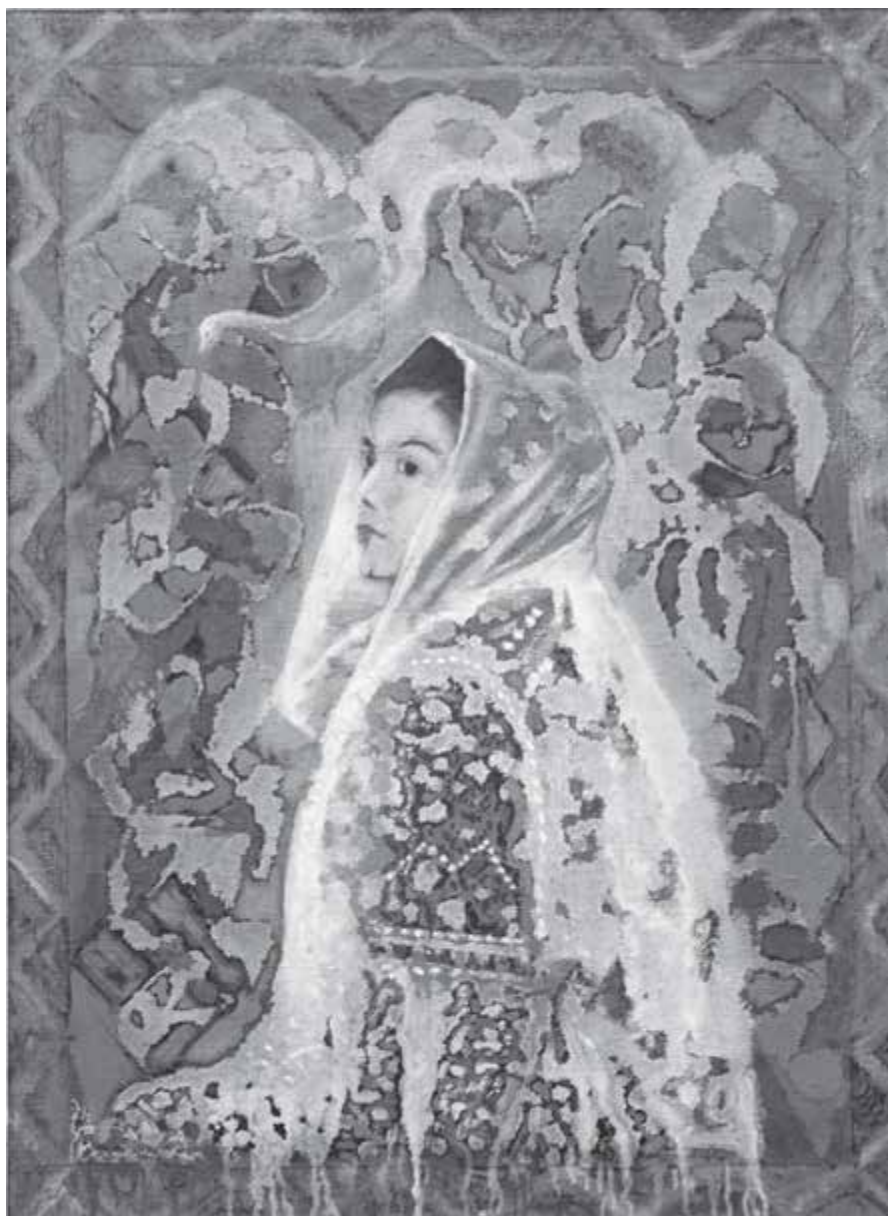

«Залиханланы Михаил»

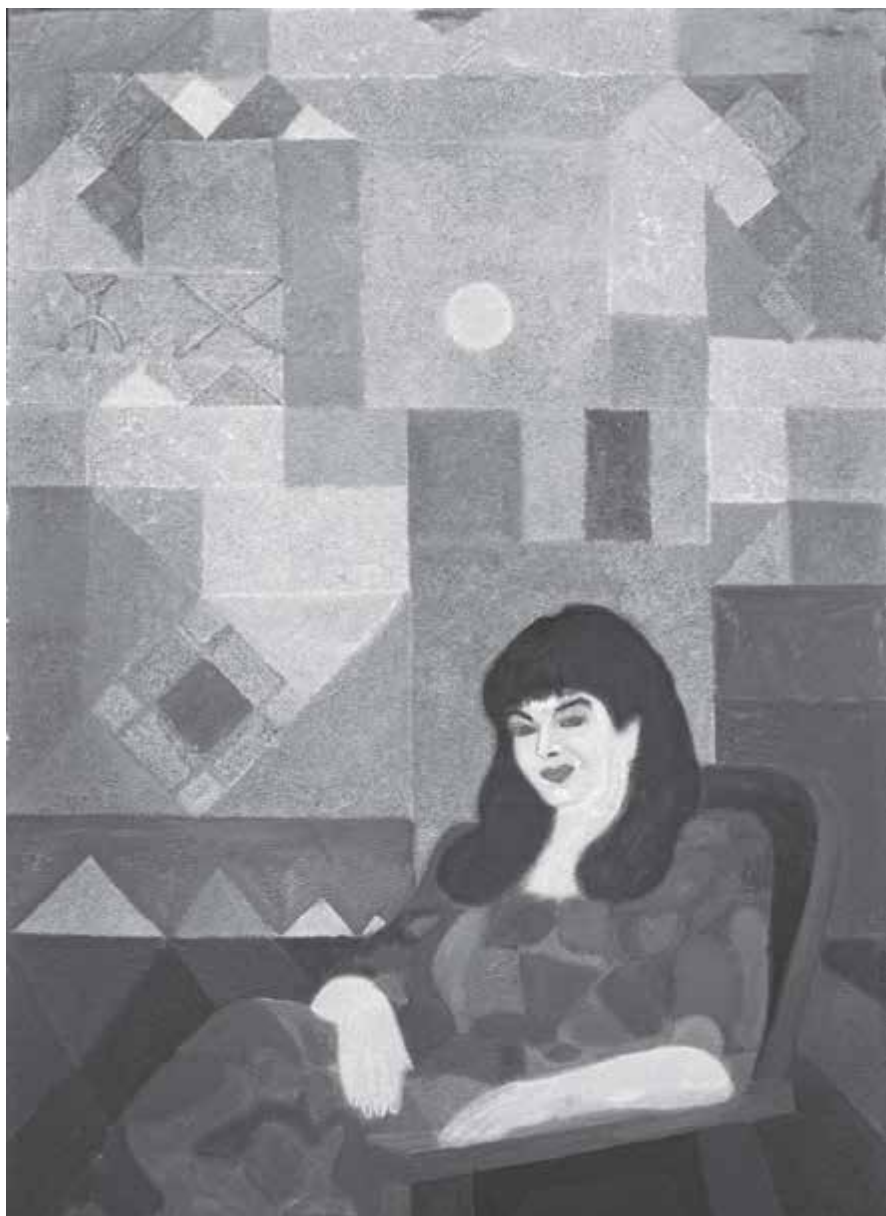

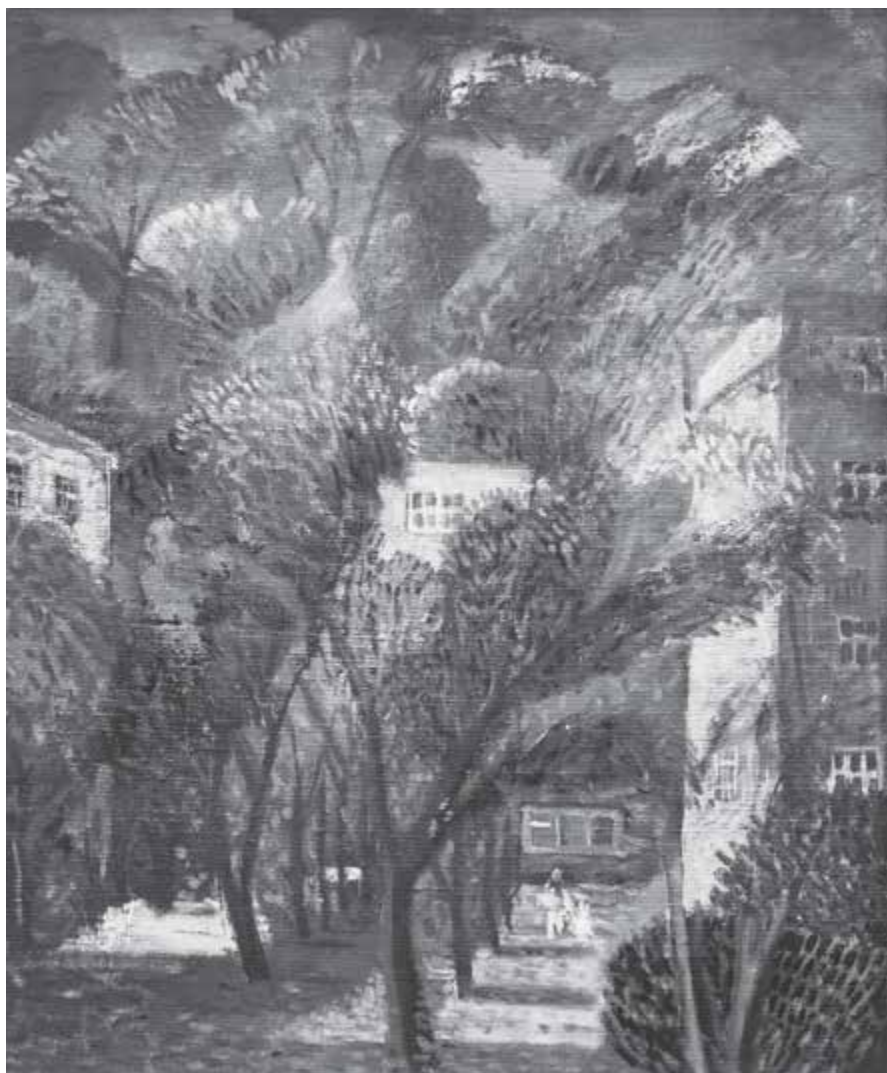
«Чууакъ кюн»

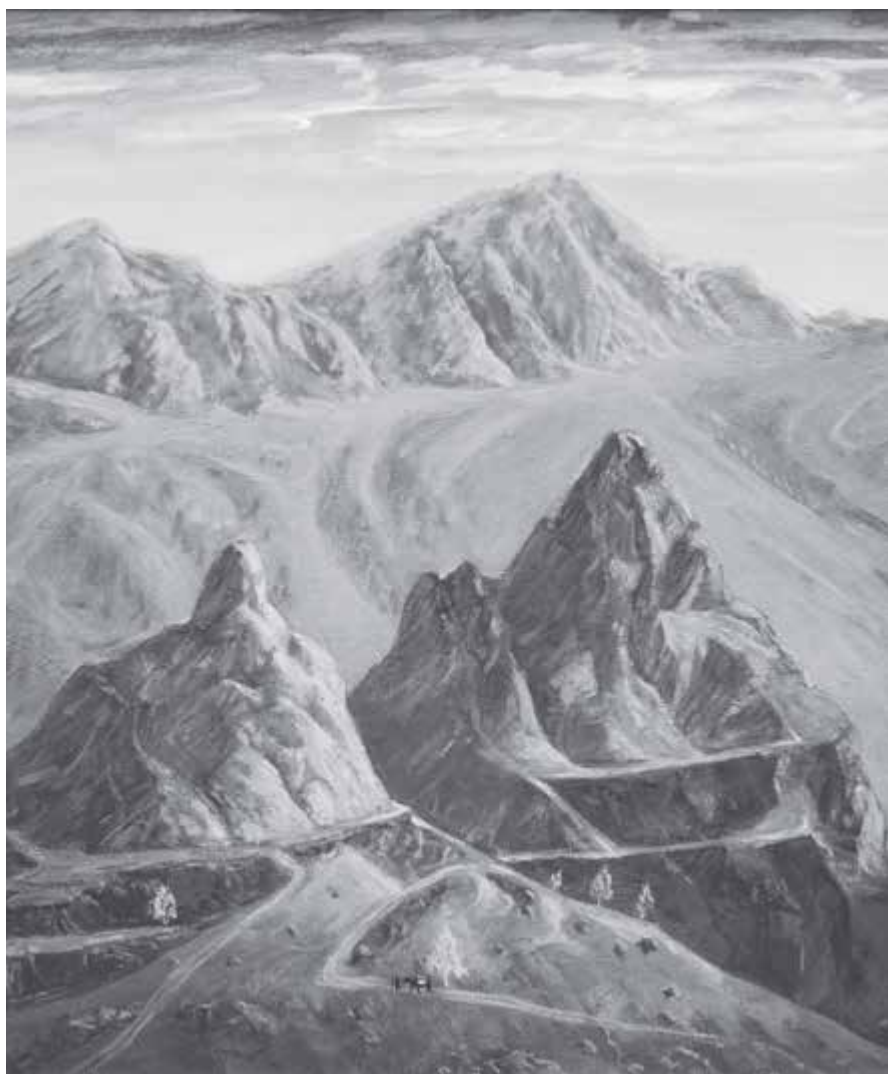
«Таулу кыыз»

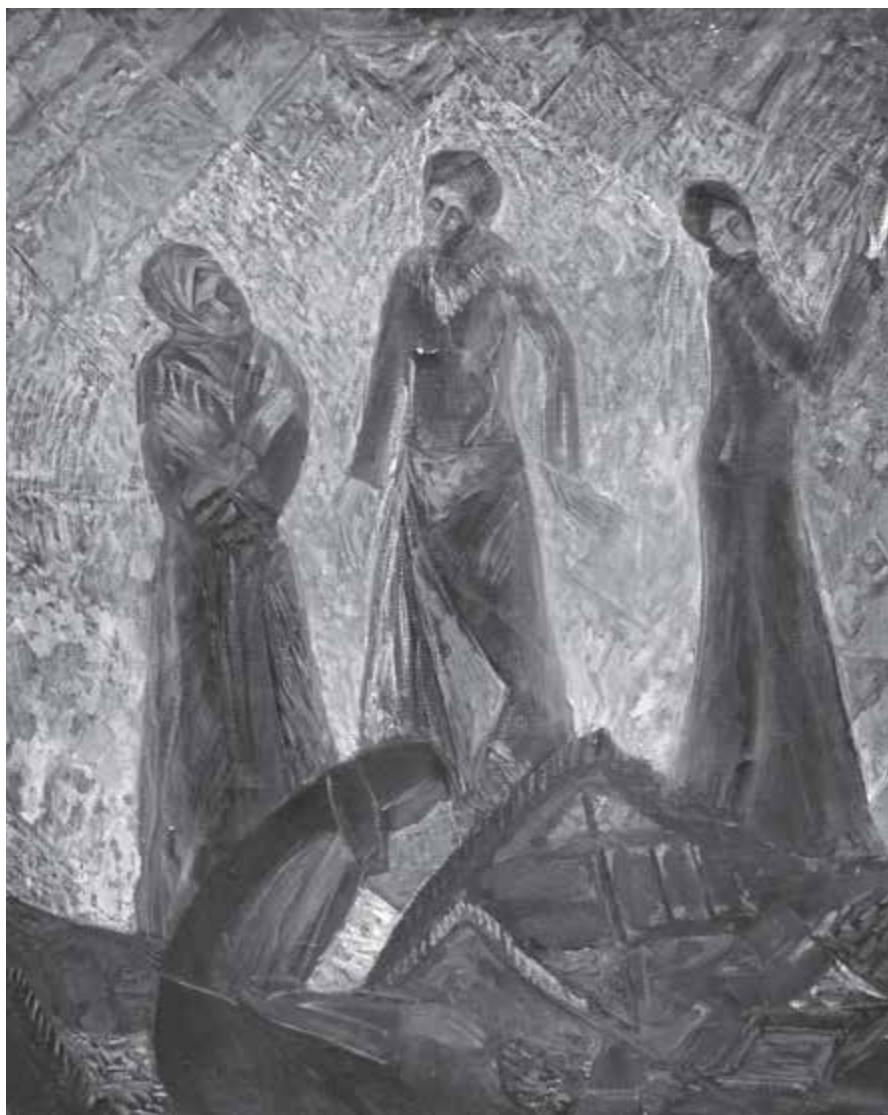
«Токумаланы Лейля»

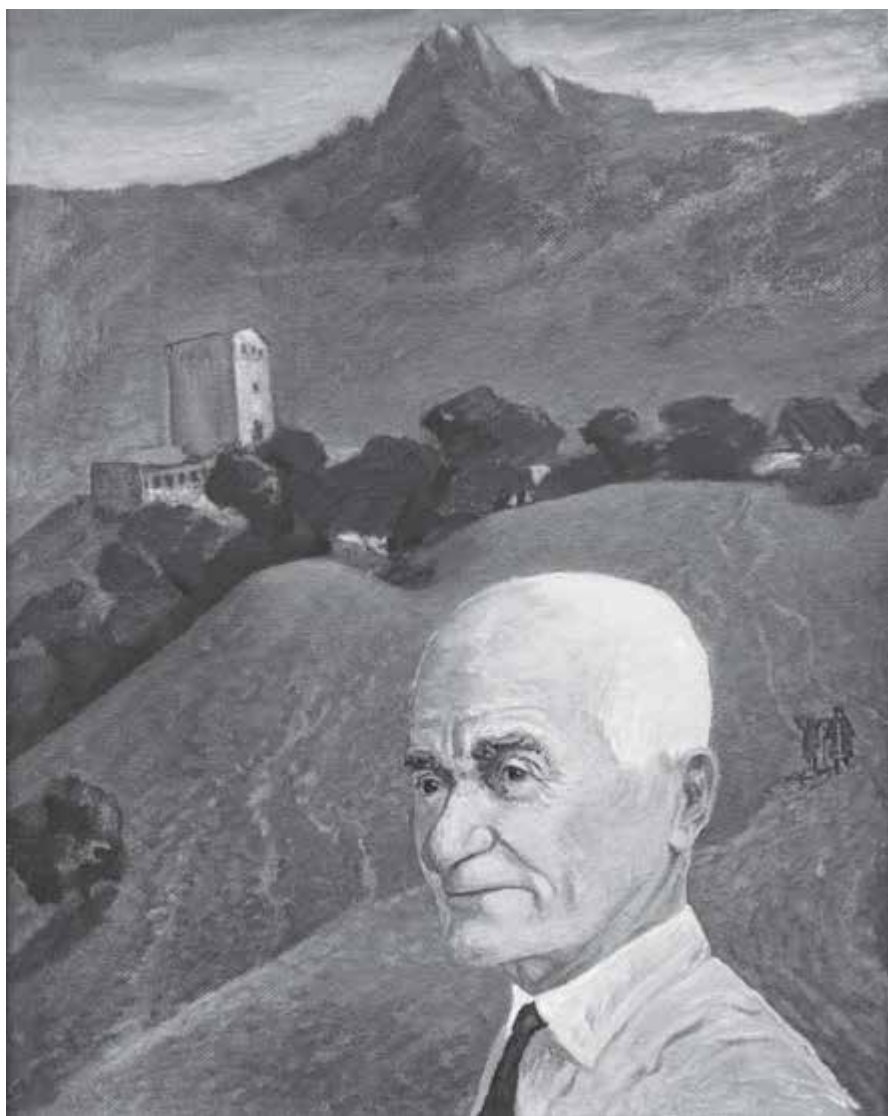
«Кюз арты шахарда»

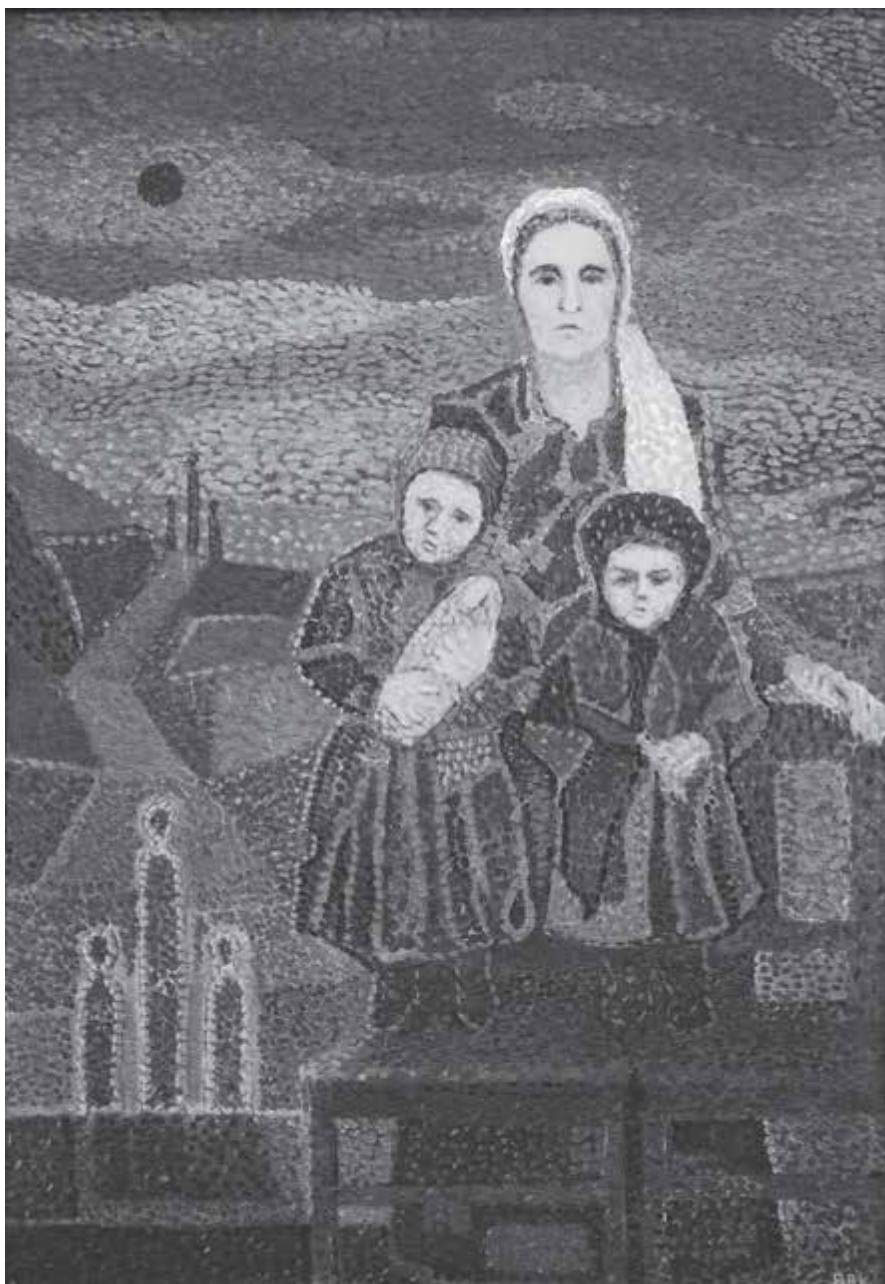
«Холам»

«Кийизчи кызыла»

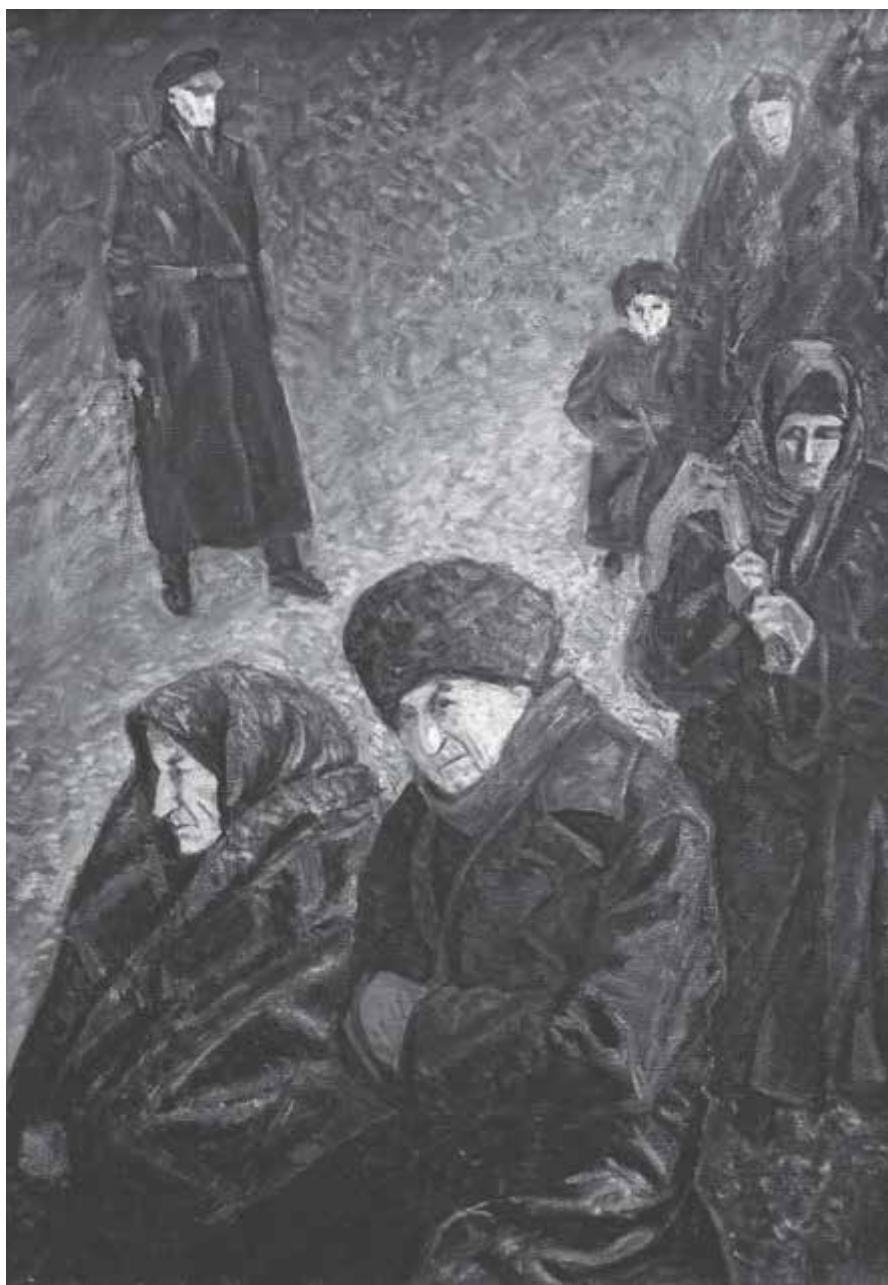

«Шахмырзаланы Саид»

«Биз 1944 жылда»

«Ёлюмню жолу. 1944 жылда»

«Нальчикни 4-чю кёлюнде»

«Тау тийресинде»

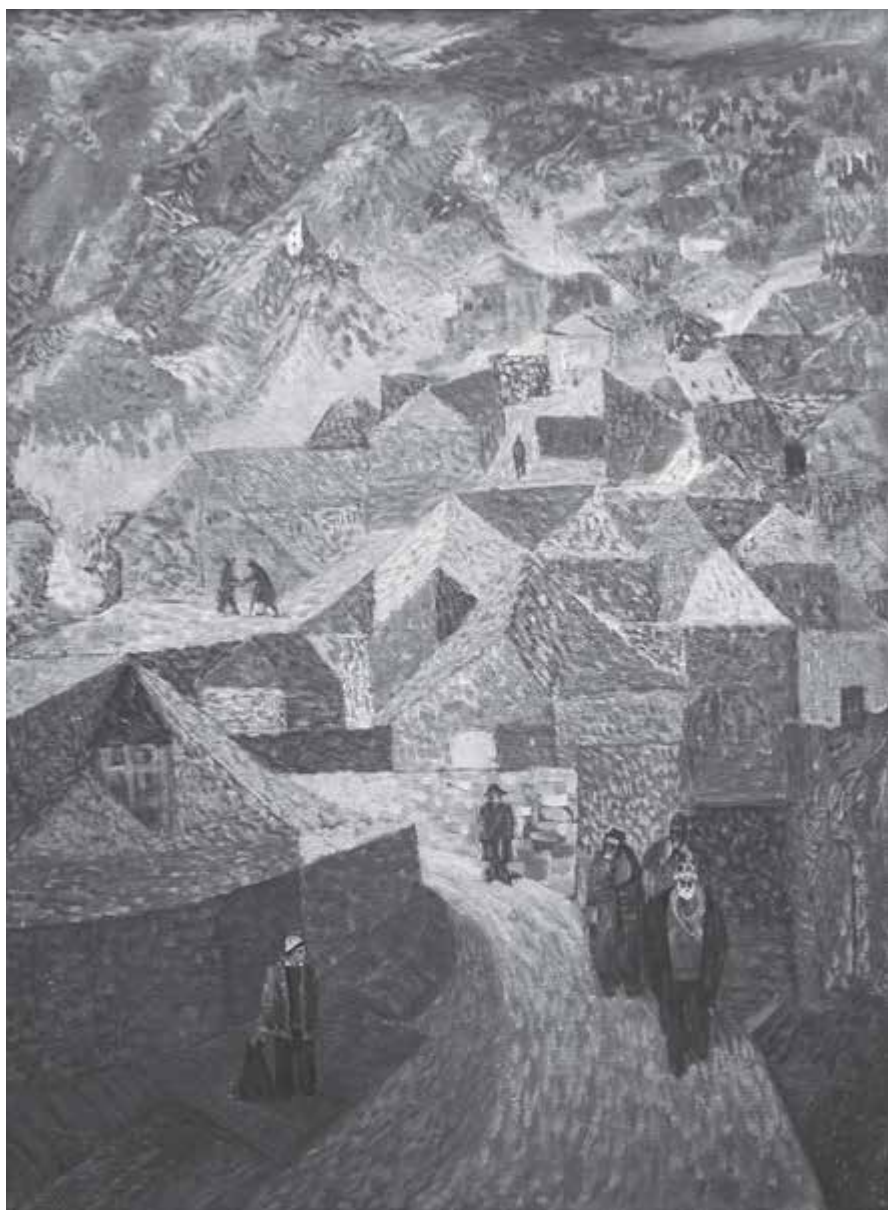
«Хатлама алдарсыз»

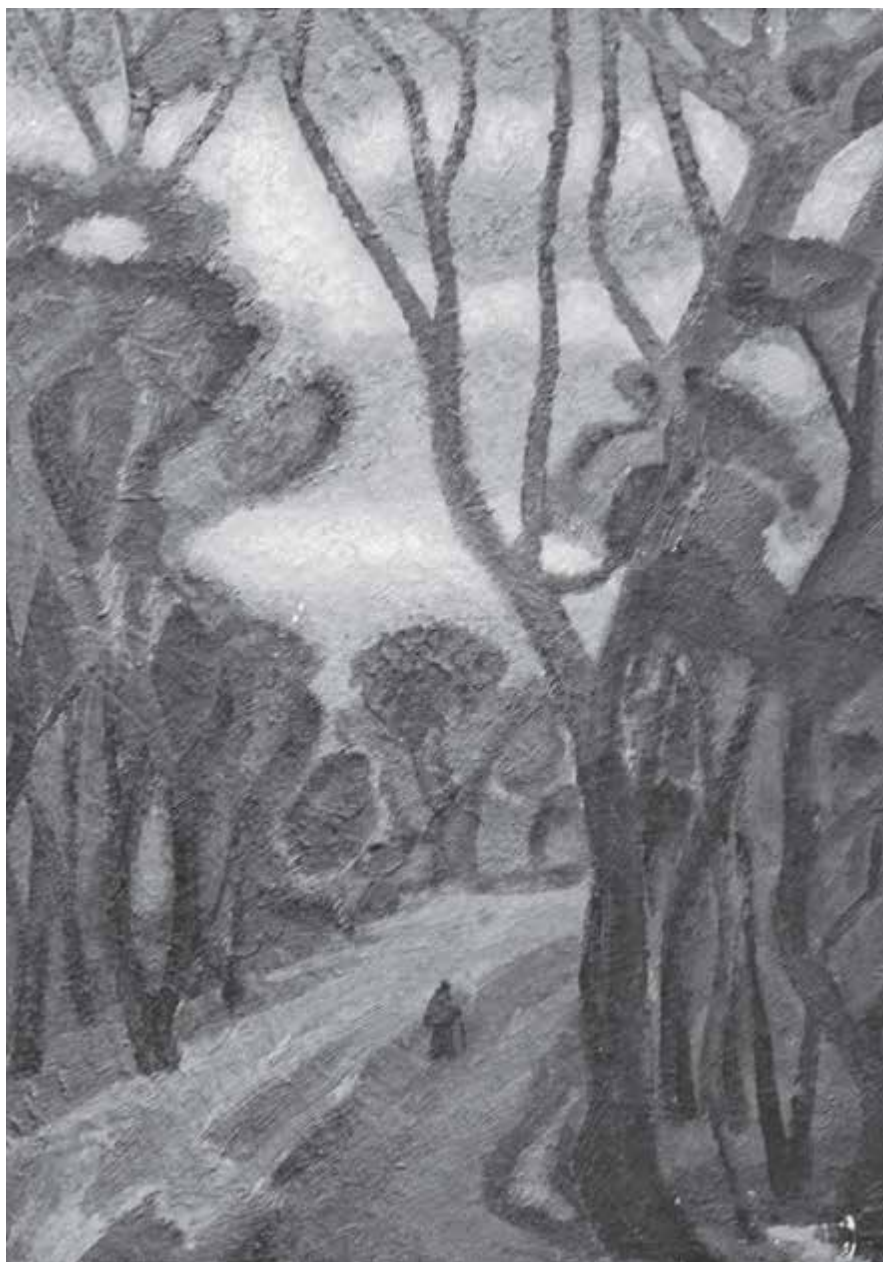
«Театр эскиз»

«Хасанияны юй башлары»

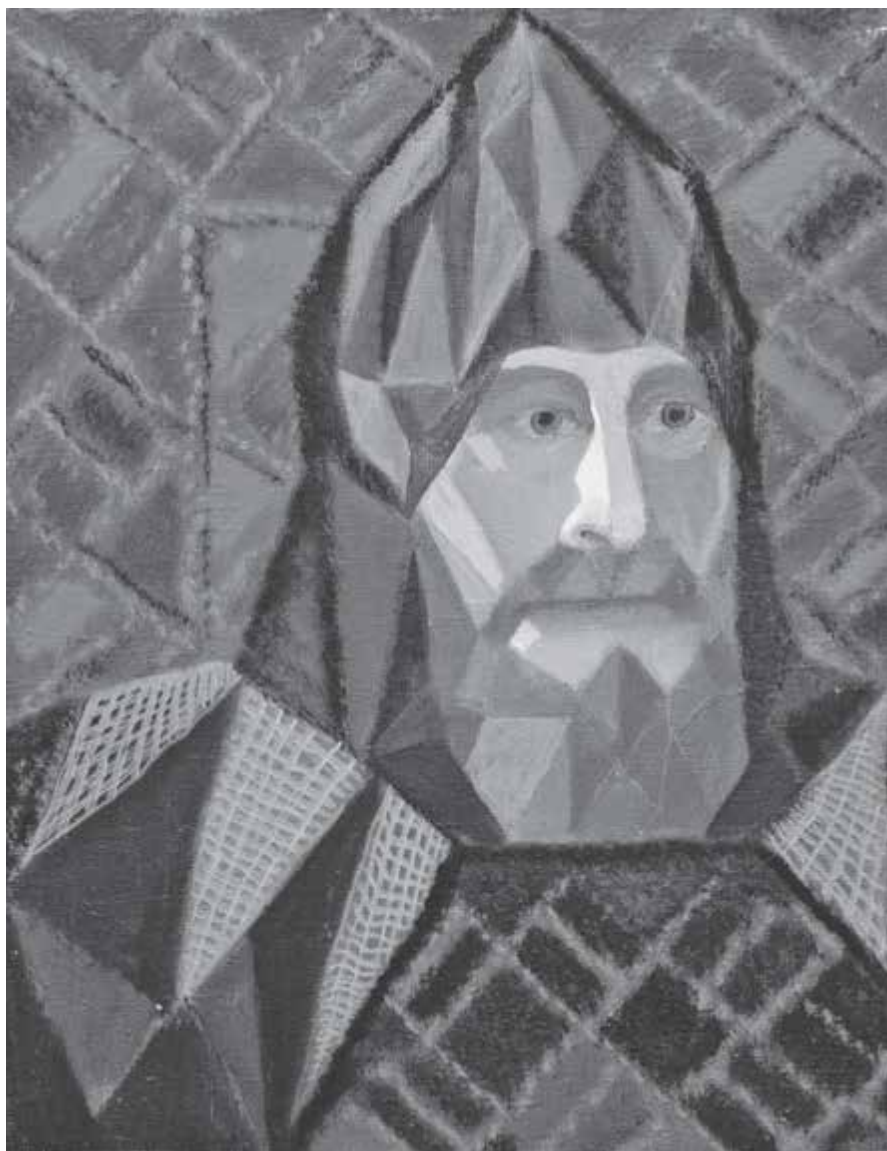
«Тау элени биринде»

«Экинди бла ашхам ортасында»

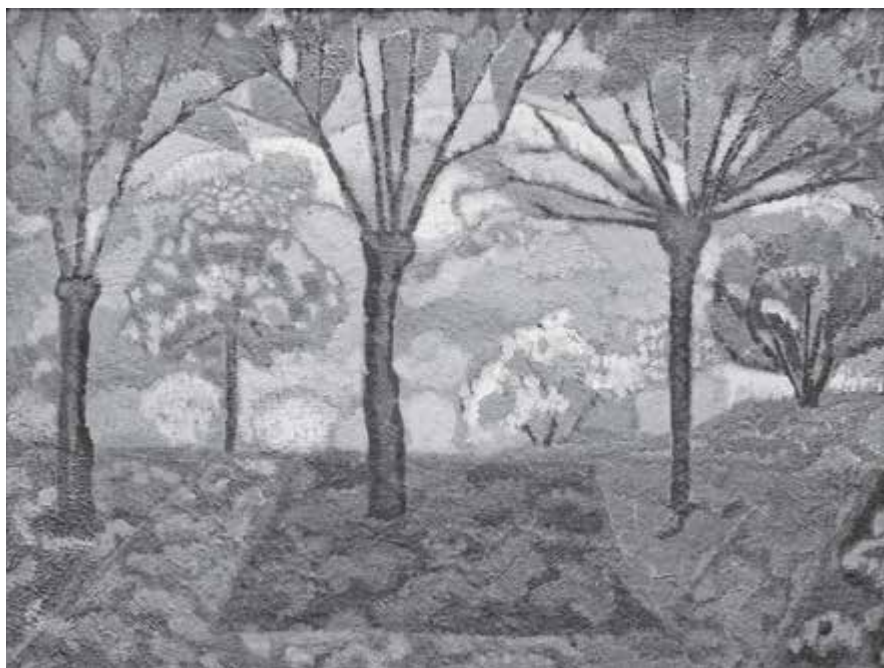

«Натюрморт»

«Ёрюзмек»

«Жаз башы»

«Нальчик курортда»

АДАМЛЫКЪ

Адамлыкъны миллети жокъду, мурдарлыкъны миллети, тукъуму болмагъанча. Адам болгъан, адамлай къалгъан не болумда да эм баш, эм биринчи борчду хар инсаннга да. Ол борчну ким къалай элтгени бла бек къысха, бек терен байламы жангыз да аны кишилигиди. Башха сёзле бла айтханда, ма ол борч бла кёрюнеди къайсы адамны да магъанасы, анга кёре бериледи анга даража. Ма бу тизгинле келедиле бусагъатда кёлюме:

*Бохча ёте эсе тёрге,
Онг кёп болуп, жолдаш а – аз.
Адамлыгъынг керек жерге
Башха бир жукъ жарашалмаз.*

Къайсы бир даулашда, къайсы бир демлешде неда къайсы бир урушда, къазауатда да эм алгъа илишан болуп къалгъан адамлыкъды. Эм алгъа ол жоюлады, ол тас болады, ол ёледи.

Адамлыкъны кючю жаланда аны кишилигиндеди. Къан бла келген жан бла чыгъады дегенлей, адамлыкъ да адамда жаны бла тенг чыгъаргъа тийишли бир ышанды...

Бир жол халкъыбызны ышангылы, керти адамларын-дан бири, РФ-ни сыйлы врачы Мечукъаланы Азрет: «Аскер, Мечукъаланы тукъум тамгъалары Краснодар крайда, Къобан сууну жагъаларында табылгъанды, бир адамла бла тюберге керек эди», – деп сёлешеди. Энди бизни адамларыбыз айтыргъа суйючюдюле: кими Тау-Артындан, кими Тегейден, кими Къумукъдан, неда Чеченден келгенбиз деп, сора фатыуала да келтирирге да сакъдыла. Энди Маштай улу Азретни да тукъуму Къобандан келгенледендиле деген акъыл келеди башыма. Къалай эсе да уллу магъана бермейме, хо, бир кюн бир келирме деп, алай къалама. Бир бёлек заман озады. Биягъы Маштай улу Азрет: «Бери жет, Краснодардан къонакъла келип турадыла», – дегенни айтады.

Келеме. Азретни ишчи отоуу – адамдан толуу... Телевидение, радио. Бир къауум газетледен да – журналистле. Къонакъла – кертиси бла да Къобандан, Краснодар крайдан бир келбетли, огъурлу, бетлеринден ингилик ургъан адамла: Сергей Дубинец жашы Илья бла эм Валерий Постол.

Ишни болуму уа былайды. Валерий Постол Къобан сууну тийресине жумарукъ уугъа барады. Бу жерледе хапарлагъа кёре, Уллу Ата журт урушну кезиунде ачы сермешле болгъан эдиле. Мында къазауат баргъанын билмеген хазна адам бол-

Солдан оннга: Мечукъаланы Мухтар, Гергъокъланы Заур, Сергей Дубинец, Барсагов Анатолий, Мечукъаланы азрет, Валерий Постол

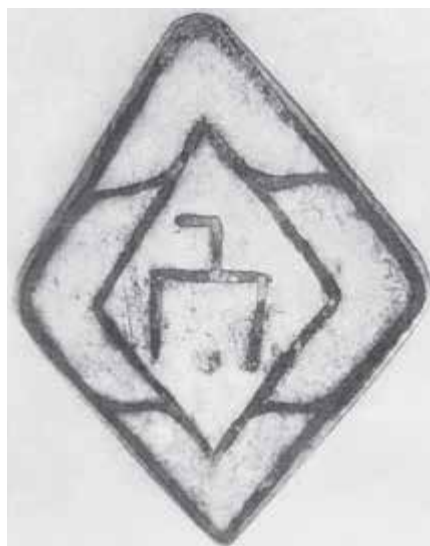
маз. Сора бу жанларына уучула да терк-терк келе туручудула. Валерий да – аладан бирлери. Ол бара тургъанлай, къара топуракъда бир жылтырагъан затны эслейди. Кюмюш болгъанын ангылайды. Анда бир сейир белги да бар...

Бу не тамаша болур деген акъыл бла Валерий Постол, Сергей Дубинец шуёхуна келеди. Сергей тюз кёргенлей окъуна ангылайды бу затда ол белги кимни эсе да тукъум тамгъасы болгъанын. Талай жылны была экиси да интернет бла, башха билген амаллары бла да излеп-соруп кюрешедиле. Болмагъандан ары, была аскерчи шуёхларына, тенглерине жазадыла, суратха алып иедиле. Насыпха, аланы араларында Сергейни аскерде бирге къуллукъ этген танышы да болады – таулу жаш Гергъокъланы Заур. Заур бу затны кёргенлей окъуна, Сергей шуёхуна айтады бу кюмюшден ишленген зат Мечукъаланы тукъум тамгъалары болгъанын. Малкъарда урушха неда узакъ жолоучулукъгъа, жортуулгъа баргъанлагъа дууа орунуна тукъум тамгъаланы боюнларына тагъып ие эдиле.

Терк окъуна, создагъанлай, Заур да, Сергей да, Валерий да Мечукъаланы Азретге чыгъадыла. Маштай улу Азрет битеу бар тасханы чарсын чачады. Хау, бу бизни Мечукъаланы тукъум тамгъабызды дегенни кесгин айтады. Алай кимни, къайсы Мечукъа улуну боюнундан тюшгенди бу тамгъа? – аланы барысын да Маштай улу Азрет ачыкълагъанды. «Жарлы Ильясны заты

Мечукъаланы Ильяс

Тукъум тамгъа

болур эди бу, эшта да, юйдегили болгъанлай, ай да озмагъан эди, аскерге алып кетген эдиле муну. Юй бийчеси уа Мыртазланы Кызикады. Ол бюгюн да сау-саламатды. Огъары Малкъарда жашайды, табылгъан тукъум тамгъабыз бу асыллы керти келинибиз Кызикада турса, дурус кёреме», – деди ол.

Сыйлы къонакъла бла бирге Огъары Малкъаргъа барабыз. Анда районну таматасы Къулбайланы Алан, элни оноучулары да тюбейдиле. Сергей Дубинец жашы Илья бла эм Постол Валерий 80 жыл мындан алгъа Мечукъаланы Ильяс Ата журт ючюн ачы сермешлени биринде жанын берген жерде табылгъан тукъум тамгъаланы Мыртазланы Кызикагъа береди. Къулбайланы Алан, Байсыланы Харун эм башхала да, жүрек ыразылыкъларын билдирип, сёз айтадыла. Районну башчысы Къулбайланы Алан Мыртазланы Кызика бла кёп болмай тюбеп, къыралыбызны башчысыны, аны Правительствосуну, республикабызны атындан да Уллу Хорлам кюн бла алгъышлап кетгенини юсюнден да билдирген эди. Келген къонакъла этген иш Малкъарны тарыхында къаллыгъын, дайым ол адамлыкъны эм бийик ышанладан болгъанын да энчи чертгенди. Хау, кертиди, бу тукъум ишледиле жашауну магъанасын чыгъаргъанла. Кызика бла Ильяс бирге толу ай да жашамагъан эдиле. Аланы араларына палах уруш сугъулгъанды, сау төрт жыйырма жылны бир бирден айыргъанды. Бу саугъа, Ильяс кеси сау къайтып келгенча, алай кёрюнгенди Кызикагъа.

Мыртазланы Кызика

Малкъарны къара намысы деген сагъатларында, неге айта болурла деген сагъыш келе эди кёлюме. Аны биз Мыртазланы Кызикада кёрдюк. Таза ниет, кертичилик, келир кюннге ийнаныу, соймеклик – битеу бары да бирге таулу тиширыуну халал жюрегинде жарашып жашагъанларыды, эшта да, Малкъарны къара намысы. Ол намыс болгъан къадар жашарыкъды миллет да, къууанч кюнде къууана, бушуу кюнде уа жарсый, ахырда умутдан а тюнгюлмей.

Нек эсе да деменгили жазыучу М. Горькийни сёзлери келедиле кёлюме. «Эсни, – дей эди ол, – ангылаудан башхалыгъы жокъду – къаллай бир ангылай эсенг да, аллай бир игилик эслейсе».

Бу юч адам – Сергей Дубинец жашы Илья бла эм Валерий Постол – адамлыкъны кишилигине бизни энтта да бир ийнандыргъандыла. Аны биз ёмюрде да унутурукъ туююлбюз, инша-Аллах...

ДОДУЛАНЫ Аскер

«ДИН КИТАБЫМ»

Тата¹, Кязим, мен² – алтыжыллыкъ сабий – биз ючюбюзден сора ол заманда юйде киши болмайды. Келедиле бир заманда солдатла... Машинагъа жюклеп тебирегенлеринде, Кязим, къадалып, китапларын алыргъа кюрешеди. Солдатла къоймайдыла муну. Кязимни бери хыны тартадыла да, китап чулгъамы жер къаны болады да къалады. Кязим да, таягъы къолундан тюшюп, жыгъылады. Тёрт аякъланганлай, китапла жыяргъа кюрешеди. Ала да къолундан тарта, сыйыра, бир жанына быргъай... Аякълары бла ура... «Дафай, старик, давай!» – дей, ары-бери тюрте... Кязим жиягъан эди алайда... Аман жиягъан эди... Мен да, Кязимге алай артыкълыкъ этгенлерине тёзалмай, хахай этеме. Алай ким болушурукъ эди?!

Марап туруп, чабып Кязимни бир китабын алама, солдатлагъа кёргюзтмей... Артда аны Кязимге бергенимде: «Ай, иги жашым сен, не иги этдинг, не иги этдинг. Дин китабымы келтирдинг, жашым, дин китабымы келтирдинг», – дей, башымы сылай, бизни алып кетген эдиле.

Бисмилляхир-рахмаанир-рахим

Махтау болсун бир Аллахха бу келям,
Файгъамбаргъа болсун салауат-салам,

Сора болсун – асхабына, алина,
Андан сора – буслийманны барына!

Ай мумин, тынгыла бу ариу сёзлеге,
Эшитсенг, жиямукъла келир кёзлеге.

Алдатмай тур кесинги дуния малгъа,
Ышанмай тур келип къаллыкъ ажалгъа.

Амал эт, эркинлик къолдан кетгинчи,
Къайгъынгы кёр, ажал санга жетгинчи.

Узун тутма сен дунияда амалны,
Унутмай тур санга келлик ажалны.

---

¹ Шауаланы Къанитат – Кязимни юй бийчеси – 1945 жылда Къазахстанда ёлгенди. Ёлгенлерибизни Аллах жаннет ахлусу этсин. Амин.

² Солтанланы Юзейир – Кязимни кичи къызындан туугъан – сау-эсенди. Аллах узакъ ёмюр берсин.

Көп жыйма сен дунияны кир малындан,
Санга айтама ёлмекликни халындан:

Ёлюр ауруу тийип, алай жатарса,
Бир заманда, уянып, кёзюнгю ачарса.

Къаргъанырса – къоймай намаз кылыргъа,
Мюлкюнгю берип, башынгы жулургъа.

Этгенлеринг тюше башлар эсинге,
Къоркъуу келир ол заманда кесинге.

Къабыл болмаз ол заманда сёзлеринг,
Бу дуниягъа къарай кетер кёзлеринг.

Азырайыл алыр сени жанынгы,
Олсагъатдан тюзетирле санынгы.

Моллала къангагъа салып, жууарла,
Эки къаты акъ бла да чулгъарла,

Жансыз атха салып, жолгъа чыгъарла,
Ахлуларынг сени ызынгдан жилирла.

Жамауатынг санга намаз кылырла,
Элтип сени тар къабыргъа сугъарла.

Юсюнге анда терк къуярла топуракъ,
Жан кирир да, къобарса сен къоркъаракъ.

Ол заманда билirse ёлгенинги,
Кёрюрсе тар къабыргъа киргенинги.

Салырса къулакъ анда къаламлагъа,
«Саума!» – деп кычырырса адамлагъа.

Эшитмезле адамла анда сёзюнгю,
Кёрюрсе къабырда жангыз ёзюнгю.

Адамла, басдырып сени, кетерле,
Мычымайын Мункар, Накир жетерле.

Аллах, файгъамбардан сау ал этерле,
Уллу-гитче къоймай, алай тинтирле.

Ахшы болсанг, сени ариу кёрюрле,
Бири соруп, бири жууап берирле.

Сурарла анда айтчы деп намазынгдан,
Хайыуанла жиярла ауазынгдан.

Хар бир затны кьалдырмайын сорурла,
Жууабын бермесенг, токьмакъ урурла.

Мункар урса, сени кёкге миндирир,
Накир урса, сени жерге сингдирир,

Мункарны ауузундан отла чачылыр,
Кьабыргъа жаханым эшик ачылыр.

Мункар сорур санга «сурияний» тил,
Бу ишлени кёрлюгюнгю ишексиз бил.

Кьабыр кьысар, кючлю тарлыкь жетдирир,
Жиклеринги бир биринден ётдюрюр.

Окьусанг, Кьуран анда нёгер болур,
Намаз кьылсанг, кьабырынг нюрден толур.

Тамам этсенг хаж, ораза, рекятны, –
Кьууанып табарса анда хар затны.

Мункар, Накир тынч сууалла этерле,
Жубата, жукьлатып берип кетерле.

Кьалырса анда сен махшаргъа деричи,
Кьобарла кьабырдан хар адам ол кюн.

Санга ол кюнню халларындан айтайым, –
Махшар халкьны таурухуна кьайтайым.

Кьобарса кьабырдан, сур юфгюрюлюп,
Кьалырса ол жерде, минг жыл тирилип.

Кьобарса кьабырдан кесинг жаланлай,
Махшар кюнде сен жюрюрсе жаяулай.

Кьоркьгъандан, анда кёзюнгю кьакьмазса,
Бир сёз сёлеширге изми тапмазса.

Тузча болур ол кюн анда эриуюнг,
Табалмазса кирирге бир сериуюн.

Кюн энер жууукъгъа – бир атым къадар,
Табалмазса ол кюн къутулур мадар.

Иссиден ол кюнде мыйысынъгъ къайнар,
Ачыудан ол кюнде жүрегинъгъ жанар.

Жюклерсе аркъангда хар амалынъгъ,
Билмезсе ол кюнде боллукъ халынъгъ.

Батарса белинге дери теринге,
Башханы къайгъысы келмез кёлюнге.

Къайгъыла алырла ол кюн башынъгъ,
Кёрсенг, танымазса кеси жашынъгъ.

Къоркъурса ол кюнде этген хатангдан,
Къачарса ол кюнде кёрген атангдан.

Эки жыйырма он сууалгъа барырса,
Жууап бергенинъгълей – женгил ётерсе,

Жууап бергенинъгълей – женгил ётерсе,
Андан сора сен хыйсапха жетерсе.

Барырса хыйсапха аман къыйналып,
Турурса, Аллахны аллында уялып.

Къарарла, дефтеринъгъ санга берип,
Жилиарса, ичиндегилерин кёрюп.

Аллах санга хыйсап этер сагъатха,
Санларынъгъ сёлешдирир шагъатха.

Барырса андан сыйратха терк сюрюлюп,
Кетерсе сыйратдан, энишге юрюлюп.

Эмерле жилинла, юсюнге жыйылып,
Жанарса жаханымде, жыйырылып.

Шайтан бла сени бирге байларла,
Этинъгъ жаханым итле чайнарла.

Жилиарса ол кюн: «Суу беригиз, – деп, – манга!» –
«Жаншай тур!» – деп, жууап этерле санга.

Сюе болсанг жаханымге бармазгъа,
Кюреш Ибилисге боюн салмазгъа.

Дуния бла Нафс айтханнга айланма,
Жаханымде шайтан бла байланма.

Нек алмайса бу сёзлени эсинге,
Нек этмейсе амал, жазыкъ кесинге?!

Къардашым, бу сёзлени ариу ал,
Китап айтхан хар бир ишге боюн сал.

Ахшылыкъ этсенг, дуняда бир берип,
Къууанырса, ахыратда он кёрюп.

Хайыр этсенг бу дуняда къуллагъа,
Эркин болурса жаннетде хурлагъа.

Къонакъ келсе сени юйюнге, ариу кёр,
Аз-кёп болсун, садакъаны бираз бер.

Аллах буюргъанны къоймай эталсанг,
Буюрмагъанларын этмей кеталсанг,

Жаннетлени сыйлыларын алырса,
Жаханымден узакъ болуп къалырса.

Ариу болса хар адамгъа къылыгъынг,
Къабыл болур сени этген къуллугъунг.

Чомарт болсанг, нюр жаннетге кирирсе,
Сыйратда кёк жашнагъанлай жюрюрге.

Эринмейин, жамауатха жюрюсенг,
Халкъ къатында сыйлыладан бири – сен.

Болсанг мында беш намазны этерге сакъ,
Къыямат кюн болур бетинг сютден акъ.

Инжилтмесенг ананг бла атангы,
Аллах кечер сени этген хатангы.

Дуняда не суйсенг къардашынга
Ахыратда ол келликди башынга.

Ёксюзге, факъыргъа келсе жазыгъынг,
Бек кёп болур сени ахырат азыгъынг.

Ахшыланы ахшылыгъын унутма,
Санга аманлыкъ этгенлеге дерт тутма.

Хайыр берсе халкъгъа ауузунг бла къолунг,
Тюз болур ахыратда барлыкъ жолунг.

Адамлагъа, тил жүрютюп, сёз салма,
Ахырат азабын сен сатып алма.

Эсириклик этген болсанг юмметге,
Бил, кирмезсе, жаным, артал жаннетге.

Тенглеринге этген болсанг изарлыкъ,
Ахырында сынарыкъса бек тарлыкъ.

Къызгъанч болсанг, азны-кёпню санарса,
Къыямат кюн жаханымде жанарса.

Сакъ бол, адамны ызындан иш сёгерсе –
Ахшылыкъларынгдан берип төлерсе.

Намаз къылсанг адамлагъа кёзбаугъа,
Алырса Аллахны сен кесинге жаугъа.

Ётюрюк айтсанг, ауузунга келтирип,
Ийман тохтар сенден кенгнге секирип.

Алгъан болсанг адамны хакъын урлап,
Алыр сенден къыямат кюн он къатлап.

Этсенг дуняда адамгъа артыкълыкъ,
Келир санга ахыратда жазыкълыкъ.

Барсанг дуняда нафсын жолуна,
Эркинлик берсенг Ибилис къолуна,

Намаз къылма деп арсарсыз буюрур,
Ёле туруп, ийманынгы сууурур.

Алдар сени, дуняда кючюн жайып,
Этер санга къыямат кюн бек айып.

Айтыр ол кюн: «Айып этме, – деп, – манга,
Айып тийишлиди менден бек санга.

Дунияда бай болуп, санга бармадым,
Къуру уасуас бла сени алдадым.

Салдым сени къутулмазлыкъ тузакъгъа,
Къачарыкъма сенден бюгюн узакъгъа».

Нек къоркъмайса, бу ишлени кёре-биле,
Нек тураса дунияда юйнай-кюле?

Мени жаным, намазынгы къалдырма,
Ибилисни тузагъына салдырма.

Сен алдатсанг Ибилисге, душманнга,
Ахырында сен къалырса бушманнга.

Бушманлыкъдан артда файда тапмазса,
Артха айланып, бу дуниягъа къайтмазса.

Бу дуниягъа къайтырынгы сюерсе,
Къайталмайын, жаханымде кюерсе.

Аллах бла сакъланайыкъ биз андан.
Тергеу алгъын, харип адам, сен мындан,

Беш намазны къалдырмайын эталгъан,
Харам затдан кесин сакълап кеталгъан,

Ибилисге бойсунургъа унамаз,
Ахыратда бу ишлени сынамаз.

Алдатмай тур кесинги Ибилисге,
Хакъ ийнан файгъамбар айтхан хадисге.

Файгъамбар айтханланы иги ангыла,
Мен да айтама, сен да ийнанып, тынгыла.

Беш намазны жамауатда къылгъаннга,
Беш ахшылыкъ барды аны эталгъаннга:

Дунияда анга факъырлыкъ кёрюлмез,
Ёлгенинде, къабыр азап берилмез.

Ючюнчюсюн баян эттем мен санга...
Берирле дефтерни он кюнден санга.

Сыйратда кёк жашнагъан кибик жюрюр,
Хыйсапсыз, азапсыз жаннетге кирир.

Кязим, харип, бу назмуну этгенде,
Къойду, тынды, бетлери жюз жетгенде.

* * *

Аллах анга жаннет кийим кийдирсин,
Хар бирине жаны кибик суюдюрсюн.

МАУЛЮТ
МУХАММАТ ФАЙГЪАМБАРНЫ
(Аллахны саламы анга болсун)
ТУУГЪАНЫ

Буслийманла, айтайым –
Маулютха тынгылагъыз.
Файгъамбарны хапарын
Башдан-аякъ ангылагъыз.

Алын башлап айтайым,
Болумуну ал бурун.
Халкъдан алгъа жаратды
Файгъамбар боллукъ нюрюн.

Аны ючюн жаратды
Жети кёкню, жерлени,
Аны ючюн болдурду
Тишилени, эрлени.

Жаратхан хар затындан
Аны артыкъ суйгенди.
Махлукъатха Аллах аны
Рахмат этип ийгенди.

Аллах мурат этгенди
Аны нюрюн жаяргъа.
Аны нюрю башланды
Бирден бирге таяргъа.

Таза болгъан атадан
Сыйлы анагъа айланды.
Ата-ана ахшысы
Файгъамбаргъа сайланды.

Бир фыйгъамбар озмады,
Китабында кёрмейин.
Аны бла къауумуна
Сюйюнчюлюк бермейин.

Бу сыфатда, бу жолда
Кёче-келе кетдиле.
Къурайишли Меккада
Абдуллахха жетдиле.

Аны нюрю атадан –
Анасына эннгенди.
Сыйлы болгъан ананы
Бууазлыгъы женгнгенди.

Фыйгъамбарла тюшюнде
Кезиу-кезиу къайтдыла,
Къарнынгдагъы жашындан
Сюйюнчюлюк айтдыла:

«Сенден сыйлы Уллу Аллах
Бир къатынны кёрмеди.
Санга берген баланы
Бир къатыннга бермеди.

Инша-Аллах, къоркъма сен,
Рахатланып жатарса,
Къарынынгдагъы тургъанлай,
Сен Мухаммат атарса».

Бууаз болуп анасы
Эки ай тамам болгъанда,
Ёлдю атасы Абдуллах,
Мадинагъа баргъанда.

Къайын ата жюк болду
Аминатха, къараргъа, –
Аямайын кюрешди
Хар ишинде жараргъа.

Аллах суйген фыйгъамбар
Тууар кезиу жетгенде,
Аны тапхан анасы
Кюченгисин этгенде,

Сыйлы болгъан мёлекле
Жан-жанындан чапдыла.
Башхаладан жашырып,
Къанатларын жапдыла.

Асият бла Мариям
Мычымайын жетдиле.
Эки хур къыз келдиле,
Аначылыкъ этдиле.

Анасындан тууду ол –
Аурутмайын, арытып.
Бу дуниягъа келди ол,
Толгъан айлай жарытып.

Тууду таза жууулуп
Тамам киндик кесилип,
Кёзю сурма сюртюлюп,
Ариу сюннет этилип.

Башын ёрге кётюрюп,
Къолун жерге жетдирип.
Кёзюн кёкге къаратып,
Тилин тасбих этдирип.

Он экинчи баш кече,
Раббигъулауал айда,
Тууду, къууанч кёп болду
Кёкде, жерде, хар къайда.

Аны нюрю жарытды,
Кюн чыкыгъанны, батханны.
Сыйлы этди Уллу Аллах
Аны бизге тапханны.

Жети кёкде мёлекле
Мархабагъа турдула.
Андан сора шайтанны
Кёкде къоймай къуудула.

Маула я салли уа саллим
Дайман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и киллихим...

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Ёрге туруп айтылгъан жери

* * *

Мархаба, я мархаба,
Ой, ахырат юйюбюз
Эсен келдинг, хош келдинг
Халкъдан сыйлы бийибиз.

Ол дуниягъа чыкъгъанын
Саулай алам билгенди,
Хар бир къайгъы тас болуп,
Уллу къууанч келгенди, –

Деди анга хар бири,
Таууш этип мархаба.
Мархаба, я мархаба,
Бади-шахим мархаба.

Мархаба я, мархаба,
Кёз жарыгъым мархаба,
Мархаба я, мархаба
Жан тансыгъым мархаба.

Мархаба я, мархаба,
Дуния уллусу мархаба,
Мархаба я, мархаба,
Халкъ сыйлысы Мархаба.

Мархаба я, мархаба,
Сенсе халкъны тилеги,
Мархаба я, мархаба
Сенсе халкъны суйгени.

Мархаба я, мархаба,
Маюлютюнгю къургъанбыз.
Мархаба, я мархаба,
Сени аллынгда тургъанбыз.

Къабыр азап кѳргюзтмей,
Къабырлада жатдырлыкъ.
Гюняхланы кечдирип,
Жаннетлени тапдырлыкъ.

Мархаба, я мархаба,
Шафауатны билебиз,
Мархабагъа биз туруп,
Сенден аны тилейбиз.

* * *

Ол туугъанлай, ёчюлдю
Мажюсю оту, жанмады.
Фарис сууу къуруду,
Бир тамычы таммады.

Арсар болуп къалдыла
Кяфырланы башлары.
Умур-чумур болдула
Къуллукъ этген къачлары.

Къутулгъанлай, Аминат
Бир суйюнчю жиберди:
«Келсин, кѳрсюн атабыз,
Аллах бизге жаш берди!»

Абдул-Муталип, барып,
Жашын алып кѳргенди.
Хар кѳргенин Аминат
Анга айтып бергенди.

Жашын алып къююнуна,
Кѳп сѳзлеге жетди ол.
Къууанып, Уллу Аллахха
Кѳп шукурла этди ол.

Алгъын жукка ичирди
Кеси анасы Аминат...
Тынгылагъыз, айтды
Сют анасы Халимат.

«Бану-Сагъит атлыды
Биз жашагъан элибиз.
Жауун жаумай, кюн къысып,
Къыйналады кѳлюбюз.

Элибизни башлары
Жыйылдыла, толдула.
Къатын, киши къалмайын,
Оноу-кенгеш болдула.

Оноулары ол болду –
Биз Меккягъа барайыкъ,
Къурайишли бийледен
Эмчек улан алайыкъ.

Берекетли тюйюлдю
Биз жашагъан жерибиз.
Къурайишли бийледен
Берекетле кёрюрбюз.

Къарыгусуздан эшегим,
Мени оздула, кетдиле.
Менден алгъа хар бири
Мекка элине жетдиле.

Мен жетгинчи хар бири
Эмчек жашла алдыла.
«Жеталмадыңг, къалдыңг», – деп,
Манга айып салдыла.

Болалмадым алача
Мен кесими къуаргъа.
Барып кирдим мен элге
Эмчек улан сураргъа.

Бир себепсиз болмайды
Уллу Аллахны хар иши.
Мен аллыма жолукъду
Жарыкъ бетли бир киши.

Бир жанына бурулуп,
Манга ётерге къойду жол.
Абдуллахны атасы
Абдул-Муталип эди ол.

Эмчек излегеними
Айтханымда мен анга:
«Сиз суйгенле – байла», – деп
Жууап берди ол манга.

«Менде барды бир ёксюз,
Уланымдан туугъанды.
Алыр болсанг – берейим,
Алты ай тамам болгъанды».

Айтдым анга: «Къайт артха,
Сени бла барайым.
Берир болсанг, мен аны
Ишлерине къарайым».

Къайтып бардыкъ юйюне,
Мени сыйлы кёрдюле.
Дарийлеге бёленнген
Жашны манга бердиле.

Жашны алгъанлай къолума,
Кёзюн ачып къарады.
Кёзлеринден нюр чыгъып,
Жюрегиме жарады.

Айтхан эдим алагъа:
«Мен ызыма къайтайым,
Бу жашчыкъны болушун
Мен эриме айтайым».

Барып айтдым эриме:
«Кел, барайыкъ, кёрейик,
Мен суйгенлей, сен суйсенг,
Эмчек алып келейик».

Эрим айтды кёргенлей:
«Нек алмадынг муну сен!
Манга сормай алсанг да,
Бразы боллукъ эдим мен».

Женгил болду хар саным –
Аны эмчекге алгъанлай.
Ёшюнлерим къыздыла
Аны аузуна салгъанлай.

Жашны алып тебиредик,
Къабыл болуп тилекле.
Нёгерлеге жетишдик,
Рахатланып жюрекле.

Нёгерлерим келдиле,
Жашны алып кёрдюле,
Алгыш этип хар бири,
Жашны манга бердиле.

Къууанышып барыбыз,
Эмчеклеге къапландыкъ.
Эшеклеге минишип.
Жолубузгъа атландыкъ.

Баралмагъан эшегим
Алгъын халын ташлады.
Жашчыкъ бла миннгенлей –
Барын озуп башлады.

Аны эмчек алгъынчы,
Такъыр эди жашауум.
Ол юйюме киргенлей,
Эркин болду ашауум.

Аны эмчек алгъынчы,
Кеси жашым тоймаучед.
Кече жатсам, тёшекде
Кёз къысаргъа къоймаучед.

Аны нюрю бла мен
Бютюнлендим жарыкъдан.
Бёлек къоюм бар эди –
Къарыусузла арыкъдан.

Къойларымы, жыйдырып,
Аны аллында элтдирдим.
Сыйлы сабий къолларын
Сыртларына жетдирдим.

Арыкъ болгъан къойларым
Къалмай семиз болдула.
Къуруп тургъан желинле,
Къызып, сютден толдула.

Бир табакъгъа аш салып,
Анга ашатсам башындан,
Тоюучу эди юйюрюм,
Аны къалгъан ашындан.

Ол табакъны толтуруп,
Бирер-бирер бергенде,
«Тоярламы?» – деп андан,
Кесим сынап кӛргенде,

Ашаучу эдиле бирерин,
Бир затын да кӛймайын,
Къалыучу эдиле кӛарашып,
Биреринден тоймайын.

Жашларыма айтыучем:
Мухамматны урмагъыз!
Мухамматдан алгъа сиз
Аш къатына турмагъыз».

Кезиуюне жетишди
Жумушуму этерге.
Чыкъды бир кюн жаш бала
Кӛйчукъъланы кютерге.

Чабып келди жашчыгъым,
Бети сары-акъ болуп.
Хахай этди ол манга,
Жилямукъдан кӛз толуп.

Айтды манга: «Ой, анам,
Мухамматха жетчи сен,
Сау табарса деп аны
Умут эталмайма мен».

Чабып бардым мен анга,
Жюрегим бек таралып.
Тапхан эдим мен аны
Кӛзю кӛкге аралып.

Ол кӛыртышха олтурду,
Баргъанымы билгенде.
Жюрегими жазды ол,
Манга айланып кюлгенде.

Аны ол халда кӛргенде,
Жюрегим аман толду.
Айтды манга: «Ой, анам,
Айтчы, санга не болду?»

Айтды манга: «Ой, анам,
Эки мёлек чыкъдыла,
Къолларымы тутдула,
Тюз сыртымдан жыкъдыла.

Жютю бичакъ алдыла,
Жюрегими жардыла.
Аман къанын кетерип,
Жарыкъ нюрню салдыла.

Ёшюнюмю тикдиле,
Олсагъат сау этдиле.
Сен келгенни кёргенде,
Мени къоюп кетдиле».

Иги болду жюрегим,
Аны алай кёргенде.
Рахмат этди ол мени,
Айтып хапар бергенде.

Аны кибик мен анда
Кёп алаамат кёргенем.
Къоркыгъандан, элтип аны
Мен юйюне бергенем.

Хапарын айтдым сизге, –
Жюреклеге салыгъыз.
Салауатла кёп салып,
Шафагъатын алыгъыз...

ФАЙГЪАМБАРНЫ КЁКГЕ ЧЫКЪГЪАН ХАПАРЫ

Тынгылагъыз, айтайым
Кёкге чыкыгъан сафарын.
Эсигизде тутугъуз
Файгъамбарны хапарын.

Бир баш кече Меккада
Кесим жукълап тургъанлай,
Мен элгенип уяндым,
Жабрайыл кычыргъанлай.

Кёрдюм: мени къатымда
Ёрге туруп, Жабрайыл.

Айтды манга: «Я расул,
Сени Аллах излейди, бил».

Чыкъдым эшик аллына
Къайгъы этип, къоркъаракъ.
Кёрдюм эшик аллында
Жер салынып бир Боракъ.

Бийик эди къадырдан,
Атдан – бираз гитчерек.
Нюр жаухардан къуралып
Юсюндеги ат керек.

Кёрдюм – аны жанында
Ёре туруп бир мёлек.
Айтды манга: «Я расул,
Къабыл болду хар тилек».

Инша-Аллах, бюгече
Жети кёкден ётейик.
Бир сагъатны ичинде
Биз Къуддусха жетейик».

Миндим анга. Тартды ол,
Даякъларын алдырып,
Кёз жетмеген жерлеге
Атламларын салдырып.

Биз ёрлесек тик ёрге –
Бийик болуп арт жаны.
Тигелесек баш эншге –
Узун болуп ал жаны.

Бир сагъатны ичинде
Бир Къуддусха жетишдик.
Файгъамбарла келдиле,
Салам-келям этишдик.

Файгъамбарла барысы
Мени ийманнга салдыла
Эки ракагъат намаз
Мени бла къылдыла.

Андан чыгъып, Боракъны
Бир тогъайгъа байладыкъ.

Андан ёрге экибиз
Жаяулукъну сайладыкъ.

Мигирашха чыгып, биз
Жети кёкден ётгенде,
Жети кёкден къутулуп,
Ситиратха жетгенде,

Айтда манга Жабрайыл:
«Мындан ёрге мен бармам,
Мындан ёрге атласам,
Ачымайын мен къалмам».

Жабрайылгъа айтдым мен:
«Энди къалай этейим?
Танымагъан жериме
Кесим къалай кетейим?»

Биз ол сёзде тургъанлай,
Бир жашил раф-раф жетди.
Андан ары ол манга
Ариу нёгерлик этди.

Жашил раф-раф бла мен
Кёп жабыудан ётгенек.
Кёп жабыудан къутулуп,
Къаусайнагъа жетгенек.

Биз жетгинчи Уллу Аллах
Хар айтырын гъарз этди,
Юмметиме ол мени
Элли намаз фарз этди.

Мусса бла кенгешип,
Хар ишими тындырдым.
Къайтып келип, аланы,
Беш намазгъа жыйдырдым.

Къайтып келип, Къуддусда
Ала бла кёрюшдюм.
Жатхан жерим сууумай,
Мен Меккагъа жетишдим.

Тынч чыгъарын суйсегиз,
Ёле туруп жаныгъыз –

Маулют этип, сиз Анга
Салауатла салыгъыз.

Къыямат кюн сиз Андан
Шафагъатла алыгъыз,
Жаханымни отундан
Узакъ болуп къалыгъыз.

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Сыйлы суйген къулуна
Рахмат этсин Уллу Аллах.
Ахлу-асхабларына
Бъразы болсун бир Аллах.

Маулют этген адамла,
Биз тилейбиз, я Аллах,
Муну жазгъан адамны
Гюняхларын кеч, Аллах!

Биз жыйылгъан къулланы
Жаннет ахлу эт, Аллах!
Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, Аллах,
Бихурматилфатихат.
Алхам сура:

***Бисмилляхир-рахмаанир-рахиим!
Аль-хамду-лилляхи раббилъ гъалямин!
Ар-рахмаанир-рахиим!
Малики яумид-дин!
Ииака нагъбуду уа ииака настагъиин!***

**Ихдинас-сырааталь-мустакъиим!
Сыраталь-лязина
Ангъамта гъалейхим.
Гъейриль-магъдууби
Гъалейхим уаляд-да-иллиин!**

Кязим харип тилейди
Муну окъугъанладан:
Унутмасынла мени
Хар бири да дууадан.

Мен да окъудум, билдим
Буруннгуну хапарын.
Сюеме хар тюз адам
Ийман бла жашарын.

Кёкге учхан, я расул,
Игилигинг кёп болду.
Кязим кибик факъыргъа
Кёргюзтгюн сен тюз жолну.

Адам адам болургъа
Динни жарыгъы керек,
Хатерлиге, игиге
Ачылсын жаннет эшик.

Дин къардашла, ахлула,
Бирден болургъа керек.
Файгъамбарны саламын
Бирден сорургъа керек.

Файгъамбарны туугъанын
Кёкге учханын санадым.
Аны ёлген хапарын
Айталырмы къаламым...

ФАЙГЪАМБАРНЫ ЁЛГЕНИ

Тынгылагъыз, айтайым –
Жюреклеге алыгъыз,
Шафауатын эсгерип,
Салауатла салыгъыз.

Дуня уллусу Мухаммат
Алтмыш ючге жетгенди.

Жилямукъла тѣгююз –
Ол дуниядан кетгенди.

Жууукъ болгъан заманда
Ол дуниядан кетерге,
Аллах ийди келечи
Анга хапар этерге.

Келип айтды келечи:
«Мени Аллах ийгенди,
Сени суйген Уллу Аллах
Тансыкъ болуп излейди».

Бу хапарны билгенде –
Къайтып кирди юйюне.
Тансыкъ болгъан Аллахны
Буйругъуна суйюне.

Келип, юйде тураед,
Уллу къызы Фатима.
Аны алай кѣргенде
Чабып келди къатына.

– Атам, жаным, къалайды
Сени бюгюн халларынг?
Нек мудахса сен былай,
Ауруймуду санларынг?

– Не этейим, Фатима,
Саным къызып кюеди.
Тансыкъ болгъан Аллахха
Жаным барса сюеди.

Бу хапарны эшитгенлей,
Асхапары жетдиле.
Дауаф этип хужурасын,
Жиляй-жиляй кетдиле.

Билял эди хар эрттен
Файгъамбаргъа келиучю.
Жукълаймыды, уяумуду –
Халын соруп билиучю.

Келип айтды: Ассалату
Я хабибу зулжалал.

Жууап этди файгъамбар:
«Мен баралмам, ай Билал,

Иймам болусн Аубекир,
Энди, бар да, хапар айт.
Анга уюсун асхапла,
Заман болду, энди къайт».

Биял деген, баш ачып,
Жиляй-жиляй къайтханды.
Файгъамбарны хапарын
Асхаплагъа айтханды.

Аубекир ёрге турду
Иймамчылыкъ этерге
Жилямай чыдамады
Михрабына жетерге.

Жиляу болуп межгитде –
Къычырыкъдан толгъанды.
Асхапланы тауушу
Файгъамбаргъа баргъанды.

«Тутугъуз, мен турайым,
Межгитиме барайым.
Асхаплагъа жетишип.
Халларына къарайым».

Ёрге туруп барды ол
Асхапланы жанына,
Мудах болуп къарады
Асхапланы халына.

«Ёлюм мени айырса
Сизден, - деди Мухаммат, –
Сизни Аллахха аманат.

Аны зикир этип, сиз
Ол айтханны этигиз.
Ийман бла, дин бла
Бу дуниядан кетигиз...

Жаханымден, суйсегиз,
Узакъ болур жаныгъыз,
Маулют этип, сиз анга
Салауатла салыгъыз».

* * *

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Былай айтып, Файгъамбар
Къайтды юйюне орунуна.
Жиляу болуп Фатима,
Къапланнганды боюнуна.

«Атам, кюнюм, ёлме сен,
Сени ючюн мен ёлейим.
Сен сау болуп, сени ючюн,
Жанымы мен берейим».

«Жанмы, къызым, Фатима,
Кёпдю, энди жилияма.
Кёзлеринги суун сюрт,
Кёпдю, къызым, къыйналма.

Хасан бла Хусейин
Келсинлечи къатыма.
Хапар берчи алагъа,
Сюйген къызым Фатима.

Ёле туруп, къатымда
Мен аланы кёрейим.
Къууанч болуп алагъа,
Мен жанымы берейим».

Жашла чабып келдиле
Файгъамбарны аллына,
Туудукъларын кёргенде,
Тынчлыкъ келди санына.

«Амал жокъмуд, атабыз,
Сен жанынгы бермезге?
Туумай къалсакъ ахшы эди:
Сени былай кёрмезге».

Хасан бла Хусейин
Бу сёзлени айтдыла.
Жилляй-жилляй, экиси
Ызларына къайтдыла.

Былай эте тургъанлай,
Жабрайыл къайтханды,
Уллу Аллахны саламын
Файгъамбаргъа айтханды.

«Сор, – дегенди Уллу Аллах, –
Мен тилегин кёрейим,
Не тилесе файгъамбар,
Аны анга берейим».

«Юмметими тилейме,
Айт Аллахха, къайт кери,
Олду мени тилегим
Туугъан кюнюмден бери».

Жабрайыл къайтханлай,
Мычымайын терк келди.
«Юмметинги кечди», – деп,
Суйюнчюлюгюн берди.

Хар бир адам къабырда
Арасатха къайтханда,
Файгъамбаргъа хар бири
Нафсым, нафсым айтханда,

Файгъамбарым Мухаммат
Юммет, юммет дерикди.
Хар айтханын Уллу Аллах
Ол кюн анга берликди.

Юммет эсенг сен анга,
Хукматынгы эт тамам,
Айт, жюрекни жылытып:
«Ассалату уа ассалам».

Сиз суйсегиз – жаннетде
Ырахат болур жанынгыз,
Маулют этип, сиз анга
Салауатла салыгъыз.

* * *

Файгъамбарым ишексиз
Кетеригин билгенде,
Асхапларын кёрюрге
Жаны бла суйгенде,

Асхаплары, терк болуп,
Чабып анга жетдиле.
Салам берип, анга ала
Уллу хурмет этдиле.

Баян этди осуят,
Асхаплагъа сёлешип:
«Къууанайыкъ, – деди ол, –
Жарыкъ бетден тубешип.

Хасан бла Хусейин –
Жандан суйген балала,
Хасан бла Хусейин
Фатимагъа къалалла.

Келтиригиз жашланы,
Тобугъума салыгъыз.
Жаннетледе кёрейик,
Сау-саламат къалыгъыз.

Чакъырыгъыз Билялны,
Келсин мени къатыма.
Жюкню анга жюклетип,
Кёп миннгенме атына.

Сёлешигиз, айтыгъыз,
Ыразылыгъын алыгъыз.
Айшат бла Фатима,
Сау-саламат къалыгъыз.

Билял салах къычырсын,
Халкъгъа хапар берирге.
Асхапларым жыйылып
Жаназыма келирге.

Фазлий къуйсун суууму,
Алий жуусун санымы.
Узайтмайын береме
Бир Аллахха жанымы.

Аубекирни аллына
Жаназымы салыгъыз
Асхапларым, барыгъыз
Сау-саламат къалыгъыз.

Жанны берген излейди,
Мен кесине берейим.
Юмметлерим, мен сизни
Жаннетледе кёрейим.

Сиз суйсегиз къалмайын
Жаннетлеге барыргъа –
Ашыгъыгъыз, унутмай,
Салауатла салыргъа.

* * *

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Бу сёздеде тургъанлай
Бир кычырыкъ келгенди.
Азырайыл болгъанын
Мухаммат да билгенди.

«Манга изми бармыды
Юйюгюзге кирирге?
Ол нюр болуп жарытхан
Бетигизни кёрюрге?»

«Ауруйд сыйлы файгъамбар, –
Деди анга Фатима, –
Санга изми табылмаз
Кирирге аны къатына.

Биз турабыз къатында
Аны халын сурашып,
Бар эшикге, къардашым,
Биз турабыз, жиляшып».

Дагъыда бир къыгчырды:
«Мен кеталмам, кёрмейин,
Сюйюлюннген затны алып
Сюйгенине бермейин!» ...

«Кимди, билмейме, атам,
Сени кёрмей кетмейди.
Къайт деп анга мен айтсам,
Айтханымы этмейди».

«Жан алыгучу Азырайыл
Олду, къызым, Фатима,
Сен тыймачы, кирме къой,
Келсин мени къатыма.

Ата бла ананы,
Эгеч, кърдаш, баланы
Айырыгучу, къоймагучу,
Бир биринден аланы.

Олду сыйсыз этдирген
Жанын алып сауланы.
Ата-ана къоймайын,
Ёксюз этген баланы.

Эшик ачды, кел деди
Азырайылгъа Фатима.
Кирип келди Азырайыл
Файгъамбарны къатына.

«Келгенмисе сен манга
Зияратымы этерге?
Угъай болса, келдингми
Жанымы алып кетерге?»

«Мен келгенме, буюрсанг,
Жанынгы алып кетерге.
Зияратны битдирип,
Сен айтханны этерге».

«Мен айтханны сен этсенг,
Сыйлы къонакъ мёлегим,
Юмметими жазыкъсын,
Олду мени тилегим...»

Уллу Аллахдан ол заман
Анга таууш жетгенди.
Хар тилекни Уллу Аллах
Анга къабыл этгенди.

Асхаплагъа билдирди
Хар бири затны тамамын,
Айтыгъыз деп буюрду
Юмметлеге саламын.

«Сюннетими тутсунла
Жандан суйген юмметим,
Ала ючюн хазырды
Шафауатым, жаннетим», –

Былай айтып, файгъамбар
Жанын берди Аллахха.
Юммет этген бизни анга,
Шукур болсун Аллахха.

Сиз суйсегиз, юмметле,
Шафауатла алыргъа,
Керек болур хар заман
Салауатла салыргъа.

Жилямукъла сиз тегюп,
Салауатла салыгъыз
Осуятын сиз тутуп,
Ыразылыгъын алыгъыз.

* * *

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Тынгылагъыз сёзюме –
Мындан оюм алайыкъ,
Анга ойлашып, тюзелип,
Жарыкъ бетден барайыкъ.

Бир жан умут этмесин
Бу дуняда жашаргъа,
Узакъ, узун хар заман
Дунядагъын ашаргъа.

Расул кетген дуняда
Амал тапмаз къалыргъа,
Файгъамбаргъа бермеген
Эркинликни алыргъа.

Энди, жаным, къаргъыз
Бу дуняны халына,
Халал, харам айырмай,
Алданганбыз малына.

Биз алдандыкъ дунягъа,
Къалай болур халыбыз?
Айырылып жаныбыз,
Топуракъ болур саныбыз.

Ахыратны унутдукъ,
Ахшы амал этмейбиз,
Аллах айтхан тюз жолдан
Биз барыбыз кетмейбиз.

Келигиз, дин, къардашла,
Бу халланы къояйыкъ.
Харам затны биз къоюп,
Халал ашдан тояйыкъ.

Бу дуняны артха атып,
Ахшы амал этейик.
Гюняхланы кечдирип.
Бу дуниядан кетейик.

Аллах айтхан затланы
Биз барысын этейик.
Аны бла биз аны
Рахматына жетейик.

Умут этип тилейбиз
Рахматындан биз аны.
Сыйлы болгъан Файгъамбар,
Хатеринге кеч бизни.

Салат-салам айтабыз
Файгъамбарны жанына,
Асхап-асхап, ансаргъа, –
Юмметлени барына.

Салауатла салыгъыз,
Шафауатын алыргъа
Уллу Аллахдан тилейбиз
Жарыкъ бетден барыргъа.

Аллах, Аллах, я Аллах,
Гюняхланы кеч, Аллах,
Аллах, Аллах, я Аллах,
Рахматынгы эт, Аллах,

Аллах, Аллах, я Аллах,
Тилеклени кёр, Аллах.
Аллах, Аллах, я Аллах,
Жаннетлени бер, Аллах.

Маула я салли уа саллим
Даиман абада
Гъала хабибика
Хайрилхалкъ и куллихим...

Жюреклени таза этип,
Уллу Аллахха къайтыгъыз,
Ай, къардашла, барыгъыз
«Аллах, Аллах» айтыгъыз.

Хар тилеги табылып
Уллу Аллахха къайтханны.
Жаннетлеге баш этер
«Аллах, Аллах» айтханны.

Зикирге сан бермейин,
Кёп зикирге жетигиз.
Бу дунияда тохтамай
«Аллах, Аллах» этигиз.

Олду, гюнях къурутуп.
Муратлагъа жетдирлик.
Бармыд сизде чакъырып,
«Аллах, Аллах» этдирлик.

Олду зикир жарыгъы,
Сиз кёрмейсиз кёз бла.
Хар ауруудан сау болад
«Аллах, Аллах» сёз бла.

Сыйратдан тынч ётмейсиз,
Аллах сизге ёт демей,
Бу дуниядан кетмезсиз,
Аллах сизге кет демей.

Амал жокъду жашаргъа
Ол дуниягъа къайтмайын,
Жаннетлени тапмазсыз,
«Аллах, Аллах» айтмайын.

Ийман бла, дин бла
Ол дуниягъа къайтайыкъ.
Кече, кюндюз тохтамай
«Аллах, Аллах» айтайыкъ.

Сыйрат, мизан къутулуп,
Жаннетлеге ётейик.
Сабий къалмай, къарт къалмай, –
«Аллах, Аллах» этейик.

Инша-Аллах, къутулуп,
Жаннетлеге кетербиз.
Анда къалмай юмметлер
«Аллах, Аллах» этербиз.

Хар къайгъыдан къутулуп,
Жаннетлеге жетишип.
Хурла бла кычырып,
«Аллах, Аллах» этишип.

Сыйрат, мизан къутулуп,
Жаннетлеге киргенде,
Къалмай мукъмин кычырып:
«Аллах, Аллах!» дегенде,

Къалдырмасын Уллу Аллах
Бир жамалын кёрмейин.
Туура айланып, биз анга:
«Аллах, «Аллах» демейин.

Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,

Муну жазгъан жетгенди
Юч он бла жетиге.
Жаннет юлюш тилейди
Мёчюланы Беккиге.

Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,

Кязим, харип, сен жаздын
Файгъамбарны халларын.
Санга Аллах жол берсин,
Узакъ болсун саламынг.

Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах,
Амин, амин, я Аллах.

Я архата ррахимин
Бирахматика.

КЪЫШ АГЪАЧДА

Кюнден-кюннге сууукъдан-сууукъ бола башлагъанда, агъач жанууарла бары да къышха хазырлана тебирейдиле. Юйчюк-лерин къурайдыла, аш-азыкъ да жыядыла, арт асырауларын унутмайдыла. Къоянлагъа ынналары акъ тончукъла тикгенди, ала къарда жаулагъа кёрюнмезча. Тюлкюле уа сары тончукъланы сайлагъандыла. Къаргъалагъа аталары базардан къышкъызыл чурукъчукъла алып келгенди, жангы къарда эркин-эркин атларча. Бёрюлени аппалары сюрюучюдю да, ол кюз артында къыркъгъан жюнден ынналары жылы уюкъла этгенди.

Жалан эрленчикледен бири хазырланмагъанды къышха. Ол ишлерге суймейди да, тамбласыны сагъышын этмеди да, ма андан. Бутакъдан-бутакъгъа секирип айланады, къуругъан сары чапыракълада ары-бери тёнгерей, жашаугъа къууанып. Алайлай, кёп да бармай, биринчи сууукъла келдиле...

Энди уа анга теркден-терк чабаргъа тюшеди, нек дегенде жер бузлагъанды да, аякъчыкълары сууукъ боладыла. Дорбунчугъунда да артыкъ жылы туююлдю. Ол заманда сагъыш этди эрленчик: «Ма мен къургъакъ чапыракълада булгъанып айланмай, аланы жыйып, юйюме келтирсем эди, шёндю къалай жылы боллукъ эди дорбунум».

Ач болду. Юйде уа тишге алыргъа бир зат да жокъ. Агъачда уа болгъан бузлапды. Эрленчик къоркъду. «Энди уа мен не этейим?» – деп жылады.

Аны эсине кирпичик тюшдю. Нёгерини юйчюгю тынгылы, арт къысдырыкъгъа да аман болмаучуду. Эрленчик барды кирпичини юйюне. Аякъчыгъын байлады да, эшигин алай къакъды. Кирпичик сейир этди, аны кёргенинде:

– Не болгъанды аякъчыгъынга, тюнене терекден-терекге бек тири секирип айлана эдинг да? – деди.

– Аягъымы ачитханма, къышха хазырлана, энди уа ашарыгъым да жокъ, уячыгъым да – сууукъ, – деди эрленчик.

Кирпи эриди да, юйюне чакъырды. Ашатхан да этди. Бир ауукъ заманына жетерча, аш-азыкъ да берди. Эрленчик: «Сау бол!» – деди нёгерине.

Чыгъып бара уа, башха аягъына акъсап башлады.

Кирпичиг а:

– Сен келгенде, ол аягъынга акъсамагъан эдинг да? Нёгерлерин алдагъан иги туююлдю, – деди.

Эрленчик уялды. Сора керти хапарын болушунлай айтды.
– Энди мен бир заманда да эринирик тьююлме. Негерлерими да бу жолдан сора алдамам, – деди эрленчик.

Кирпи ийнанды анга. Жаны ауруду да, бу кышыны биргесине жашаргъа чакъырды.

Сууукъ кышыны ала ойнай-кюле ётдюрдюле.

ТАБИЙГЪАТНЫ АРИУЛУГЪУ

Аслан бла Мухаммат татлы негерледиле. Элде бир жерчикде жашайдыла. Ала школда да бир классда окъуйдула.

Бир жол Аслан Мухамматны чабакъ тутаргъа чакъырды. Тамбла барыргъа оноулашдыла. Эрттенликде эртте жолгъа чыкъдыла.

Жай солуу кюнлерине кыууана, алда юч ай зауукъ заман боллугъун эслерине тюшюре, кёллери кётюрюле, кыууана бардыла.

Суу жагъагъа жетдиле. Тегерек асыры ариудан, бир ауукъ заманны олтуруп, табийгъатха тынгылап турдула.

– Мухаммат, къаллай ариу жерде жашайбыз биз, – деди Аслан.

– Хау, жерибиз бирда алааматды, – деп жууаплады Мухаммат.

– Къарачы бу кыудуретге, узакъда тау тёппеле къалай тап кёрюнедиле, – деди Аслан.

– Табийгъатыбыз алааматды: къаяларыбыз, тюрлю-тюрлю тереклерибиз, къанатлыларыбыз, жаныуарларыбыз да кепдюле, – дегенни айтды Мухаммат.

Бир кесек заманны чыпчыкъланы жырлагъанларына тынгылап турдула.

– Чабакъ тутабызмы? – деп сорду Аслан.

– Кел, андан эсе, марако жыяйыкъ да, юйге барып, анняны кыууандырайыкъ, – деди Мухаммат.

Мухаммат бла Аслан, кеч болмай, марако жыйып, юйге къайтдыла да, аналарындан ыспас алдыла.

АХМАТЧЫКЪ БЛА ЖИЛЯН

Орта Азияда болгъан ишди бу, биз анда тургъанда.

Ахматчыкъ, атасы, тамата къарындашлары, эгечи да ёлюп, жангыз анасы бла къалгъанында, жарлыны бузоуу ёгюзлюк этер дегенлей болду...

Бир жол анасы бла чюгюндюр бахчагъа барды. Кюн асыры къыздыргъандан, чыдап болмазчады. Тюш кезиуде бир ауа-нагъа къысылып, бираз солуу алдыла, ауузланган да этдиле. Анасыны кёзю къалкъыугъа кете башлагъанын эслеген Ахматчыкъ:

– Ання, арыгъанса, таянып, бираз солурму эдинг? – деди.

– Хо, жашым, кюн къыздыргъаны селейгинчи, бир кесек-чик жукълайым. Сен а къатымдан узакъ кетмей тур, охому?

– Къайгъы этме, ання, бир жары да кетмем.

Ахматчыкъ, анасыны къатында олтуруп, чёпчюк бла жубана тургъанлай, бир жылтырауукъ жилин ала таба сюркелип келгенин эслеп, секирип ёрге турады. Ол да жеринден тургъан кезиучюкге жилин олсагъат къалкъыгъан анасыны ауузуна ташпайды да кетди! Ахматчыкъ, асыры абызырагъандан, не этерин билмей, симсиреди. Бир кесекден жилин, башын тышына къаратып, сызгъырып башлады. Аны тауушуна тюз аныча дагъыда бир башха жилин аны таба сюйрелип башлады. Жашчыкъ, аны да къайры жол тутханын ангылап, къаура таякъчыкъ бла артха-артха атып, нёгерине жууукълашдырмаздан иги кесек кюрешди. Ол бири уа, шош чыгъып келип, анга кёшолду да, экиси да бирге алайдан башха жерге узайдыла.

Ахматчыкъ анасын уятды.

– Ання, жукъладынгмы бираз? – деп сорду, бир жукъ да болмагъанча. Аннякагъа бир хата этмеги эди ол жилин деген къоркъууда.

– Хау, балам, жукъладым. Арыгъаным да кетди. Алай тюшюмде-тюнюмде эсе да, ичим бир салкъын болгъан эди, – деди.

Сора жашчыгъыны бети агъарып, тер басып тургъанын кёрген ана, дыгаласха къалып:

– Жашым, ананг ёллюк, кюн тюбюндеми турдунг, былай суу-салам нек болдунг? – деп сорду.

Ахматчыкъ, кёргенин айтып, анасын къоркъутургъа болмай:

– Угъай, ання, салкъында тургъаным ючюн болур, – деп кёйдю.

Ахматчыкъ, уллу жаш болуп, Кавказгъа къайтханларын-дан сора, къайда кеч айтхан эди анасына жилинны хапарын. Кёчгюнчюлюкню ол исси кюнюнде анасын ёлюмден къутхаргъан эди ол...

ЭЛБЕРГЕ

Алийланы Солтан «Къарачай халкъны эл берген жомакълары» (1984 ж.) деген китабында жазгъаннга кёре, элбер айтып, оюн къурауну кесини энчиликлери болгъандыла. Ол юлгюге бу оюнну келтиреди.

Биреу биреуге бир элберни айтып, тынгылагъан адам аны билалмаса, айтхан адамгъа эл неда тийре берип, жууабын алай айтдырады. Сёз ючюн:

- «Эл ашагъан эмеген». Билчи, не затды?
- Бёрю болурму?
- Огъай.
- Айыгу болурму?
- Огъай.
- Сарыуек болурму?
- Огъай.
- Сора билмейме, кесинг айт.
- Эл берсенг – айтырма.
- Къайсы элни берейим?
- Сүйген элинги бер.
- Учкуланны береме.
- Учкуланны да игилиги-ашхылыгъы – мени, аманлыгъы – ташдан-таудан кери, ол да неди дёсенг: тирмен!

Элберни жууабын билмеген адам, сен берген элни алып къоймай, кеси сайлап, ушатхан элин алыргъа эркинди. Алай а, башдан-башха излеген элин кеси ачыкъ-дауламай, сен эллене бере келип, аны жүрегиндегин сагъыннгынчы сакълайды. Сёз ючюн:

- Аллы – бургъуч, арты – къуйгъуч. Не затды? Бил.
- Комбайн?
- Огъай.
- Трактор?
- Огъай.
- Сора билмейме, кесинг айт. – Эл бер, айтайым.
- Къайсы элни берейим?
- Бир мажал элни бермесенг, айтырыкъ тюлме.
- Жазлыкъны береме.
- Жолу аманды.
- Жёгетейни береме.
- Сууу къобады да, адам элтеди.
- Ташкёпюрню береме.
- Тикди, кесинги болсун.
- Алай эсе, Хурзукну береме.

– Аллах-Аллах, къойчу жашлары, тойчу къызлары, не сёз барды! Хурзукну да игилиги-ашхылыгы – мени, аманлыгы – ташдан-таудан кери, ол да неди десенг: сют мешина!

Къарачай-Малкъар элберле

1. Эрттен бла төрт аякъланып жюрюйдю,
Кюнортада эки аякъланып жюрюйдю.
Ингирде уа юч аякъланып жюрюйдю.
2. Минг атлыны къырып кетди бир атлы.
3. Иеси – мен, жюрютген – эл.
4. Аз жетди деп киши ёпкелемеген.
5. Багъасына багъа жетмеген,
Ёмюрюнде сыйы кетмеген.
6. Келмей да болмаз, кетмей да къалмаз.
7. Тёгеречи – бусакъ терек¹,
Ортасы – терен кёзлеу.
8. Экеулен къарайды,
Экеулен тынгылайды,
Биреулен айтады.
9. Айланган – эки атым,
Эслетген – эки затым.
10. Эки анада – он бала.
11. Эки ыстауатым, он атым.
12. Тау башында – къара агъач.
13. Кёюме къарап турады да,
Айтханым эшитмейди.
14. Балтадан – ауур,
Балдан – татлы,
Бауурдан – къаты,
Базарда сатылмагъан,
Къолда тутулмагъан.

---

¹ Бусакъ – акътерек.

15. Кёзюм кысылса – кёреме,
Кёзюм ачылса – кёрмейме.

16. Не кёолу жокъ,
Не аягъы жокъ,
Дунияны юсюнде
Жетмеген жери жокъ.

17. Узун жолну кысха этер.

18. Бир кёолда турмаз,
Санаудан тоймаз.

19. Туюлмеген-эшилмеген,
Бир кийилсе – тешилмеген.

20. Кёолунда болмагъан да жокъду
Кёолунда кьалгъан да жокъду.

21. Биринчиси кыуяды,
Экинчиси жутады,
Ючюнчюсю чыгъады,
Тёртюнчюсю жыяды.

22. Бир атсам – он алама,
Он атсам – минг алама.

23. Минг кьарнашны – бир юйю.

24. Суугъа кирип бугъама,
Кьонакъ алып чыгъама.

25. Бир – эшиги, минг – тешиги.

26. Ары жаны – акъ къая,
Бери жаны – акъ къая,
Ортасында – сары мая.

27. Акъ кьалада – сары бийче.

28. Бир затым барды да:
Аны да ашамайдыла,
Ансыз да ашамайдыла.

29. Чоюнлада бишеме,
Саханлагъа тюшеме,
Балдан-жаудан толама,
Сыйлы сыйлау болама.

30. Жайсам – минг къары¹,
Жыйсам – бир къары.

31. Арбам жокъ,
Чанам жокъ,
Жюк ташыдым.

32. Беш жикли къары жилиян.

33. Буруш сыртлы къара жилиян.

34. Хатасызгъа тиймеген,
Хаталыны иймеген.

35. Сырт юсюнде акъ бийче.

36. Къабыргъа узуну къара къатын.

37. Бир къаяда минг тешик
Бири бирин тутадыла,
Анда бишген затланы
Къууаннганлай жутадыла.

38. Къолгъа алынмагъан,
Тулукъгъа салынмагъан,
Къаягъа минмеген,
Суугъа кирмеген.

39. Манга чапды,
Мени къапды,
Эшигими жапды.

40. Бир къызыл ийнегим барды да,
Бузоуу къачса къайтмайды.

41. Къызыл ёгюз жерде жата,
Кёксюл ёгюз кёкде бата!

---

¹ *Къары* – ёлчем, жарым метр.

42. Къолу жокъ,
Аягъы жокъ,
Кёкге ёрлер.

43. Къолунда – къуругъу,
Белинде – тулугъу,
Суу жагъада олтурур,
Суудан тулукъ толтурур.

44. Таудан тюзден жыйылама,
Минг тешике кьюлама.
Мени чайкъап ашайдыла,
Мени махтап жашайдыла.

45. Къайнамаз бла чайнамаз.

46. Чара¹ ичинде – жарты ай.

47. Тышы – къая, ичи – зая.

48. Акъ къаяда – сары бийче.

49. Акъ желимден юзюлген,
Акъ ташлада эзилген.

50. Бир аркъаным барды да:
Къыйыры жокъ,
Учу² жокъ,
Къарыгуу жокъ,
Кючю жокъ.

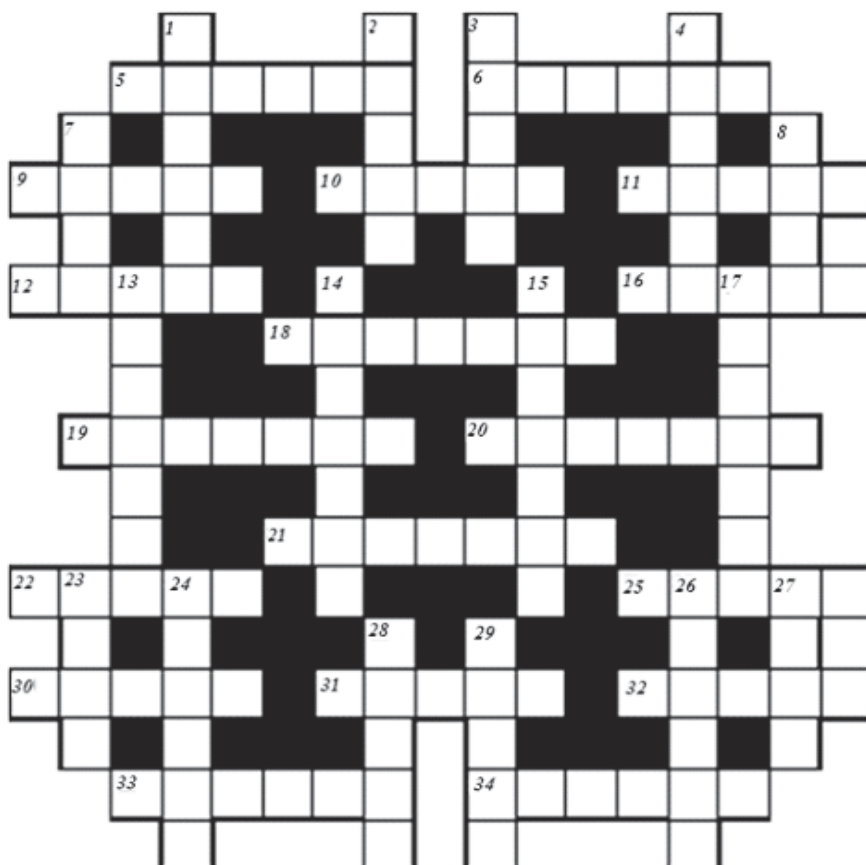
*Элберлени жууаплары «Минги-Тау» журналны
биринчи китабында чыгъарыкъдыла.*

---

¹ Чара – улуу табакъ.

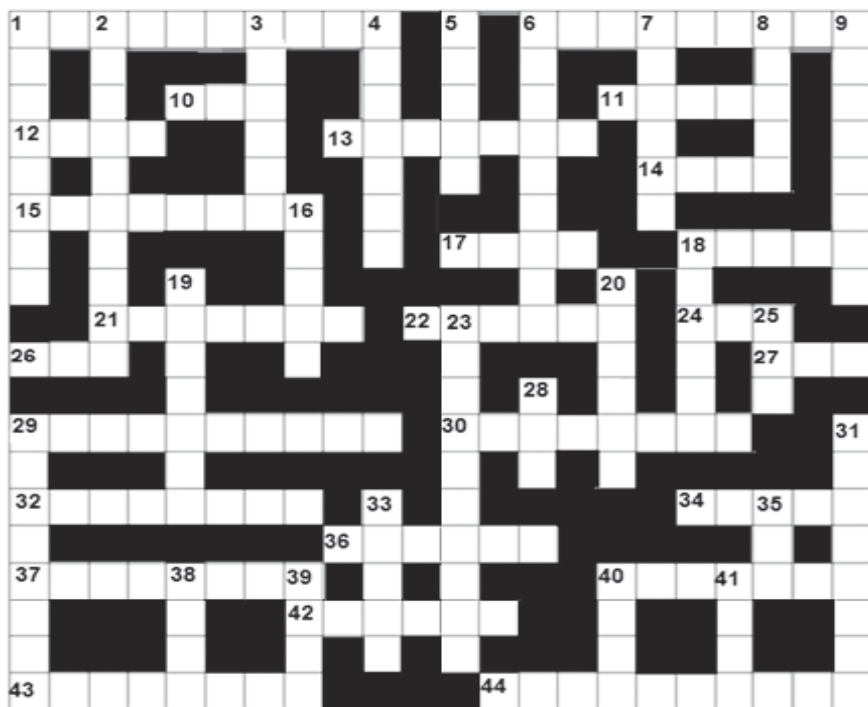
² Учу – ахыры.

СЁЗБЕРЛЕ

Эһине: 5. Къыргъызда таула. 6. Нохну кемеси тохтагъан тау этеги. 9. Назмуну алай айтыу ариуду. 10. Христиан дин къуллукъчу. 11. Патчах аскерни чигинжиси болгъан халкъны адамы. 12. Тогуз кючу болгъан ханс. 16. Кереклиси тенгли бир. 18. Тюрк къыраллыкъ. 19. Нальчикге кирген элледен бири. 20. Ол дуняда гюняхлы адамны жери. 21. Бек гитче бармакъ. 22. Музыка. 25. Тау-Артындан келген къонакъ. 30. Бештау тийреде тауну аты. 31. Иш хакъ. 32. Хантусну тюрлюсю. 33. Чеплеуден этилген татлы зат. 34. Ушкок атарыкъ марагъан зат.

Ёресине: 1. Быллым тийресинде жер, къая аты. 2. Терек. 3. Бичен этиуде хайырланылгъан амал. 4. Уллу оноучу. 7. Холамда аллай эл болгъанды. 8. Патчах юю. 13. Ариу къанатлы. 14. Ёлмесенг да, ол келеди да, къарыусуз этеди. 15. Дарийни сыйлысы. 17. Малкъар бла Бызынгы череклени араларында тау. 23. Терс-Къолда жер аты. 24. Тишируу ат. 26. Сютден этилген зат. 27. Басмаланган затны анга урадыла. 28. Халкъ жууунуучу жер. 29. Жибек жюнден жамычы.

Энине: 1. Быллай жигитни аты бла халкъ жомакъ барды. 6. Билимсизлик. 10. Таулары арасында алаша жер. 11. Кесин жюрютюу хунер. 12. Узбеклиени миллет ашлары. 13. Бек гитче сабий. 14. Битеу дуния. 15. Жаз ай. 17. Ишин билген. 18. Сют ичген кьозу. 21. Миксерни иши. 22. Кьойну санлагъанда юлюш. 24. Жылны кезиую. 26. Ол ачны билмейди дейдиле. 17. Алтын халы. 29. Быллым элни кьурагъан тукьумладан бири. 30. Музыка инструмент. 32. Чыгъарма жазгъанда изленнген зат. 34. Кьыбыла. 36. Бир адамны аты бла жумуш этген. 37. Аллахха ийинанганла кюннге беш кере анга кьапланадыла. 40. Заказ. 42. Кьыйынлыкь кьрген. 43. Эринчекге бизде алай айтадыла. 44. Жомакъны кьонгуроу тауушлу жигити.

Ёресине: 1. Сары гюлчюк. 2. Жер кьорюрге сьогенни иши. 3. Кьазахстанда шахар. 4. Кьара сьэню устасы. 5. Кьара агъач. 6. Малкьар халкъ жомакъны батыры. 7. Бир тюрлю бир оюм. 8. Аны жау ийис этдиргенде биширедиле. 9. Чегем ауузунда кьяя. 16. Дарман ийисли терек. 18. Кьойчуну таягъы. 19. Сермеш. 20. Узбекстанда ол шахардан бьрк, жаулукь да келтиргендиле бизге. 23. Гуртулары Бертни насийхат назмулу китабыны аты. 25. Жараны аны бла тазаладыла. 28. Кьанатлы. 29. Огъары Чегемде эски элни аты. 31. Дарман кьетгли юлкую. 33. Кьыралгъа оноу этген орган. 35. Сыйлы жарыкь. 38. Кьоркьакь. 39. Тойгъа жан салгъан таууш. 40. Тюрсюн. 41. Салкьын жер.

Сьэберлени Мусукалары Сакинат жарашдыргъанды.

Жууаплары «Минги-Тау» журналны биринчи китабында чыгъарыкьдыла.

БАШЛАРЫ

ШАУАЛАНЫ ХАСАННГА – 85 ЖЫЛ

ТОЛГЪУРЛАНЫ Зейтун. Шауаланы Хасанны чыгъармачылыгы. <i>Статья</i> . . .	3
Шауаланы Хасаннга келген кыагытладан	14
ШАУАЛАНЫ Хасан. Умутха ёлюм жокъ. <i>Повесть</i>	26

ПОЭЗИЯ

ХОЗИЕВ Борис. Широга кругозора и гармония чувств. <i>Статья</i>	64
БЕППАЙЛАНЫ Муталип. Назмула	68

«МИНГИ-ТАУНУ» КЪОНАГЪЫ

Ркаил ЗАЙДУЛЛА. Хапарла	89
Амир МАКОЕВ. Шылапчыкыны айрыкамы. <i>Хапар</i>	135

СУРАТЛА ДУНИЯСЫНДА

АППАЛАНЫ Жаухар. Сотворил собственный мир. <i>Статья</i>	151
Бакуланы Владимирни суратларындан	157

ОЗГЪАН УРУШДАН БЕЛГИ

ДОДУЛАНЫ Аскер. Адамлыкъ. <i>Статья</i>	176
---	-----

КЕСАМАТ СЁЗ

«ДИН КИТАБЫМ»	180
-------------------------	-----

БИЛЛЯЧА

БЁЗЮЛАНЫ Асият. Жомакыла	213
ЭЛБЕРЛЕ	216
СЁЗБЕРЛЕ	221

МИНГИ-ТАУ / ЭЛЬБРУС / № 6 (226)

*Литературно-художественный
и общественно-публицистический журнал*

На балкарском и русском языках

Учредитель
ГКУ «КБР-МЕДИА»

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кабардино-Балкарской Республике ПИ № ТУ07-00128 от 11 января 2018 г.

Корректор *Т. С. Гелястанова*
Компьютерная верстка *А. С. Бозиевой*

Подписано в печать 05.12. 2022.
Выход в свет 22.12. 2022. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14, 00.
Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 548 экз. Заказ № 2465.
Стоимость одного номера по подписке через
ФГУП «Почта России» – 37,60 руб., за 6 мес. – 113 руб.
В розницу цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

**«Минги-Тау» журнал келмей къалгъанына почта жууаплады.
Тел.: (88662) 42-11-75**

*Редакция авторла бла къагъыт байламлыкъ жюриотмейди. Къол жазма-
лагъа кесамат этилмейди, ала ызларына къайтарылмайдыла. Басмаланган
затланы авторларыны оюмлары бла редколлегияны кез къарамы бирча бол-
мазгъа боллукъду. Мында чыкъгъан материалланы башха жерде басмала-
гъанда, была «Минги-Тау» журналдан алыннгандыла деп чертген борчду.*

АЛТУУЛАНЫ МУСТАФАНЫ КЪЫЗЫ ХАЛИМАТ

Алтууланы Мустафаны кызы Халимат – Къулийланы Къайсын атлы кырал драма театры актрисасы, профсоюзланы республикалы комитетини башчысыны экинчиси, «Милосердие 07» жандауурлукъ фондну директору, театрда ишлегенлени Союзуну члени, КъМР-ни Парламентини депутатыны болушлукъчусу, «Мисс КБР 2020», «Мисс России 2020» деген конкурсланы лауреаты.

ЭЛБРУС МИНГИ-ТАУ

Редакцияны телефонлары:
42-23-40, 42-76-52, 42-40-29, 42-38-66

Адреси:
360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 5 «Минги-Тау»,
www.journals.smikbr.ru; mingitau@mail.ru

Индекс 73910

«КРАСАВИЦА РОССИИ 2020» КОНКУРСДА MRS КАТЕГОРИЯДА
ГРАН-ПРИ АЛГЪАН АЛТУУЛАНЫ ХАЛИМАТ